

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Учредители

Алтайский государственный университет
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В. В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Уханова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, И. Ю. Колесов, Г. В. Кукуева, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова, М. Г. Шкуропацкая

Секретариат

С. В. Доронина, М. П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66; Алтайский государственный университет, институт гуманитарных наук, оф. 405а.

Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Е. С. Смирнов.** Субконцепты «отец» и «мать» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья 7
- О. Г. Борисова, А. Ю. Костина.** Лингвокогнитивная сущность родственных отношений в диалектной картине мира жителей Кубани (на примере микрополя «Кровные родственники») (часть 1).....22
- Е. Н. Скубиева, Н. Н. Шпильная.** Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности.....37
- Е. А. Косых.** Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации 53
- Г. А. Менщикова.** Особенности языковых средств и речевых приемов манипулирования в американском политическом дискурсе (на примере предвыборных дебатов Д. Трампа и Д. Байдена).....67

Научные сообщения

- А. А. Соловьева, И. В. Тресорукова.** Особенности функционирования субстантивной модели простого предложения во фразеологии новогреческого языка 80
- Н. В. Кожанова.** Особенности функционирования аббревиатур в лексической группе наименований лиц по профессии в немецкоязычных реалиях.....93
- И. А. Широких.** Эмоциональная составляющая категории времени и категории вида (на материале текстов англоязычных песен) 103

О. Н. Григорьева, Ни Цзиншэн. Гастрономические итальянизмы в современном русском языке.....	114
И. Н. Дьяченко, Т. Н. Малиновская. Эмоциональная доминанта как структурообразующий фактор перевода	128
Г. М. Маматов. Образ морской девы в поэзии К. Д. Бальмонта.....	140
А. И. Куляпин. Идейная структура рассказа В. М. Шукшина «Внутреннее содержание»	149
И. Б. Ничипоров. Между современностью и мифом: роман Алексея Варламова «Купол».....	159
Н. С. Гребенникова, Е. А. Тозьякова Концепт «алтай-кижи/алтаец» как отражение национальной идентичности в алтайской литературе.....	168

Люди. Факты. События

О. Н. Меркулова, С. Р. Смирнов. Литература Сибири в социокультурном пространстве	177
Резюме	182
Наши авторы	194

CONTENTS

Articles

- Eu. S. Smirnov.** Subconcepts “Father” and “Mother” in the Traditional Linguistic Culture of the North Angara River Basin 7
- O. G. Borisova, L. Y. Kostina.** Linguo-Cognitive Essence of Relations in Dialect World View of Kuban Region Inhabitants (Based on the Example of Blood Relatives Microfield) (Part 1) 22
- E. N. Skubieva, N. N. Shpilnaya.** Model of a Linguistic Personality as a Native Speaker of Dialogical Linguistic Ability 37
- E. A. Kosykh.** Inscription in the Speech Paradigm of Society: on the Issue of Inscription Classification 53
- G. A. Menshchikova.** The Peculiarities of Language Means and Speech Techniques of Manipulation in American Political Discourse (on the Example of D. Trump and J. Biden Presidential Debates) 67

Scientific reports

- A. A. Soloveva, I. V. Tresorukova.** Features of the Substantive Model of a Simple Sentence Functioning in Phraseology of the Modern Greek Language 80
- N. V. Kozhanova.** Peculiarities of Abbreviation Functioning in the Lexical Group of Professional Denominations in German-Language Realities 93
- I. A. Shirokikh.** Emotional Constituent of the Category of Tense and the Category of Aspect (Based on the Lyrics of English Songs)..... 103
- O. Grigorieva, Ni Jingsheng.** Gastronomic Italianisms in Modern Russian Language (Synchronic and Diachronic Aspects)..... 114

I. N. Dyachenko, T. N. Malinovskaya. Emotional Dominance as a Structural Factor of the Translation	128
G. M. Mamatov. The Image of Sea Maid in the Poetry of K. D. Balmont	140
A. I. Kulyapin. The Ideological Structure of V. M. Shukshin's Short Story "Inscape"	149
I. B. Nichiporov. Between Modernity and Myth: Alexey Varlamov's Novel "The Dome"	159
N. S. Grebennikova, E. A. Tozyakova. The Concept of "Altai-Kizhi/Altaian" as a Reflection of National Identity in the Altaian Literature	168

Reviews

O. N. Merkulova, S. R. Smirnov. Siberian Literature in Socio-Cultural Range	177
Summary	182
Our authors	194

СТАТЬИ

СУБКОНЦЕПТЫ «ОТЕЦ» И «МАТЬ» В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Е. С. Смирнов

Ключевые слова: субконцепт «отец», субконцепт «мать», лингвокультурный концепт «семья», традиционная региональная лингвокультура, устный текст, Северное Приангарье.

Keywords: subconcept “father”, subconcept “mother”, linguistic cultural concept “family”, traditional regional linguistic culture, oral text, North Angara River basin.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–01

Одним из актуальных объектов исследований в современной отечественной лингвистике является региональная лингвокультура, под которой вслед за О. В. Фельде мы понимаем целостное и одновременно гетерогенное лингвокогнитивное явление, обусловленное различными культурными кодами и субкодами (бытовым, мифологическим, социальным и др.); пространственными координатами; теми или иными ценностными доминантами, а также социальным опытом людей, проживающих в регионе. Региональная лингвокультура является неоднородной, поскольку проявляется в книжно-письменной, мультимедийной и традиционной формах [Felde, 2019, p. 58]. Лингвокультура Северного Приангарья, которую мы рассматриваем сквозь призму концептосферы, представляет собой традиционную региональную лингвокультуру. Её макроединицей является культуроносный устный текст.

Исследования традиционных региональных лингвокультур проводятся преимущественно в рамках лингвокультурологического и коммуникативного направлений русской диалектологии [Банкова, 2014; Волошина, 2016; Гольдин, Крючкова, Сдобнова, 2008; Гынгазова, Иванцова, 2015; Калиткина, 2007; Кармакова, 2013]. В формирование эмпирической базы изучения региональных лингвокультур большой вклад внесли работы в области лингвокультурной и диалектной лексикографии [Бан-

кова, 2018; Традиционная культура Ульяновского Присурья, 2012; Язык русской деревни, 1994].

Изучение традиционной лингвокультуры Северного Приангарья началось относительно недавно. В рамках нарратологического, психолингвокультурологического, лингвокультурологического и лексикографического подходов особенности традиционной лингвокультуры Северного Приангарья рассматривают преимущественно иркутские и красноярские исследователи [Афанасьева-Медведева, 2007, 2008а, 2008б, 2010, 2011а, 2011б, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020; Вязовикина, 2020; Кайзер, 2018; Фельде, 2015, 2019]. В данной работе использован психолингвокультурологический подход, в центре внимания которого находится феномен лингвокультуры. Одним из путей изучения особенностей лингвокультуры, в частности традиционной региональной лингвокультуры, является анализ концептов.

Цель настоящего исследования — анализ структуры и содержания субконцептов «отец» и «мать», входящих в лингвокультурный концепт «семья». Вслед за рядом учёных под лингвокультурным концептом мы понимаем многомерное ментальное явление, культурно детерминированную идеальную сущность, являющуюся носителем ценностной информации, а также наделённую способностью к вербализации посредством различных языковых знаков [Зыкова, 2017, с. 371; Карасик, 2009, с. 9].

На исследовательском этапе были использованы апробированный в лингвокультурологических исследованиях метод концептуального анализа [Карасик, 2002; Слышкин, 2004]; элементы компонентного анализа лексического значения слова, а также метод лингвистического описания.

Источниками работы являются устные тексты о «семье», содержащиеся в «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья» (ЭТКЛСП)¹, и нарративы, представленные в иллюстративной части многотомного «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой (2007, 2008а, 2008б, 2010, 2011а, 2011б, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020).

Лингвокультурный концепт «семья» является одним из сегментов мегаконцепта «свои». Также в структуру данного мегаконцепта входят такие лингвокультурные концепты, как «родня», «ангарцы», «сибиряки», «деревенские» и др. Формирование структуры и содержания перечисленных концептов обусловлено различными культурными кодами. Кровнородственный культурный код детерминирует структуру и со-

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведённого в конце статьи.

держание лингвокультурных концептов «семья» и «родня»; пространственный культурный код детерминирует структуру и содержание лингвокультурных концептов «сибиряки» и «ангарцы»; пространственный и социальный культурные коды обуславливают формирование лингвокультурного концепта «деревенские». В настоящем исследовании рассмотрено влияние кровнородственного культурного кода на формирование лингвокультурного концепта «семья» на примере анализа субконцептов «отец» и «мать».

Субконцепт «отец» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья

Именем субконцепта «отец» является слово *отец*. Согласно этимологическому словарю М. Фасмера слово *отец* происходит от праславянского варианта *отъсь из *отькъ [Фасмер, 1987, с. 170]. П. Я. Черных, как и М. Фасмер, отмечает, что в общеславянском (праславянском) языке существовал вариант *отъсь. Также П. Я. Черных указывает на то, что в древнерусском языке с XI в. существовали такие слова, как *отьць*, *отънь*, *отъчий* [Черных, 1999, с. 611]. Стоит добавить, что слово *отъсь является общеславянским новообразованием, которое заменило в славянских языках индоевропейское название отца *rətēr.

В. И. Даль в языке своего времени фиксирует слово *отец* в значении «у кого есть дети» [Даль, 2004, с. 45]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова и «Толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой основным значением слова *отец* является «мужчина по отношению к своим детям» (БТСРЯ; ТСРЯ). Анализ приведённых дефиниций позволяет выделить базовый понятийный признак в содержании исследуемого субконцепта: «мужчина, у которого есть свои дети».

Имя субконцепта «отец» имеет синонимичные варианты в устных текстах старожиллов Северного Приангарья — «папа», «тятя», «бата»: *Сажнецов накопиам в палисадник цветов, а у нас насека же была, папа на пасеке же работал* (ЭТКЛСП); *В колхозе работали. Я помню, как тятя смолу гнал, дёготь гнал* (ЭТКЛСП); *Батя мой охотник был, его все уважали* (Афанасьева-Медведева, 2018, с. 145). Отметим, что во всех проанализированных нами текстах, лексемы которые объективируют рассматриваемый субконцепт, номинируют мужчин, являющихся родными отцами для информантов.

Анализ устных текстов старожиллов Северного Приангарья о «семье» показал, что в содержании субконцепта «отец» можно выделить пять базовых концептуальных признаков:

а) кровное родство: *Я евши небольшая была, евши до колхозов, восьми годов, а копны уж возила на покосе, боронила. Я у папы первая, и боронила* (Афанасьева-Медведева, 2014, с. 202); *Отец мой видывал как-то. Такой, гыт, небольшой, маленький, говорит. Отец мой родной видывал. Утром рано пошёл скоту давать сено, и он выскочил из-за хлева* (Афанасьева-Медведева, 2014, с. 269);

б) глава семьи: *у нас отец, мать, хотя он не прав, он сказал — мать делает всегда, как отец сказал. Муж у нас во всей деревне: муж — глава семьи* (ЭТКЛСП); *А родителей боялся, изменять слово. Если сказал отец, значит, слово — закон* (Афанасьева-Медведева, 2014, с. 160);

в) место рождения: *Отец родился в деревне Дворец по реке Ангаре* (ЭТКЛСП); *Тятя, он кровный, пановский. И тятины родители там были, и все* (Афанасьева-Медведева, 2020, с. 402);

г) один из родителей, который занимался народными промыслами: *у меня отец, дак он охотник был* (ЭТКЛСП); *У меня отец был рыбак и охотник* (Афанасьева-Медведева, 2020, с. 402);

д) мастер на все руки (умеющий всё делать по дому): *А он сам, отец, делал всё: и сани, ходки, и кошёлки, и короб свой, коробки* (Афанасьева-Медведева, 2007, с. 363); *И вот тятя ермо на корову шил, как хомут. В эти сани склали тако чё было, само основно. Столы, это всё у нас было как, в то время вроде у нас такая мебель была, что ни у кого не было. Он всё мог сам делать* (Афанасьева-Медведева, 2012, с. 275).

Образный слой субконцепта «отец» репрезентирован не так ярко, как понятийный и ценностный слой. Это связано с типом дискурса: в устном диалектном дискурсе содержится меньше образных признаков, чем в письменном дискурсе. Однако некоторые тексты раскрывают особенности образного слоя. Это определённые «картинки жизни», запомнившиеся информантам благодаря зрительному восприятию, которое «... важно до такой степени, что естественный язык, естественный интеллект и человеческий менталитет можно назвать „ориентированными на наглядность“, „visually oriented“, „перцептивно мотивированными“» [Рябцева]: *Отец был высокий, стройный <...>. Служил он в Омске, в Томске, в Красноярске, в Енисейске, их перебрасывали* (ЭТКЛСП); *Мама у меня маленькая была, а папа здоровый был, высокий* (ЭТКЛСП). При описании своих отцов коренные ангарцы используют перцептивную лексику, которая наглядно характеризует внешность и телосложение.

В ценностном слое субконцепта «отец» преобладает зона положительной оценки, представленная такими типами оценок, как общая, этическая, нормативная, эстетическая и интеллектуальная оценки. Данные типы выявлены с опорой на классификацию Н. Д. Арутю-

новой [Арутюнова, 1988, с. 75–77]. В проанализированных устных текстах перечисленные оценки эксплицированы различными оценочными прилагательными.

Некоторые информанты отмечают общие положительные качества своих отцов: *Вот это отец мой, а это он в форме вот стоит, а это брат его. А это, это этого сын, видите? В казацкой форме. Отец хороший у меня был, очень хороший* (ЭТКАСП); *Вот так вот стали жить оне. Пятьдесят лет прожили, детей нажили. Сроду он её не оскорбил, сроду он её не обозвал. У нас отец такой был хороший* (Афанасьева-Медведева, 2007, с. 325).

Этическая оценка в устных текстах эксплицируется в таких высказываниях: *В детстве нас как воспитывали... Воспитывали хорошо! Отец у нас очень строгий был. Попробуй-ка приведи вот к воротам своего жениха, он тя сразу выгонит!* (ЭТКАСП); *Тятя строгий. Бедный, но строгий. Если мы едим, и вот крошку невзначай уроним на пол хлеба, как взглянет — мы как береста на угольях — сразу!* (Афанасьева-Медведева, 2015, с. 347). В данных примерах прилагательное *строгий* выражает положительную оценку, так как информанты сами отмечают, что строгое воспитание со стороны отцов, т. е. требовательное, не допускающее какого-либо отклонения от устоявшихся, принятых норм поведения является хорошим, правильным воспитанием. Проанализированные тексты не отражают отрицательного воздействия строгого воспитания на информантов.

В некоторых текстах коренные ангарцы рассказывают о проявлении родительской любви к детям, отмечая радушие, приветливость отцов: *Он такой, батя, у нас, ласковый был, он никогда не зарявёт, всё говорил: — Ты, баская, куды пошла? Куды пошла?*

Ласковый был:

— Куды пошла, баска? Откуль пришла? Что сделала? (Афанасьева-Медведева, 2007, с. 310).

Также информанты отмечают такое нравственное качество у отцов, как прямота, честность, например: *И вот тятя потом вот это так и работал, он не работал, а в праздники работал в церкви токо, а в будни он дома работал, нахота была, всё. Он будни отработал, а в праздники... Он безобманный был, не скрывал ничё* (Афанасьева-Медведева, 2007, с. 472). В данном тексте использовано оценочное прилагательное *безобманный*, которое имеет значение «честный, живущий без обмана».

Стоит отметить контексты, в которых выражена нормативная оценка: *Когда мы с Артюгино переехали, а отец у нас, мебель вся была своя, он был очень хороший столяр. Вообще он всё мог делать, в том числе мебель*

была своя (ЭТКАСП); *Вытаскиваю я картошку — чистая, можно сразу отваривать в мундирах или почистить. Он <отец> говорит: «Давай в мундирах». Принёс я четыре глухаря, я говорю: «Батя, надо их как-то, это, щас я опотрошу, это, перья опалю и надо сварить, жарить». А он говорит: «А я уже приготовил протвень». Ну как, чтоб не сковороду, а на протвине. Крышку, всё сделал, ну, **мастеровитый батя-то** у меня. Что скажешь, то он и сделает (ЭТКАСП).* В данных примерах коренные ангарцы отмечают ремесленное мастерство своих отцов, умение заниматься плотницким трудом, что было нормой для деревенских мужчин.

Также в устных текстах с помощью прилагательных *красивый* и *бравый* эксплицирована эстетическая оценка: **Отец-то у меня красивый был, черноглазый, чернобровый <...>. Мама не зря на его возарилась. Он бравый был** (Афанасьева-Медведева, 2011а, с. 414).

В нашей картотеке есть контексты, в которых информанты приводят несколько положительных оценок: **Отец у меня грамотный был. В колхозе работал, хороший мужик был. Грамотный был, ага** (Афанасьева-Медведева, 2017, с. 183). В данном примере коренной ангарец эксплицирует общую и интеллектуальную оценки, используя прилагательные *хороший* и *грамотный*.

В некоторых устных текстах старожилов Северного Приангарья репрезентирована отрицательная оценка характера и поведения отцов: **Тятя наш он шибко карактерный был. Всю войну прошёл. Нервный** (Афанасьева-Медведева, 2017, с. 330); **Тятя он, знаешь, он кипятошный как был. Старики вот говорили, кипятошный человек. Вот он такой был. И в драку полезет. Горячий был <...>. Взрывной, нервный, неуравновешенный. Он, гыт, кипятошный человек, с ним надо остро смотреть, он может и огреть** (Афанасьева-Медведева, 2018, с. 177). В приведённых примерах содержатся оценочные прилагательные, которые выражают отрицательную этическую оценку: *нервный*, *взрывной*, *неуравновешенный*, а также *горячий* в значении *вспыльчивый*. В данных примерах содержатся экспрессивные прилагательные, характерные для речи сибиряков-ангарцев: *карактерный* в значении «своенравный, вспыльчивый, с дурным характером» (Афанасьева-Медведева, 2017, с. 330); *кипятошный* — «несдержанный, вспыльчивый, резкий человек» (Афанасьева-Медведева, 2018, с. 177).

Также есть тексты, в которых приводится амбивалентная оценка: **А отец был неграмотный, расписывался, а умнай был! Как в колхозе стали жить, тятя все дворы распланирует, где заставят его, строительный бригадир он был** (Афанасьева-Медведева, 2010, с. 93). В данном

контексте с помощью прилагательного *умный* положительно оцениваются интеллектуальные качества отца, однако наряду с этим используется лексема *неграмотный*, которая свидетельствует о недостатке определённых знаний.

Таким образом, на материале устных текстов старожилов Северного Приангарья было проанализировано содержание и рассмотрены особенности вербализации слоёв исследуемого субконцепта. Стоит отметить, что в ценностном слое превалирует положительная оценка.

Субконцепт «мать» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья

Именем субконцепта «мать» является одноимённая лексема. М. Фасмер отмечает, что лексема *мать* восходит к древнерусскому и старославянскому слову *мати*, которое родственно словам как из славянских языков: украинскому *мати*, белорусскому *маць*, словенскому *mati* и Т. д., так и из других языков: литовскому *mote* в значении «женщина», латинскому *mater* — «мать» и др. [Фасмер, 1986, с. 583]. Об этом же пишет и П. Я. Черных [1999, с. 516].

В «Большом толковом словаре русского языка» слово *мать* зафиксировано в значении «женщина по отношению к рождённым ею детям» (БТСРЯ); в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой в значении «женщина по отношению к её детям» (ТСРЯ). Анализ приведённых дефиниций слова *мать* позволяет выделить базовый понятийный признак в содержании субконцепта «мать»: «женщина, у которой есть рождённые ею дети».

Имя субконцепта «мать» в устных текстах старожилов Северного Приангарья представлено также однокоренными производными словами «мама» и «матерь»: *Папу в армию взяли. С отца у меня осталась ещё сестрёнка, ногами не ходила. И вот отца-то не стало, мама одна осталась с нами двумя* (ЭТКЛСП); *У нас вот дедушка мой с моей матерью был на лодке, значит, ездил, у них было две лодки в артель* (Афанасьева-Медведева, 2008б, с. 393). В проанализированных нами текстах лексема *мать* и её варианты номинируют женщин, которые являются родными матерями для информантов.

Анализ устных текстов старожилов Северного Приангарья о «семье» показал, что в содержании субконцепта «мать» можно выделить три базовых концептуальных признака:

а) кровное родство: *Мама рассказывала, ночью, и я как раз, её разрушали, и я родилась в эту ночь, ну, мама рожала меня в эту ночь* (Афанасьева-Медведева, 2020, с. 196); *А сейчас чего?! Совсем жизнь другая. Утром встанешь рано, еду сварить, потом на работу успеть надо. Я до-*

ма-то жила с матерью — на мне всё было хозяйство (Афанасьева-Медведева, 2020, с. 157);

б) место рождения: *А мама, как тебе сказать, ну пинчугская* (ЭТКАСП); *А мама она с Ангары. На Ангаре тут деревня есть Денисово. Она там родилась* (Афанасьева-Медведева, 2016, с. 363);

в) хранительница домашнего очага (выполнение социальной роли матери): *О, дак икряник — это было первое дело! У нас же хариус был с икрой, шишка была с икрой, окунь был с икрой, эти, сороги — все были с икрой. Придешь, очистишь. А у нас всё мама готовила. Мы работали, а она готовила, а мы всё у ней переняли!* (ЭТКАСП); *Я всегда буду, чтоб чисто-чисто было дома. У нас, потому что у мамы было сильно чисто. А мы, чистое-то мама хотела, а нас пятеро* (ЭТКАСП).

В отличие от рассказов о внешнем облике отца, устные тексты, эксплицирующие образный слой субконцепта «мать», единичны. Как правило, это контексты, в которых с помощью перцептивных лексем информанты кратко описывают внешность матери, например: *И потом, потом этот... тут кто-то сказал, что вот Анчирикова така, тятя её привёз. Она, мама-то, у меня <...> румяна была. Я на маму нахожу* (Афанасьева-Медведева, 2007, с. 477).

В ценностном слое субконцепта «мать» преобладает зона положительной оценки, эксплицированная оценочными прилагательными, которые репрезентируют разные типы оценок. В некоторых текстах выражена общая оценка: *А мама у нас хорошая была. Она нас ничего не ругала, но не распускали нас родители. Жили мы... Ни одна у нас не принесла, и ни тот, и ни другой* (ЭТКАСП);

[— Что-нибудь можете вспомнить про свою маму? Какая она была? — Собир.]

— *Она у нас болела.*

[— Какой она была по характеру? — Собир.]

— *Нам-то хорошая была* (ЭТКАСП).

Также в проанализированных текстах эксплицирована нормативная оценка: *А мать, она по людям ходила, косила, жала, где побелит, где постират. Безырывная была: работала, и работала, и работала. Где поспит, где не поспит. Чё-нибудь сделает, ей чё-нибудь дадут, у кого было-то чё дать* (Афанасьева-Медведева, 2008а, с. 65). В данном примере использовано прилагательное *безырывная*, которое имеет значение «работающая без передышки, без отдыха» (Афанасьева-Медведева, 2008а, с. 65), что говорит о трудолюбии матерей.

В некоторых текстах эксплицируется эстетическая оценка: *Мама у нас красивая была* (ЭТКАСП).

Однако преимущественно в устных текстах старожилов Северного Приангарья о «семье» выражена этическая оценка. Информанты рассказывают о доброте и гостеприимстве своих матерей: *Всё Иван Никандрович показывал, говорил, где, как, чё, слушали. Вот так все их, семеро. Но тётя Нюра, она как-то быстро умерла, заболела. А мама она долго прожила. У меня **мама шибко добрая** была* (Афанасьева-Медведева, 2011а, с. 430);

[— Какая у Вас была мама? — Собрив.].

— ***Добрая**, матери всё время было жалко детей (ЭТКЛСП); **Мама** моя была **шибко гостеприимная**. Она без народа никак не могла. Она любила народ, любила угощать, а сама не пила* (Афанасьева-Медведева, 2011б, с. 243).

Проведённый анализ показал, что структура субконцепта «мать» состоит из понятийного, образного и ценностного слоёв. Наиболее ярко в устных текстах старожилов Северного Приангарья эксплицированы понятийный и ценностный слои исследуемого субконцепта. В ценностном слое преобладают разные виды положительных оценок.

Таким образом, было установлено, что субконцепты «отец» и «мать», которые входят в структуру лингвокультурного концепта «семья», детерминированного кровнородственным культурным кодом, занимают важное место в концептосфере традиционной лингвокультуры Северного Приангарья. Это определяется целым массивом культуроносных устных текстов, в которых информанты подробно рассказывают о судьбах своих родителей. Наиболее репрезентативные тексты были проанализированы в настоящем исследовании. Также стоит отметить большое количество оценочных контекстов, как правило, эксплицирующих положительную оценку поведения и характера родителей. К перспективам работы стоит отнести дальнейшее исследование структуры и содержания субконцептов «отец» и «мать» на основе направленного лингвистического эксперимента, в рамках которого коренные ангарцы смогут написать мини-сочинения об отношении к отцу и матери. Это позволит более детально проанализировать образные слои, а также углубить представления о понятийном и ценностном слоях исследуемых субконцептов.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Банкова Т.Б. Вещный мир традиционной сибирской свадьбы в лингвокультурологическом аспекте: от бытового к бытийному (на материале

ле говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29).

Банкова Т. Б. Словарь сибирского свадебного обряда. т. 1: А — З. Томск, 2018.

Волошина С. В. Коммуникативная тактика сравнения в автобиографических рассказах (на материале диалектной речи) // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2.

Вязовикина О. В. Ангарский охотничий нарратив как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 1.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю., Сдобнова А. П. Оппозиция «город» — «деревня» в сознании носителей традиционной народной культуры // У чистого источника родного языка. Волгоград, 2008.

Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В. Ключевые ценности крестьянской культуры в высказываниях диалектной языковой личности о себе // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. М.; Саратов, 2015.

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М., 2017.

Кайзер К. В. Концепт «знахарка» в ангарской лингвокультуре // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза, 2018.

Калиткина Г. В. Тексты диалектного архива как базовый источник диалектной лингвокультурологии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298.

Карасик В. И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30).

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Кармакова О. Е. Русские диалекты как отражение народной жизни // Исследователь/Researcher. 2013. № 3–4.

Рябцева Н. К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ryabtseva/>.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.

Традиционная культура Ульяновского Присурья: этнодиалектный словарь. Т. 1: А — Л / Колл. авт. И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафронов, М. П. Чередникова и др.; отв. ред. И. А. Морозов, М. П. Чередникова. М., 2012.

Фельде О. В. Лингвокультурологическая информативность устного ангарского текста: код малой родины // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2019. № 4 (50).

Фельде О. В. Ангарский нарратив как объект исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 10 (151).

Язык русской деревни / И. А. Букринская и др. М., 1994.

Felde Olga V. The Oral Text as a Translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. 1.

Словари

БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. Т. 8. Ост — Пог. М., 2004.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <http://www.slovoopedia.com/15/45-0.html>.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1: А — Пантомима. М., 1999.

Список источников

СГРСБС: Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2017. Т. 19.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2016. Т. 18.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л. А. Касаткин, С. А. Мызников. Иркутск, 2015. Т. 17.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л. А. Касаткин, С. А. Мызников. Иркутск, 2014. Т. 13.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2012. Т. 9.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2011б. Т. 8.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2011а. Т. 7. 544 с.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2010. Т. 6.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В. М. Гацак, Ф. П. Сороколетов. Иркутск, 2008б. Т. 4.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В. М. Гацак, Ф. П. Сороколетов. Иркутск, 2008а. Т. 3.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф. П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т. 2.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2020. Т. 22.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2018. Т. 20.

ЭТКЛСП: Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>.

References

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt.* [Types of Language meaning: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, 1988.

Bankova T. B. *Veshchnyy mir traditsionnoy sibirskoy svad'by v lingvokul'turologicheskom aspekte: ot bytovogo k bytiynomu (na materiale govorov Srednego Priob'ya).* [The "Material" World of a Traditional Siberian Wedding in the Linguoculturological Aspect: from the Common to the Existential (by the Source Material of Middle-Ob Dialects)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. 2014. No 3 (29).

Bankova T. B. *Slovar' sibirskogo svadebnogo obryada.* [Dictionary of the Siberian Wedding Rite]. Tomsk, 2018. Vol. 1.

Voloshina S. V. *Kommunikativnaya taktika sravneniya v avtobiograficheskikh rasskazakh (na materiale dialektnoy rechi).* [Communicative Tactic of Comparison in Autobiographical Stories (on the Dialect Material)]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika.* [Ecology of Language and Communicative Practice]. 2016. No 2.

Vyazovikina O. V. *Angarskiy okhotnichiy narrativ kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. [Angara Hunters' Narrative as an Object of Linguistic Studies]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philology. Theory and Practice]. 2020. Vol. 13. No 1.

Gol'din V. E., Kryuchkova O. Yu., Sdobnova A. P. *Oppozitsiya "gorod" — "derevnya" v soznanii nositeley traditsionnoy narodnoy kul'tury*. [The Opposition "City" — "Village" in the Minds of the Native of Traditional Folk Culture]. In: *U chistogo istochnika rodnogo yazyka*. [At the Pure Source of the Native Language]. Volgograd, 2008.

Gyngazova L. G., Ivantsova E. V. *Klyucheveye tsennosti krest'yanskoy kul'tury v vyskazyvaniyakh dialektnoy yazykovoy lichnosti o sebe*. [Key Values of Peasant Culture in the Utterances of Dialectal Language Personality about Herself]. In: *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V.E. Gol'dina*. [Language in the Space of Speech Cultures]. Moscow; Saratov, 2015.

Zykova I. V. *Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i variant*. [The Metalanguage of Linguoculturology: Constants and Variants]. Moscow, 2017.

Kayzer K. V. *Kontsept "znakharka" v angarskoy lingvokul'ture*. [The Concept "Healer" in the Linguistic Culture of Angara Region]. In: *Vysokie tekhnologii, nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii*. [High technologies, science and education: current issues, achievements and innovations]. Penza, 2018.

Kalitkina G. V. *Teksty dialektного архива как базовый источник диалектной лингвokul'turologii*. [Texts of Midob Archive as Principle Sours of the Dialect Linguistic Culturology]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University]. 2007. No 298.

Karasik V. I. *Kontsept kak indikator epokhi ("ochkovtiratel'stvo")*. [A Concept as an Epoch Indicator (Show off in the Report)]. In: *Politicheskaya lingvistika*. [Political Linguistics Journal], 2009. No 4 (30).

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002.

Karmakova O. E. *Russkie dialekty kak otrazhenie narodnoy zhizni*. [Russian Dialects as a Reflection of Folk Life]. In: *Issledovatel'/Researcher*. [Researcher]. 2013. No 3–4.

Ryabtseva N. K. *Mental'naya leksika, kognitivnaya lingvistika i antropotsentrichnost' yazyka*. [Mental vocabulary, cognitive linguistics and the anthropocentricity of language]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ryabtseva/>.

Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty*. [The linguistic cultural concept and metaconcepts]. Volgograd, 2004.

Traditsionnaya kul'tura Ul'yanovskogo Prisure'ya. Etnodialektnyy slovar'. [Traditional culture of the Ulyanovsk region. Ethno-dialect dictionary]. Responsible editors I. A. Morozov, M. P. Cherednikova. Moscow, 2012. Vol. 1: A — L.

Fel'de O. V. *Lingvokul'turologicheskaya informativnost' ustnogo angarskogo teksta: kod maloy rodiny*. [Linguacultural Informativeness of Oral Angara Text: Small Motherland Code]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*. [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University]. 2019. No 4 (50).

Fel'de O. V. *Angarskiy narrativ kak ob'ekt issledovaniya*. [Angarsk Narrative as the Subject of the Research]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2015. No 10 (151).

Yazyk russkoy derevni. [The Language of the Russian Village]. Moscow, 1994.

Felde Olga V. *The Oral Text as a Translator of Ancient Linguoculture of the Northern Angara Region*. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No 1.

Dictionaries

BTSRYA: Kuznetsov S. A. (eds) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.

TSRYA: Efremova T. F. (eds) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <http://www.slovopedia.com/15/45-0.html>.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V dvenadtsati tomakh*. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 12 vols.]. Moscow, 2004. Vol. 8.

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1986. Vol. 2.

Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1987. Vol. 3.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian language]. Moscow, 1999. Vol. 2.

List of sources

SGRSBS: Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Irkutsk, 2017. Vol. 19.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Irkutsk, 2016. Vol. 18.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Edited by L. L. Kasatkin, S. A. Myznikov. Irkutsk, 2015. Vol. 17.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Edited by L. L. Kasatkin, S. A. Myznikov. Irkutsk, 2014. Vol. 13.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Edited by V. M. Gatsak, S. A. Myznikov. Irkutsk, 2012. Vol. 9.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Edited by V. M. Gatsak, S. A. Myznikov. Irkutsk, 2011b. Vol. 8.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Edited by V. M. Gatsak, S. A. Myznikov. Irkutsk, 2011a. Vol. 7.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. [Edited by V. M. Gatsak, S. A. Myzniko]. Irkutsk, 2010. Vol. 6.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia.]. In 20 vols. Edited by V. M. Gatsak, F. P. Sorokoletov. Irkutsk, 2008b. Vol. 4.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia.]. In 20 vols. Edited by V. M. Gatsak, F. P. Sorokoletov. Irkutsk, 2008a. Vol. 3.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia.]. In 20 vols. Edited by F. P. Sorokoletov. Irkutsk, 2007. Vol. 2.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Irkutsk, 2020. Vol. 22.

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri*. [Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baikal Siberia]. Irkutsk, 2018. Vol. 20.

ETKLSР: *Elektronnyy tekstovyy korpus lingvokul'tury Severnogo Priangar'ya*. [Electronic text corpus of the linguistic culture of the North Angara River basin]. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/home>.

**ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ
РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ
(НА ПРИМЕРЕ МИКРОПОЛЯ
«КРОВНЫЕ РОДСТВЕННИКИ»)**

Часть 1

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная картина мира, концептуальное микрополе «Кровные родственники», этнокультурная специфика, кубанские говоры.

Keywords: cognitive dialectology, dialect world view, conceptual microfield “Blood relatives”, ethnocultural specifics, Kuban dialects.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–02

Многогранность родственных отношений обуславливает концептуальную полифонию понятия «семья», разнообразие форм его вербализации, способность к лингвокогнитивным и этнокультурным модификациям. Будучи индикатором особенностей национального менталитета, концепт «семья» неоднократно становился предметом разносторонних научных изысканий, в том числе лингвокогнитивных и лингвокультурологических (см. работы Е. В. Добровольской, Н. Н. Занегиной, М. В. Матвеевой, Н. Н. Рухленко, А. С. Сказко и др.). В приведённых исследованиях *семья* рассматривается как многослойный поликонцепт, репрезентируемый системой лексических и фразеологических единиц, структурируемый соответствующими микрополями и имеющий этнокультурные особенности. Каждый этнос обладает «неповторимыми ассоциациями образного мышления, обусловленными особым семантическим наполнением каждого слова — культурными смыслами. Они закрепляются в языковой системе и составляют её национальную специфику» [Мишаева, Гасанова, 2016, с. 30].

Концептуальное поле «Семья» в сознании носителей кубанских говоров (далее — КГ) достаточно объёмно, что является показателем важности семейных отношений. Под концептуальным полем как частью концептуальной системы диалектоносителя мы понимаем един-

ство экстралингвистически обусловленных элементов, обладающих семантической общностью и репрезентирующих в синхронии и диахронии этнические ценности и культурные коды, характерные для данного диалектного сообщества. Ядро концептуального поля «Семья» составляют выделяемые на основе экстралингвистического фактора микрополя «Кровные родственники» и «Некровные родственники». В них устанавливается родство реальное / условное, по прямой / боковой линии, близкое / дальнее. Наиболее важным видом родства считается кровное родство.

Объектом исследования данной статьи является микрополе «Кровные родственники». Цель работы — раскрыть лингвокогнитивную сущность отношений между кровными родственниками в диалектной картине мира (далее — ДКМ) жителей Кубани, выявив коннотативное содержание репрезентантов исследуемого микрополя и рассмотрев их специфику на материале КГ.

Описать микрополе «Кровные родственники» позволяют имеющиеся лексико-фразеологические ресурсы, а также устные высказывания носителей КГ, в которых отражаются особенности восприятия семьи как традиционной базовой ценности. Источниками исследования послужили региональные словари по КГ [Андрющенко и др., 2006; 2009; Борисова, 2019; Лексика..., 2019; РГК], рукописный словарик пословиц и поговорок, составленный жительницей станицы Старотитаровской А. Н. Котелевич [Котелевич, 2010], сборник кубанских пословиц и поговорок П. Ткаченко [Ткаченко, 2008], а также данные многолетних полевых экспедиций (2005–2019 гг.).

Анализируемый языковой материал обладает разной степенью информативности и различной временной отнесённостью. Возникшие в более ранний период слова, фразеологизмы, пословицы, поговорки, присказки, песни и иное в большей степени отражают традиционное мировидение носителей говоров, в котором проявляются архетипические, общенародные взгляды на окружающую действительность, являющиеся результатом объективированного фольклорного сознания. Безусловно, под влиянием экстралингвистических факторов ДКМ, имея некую неизменную основу, постоянно трансформируется, что наиболее ярко проявляется в высказываниях нынешних диалектоносителей, где фиксируются как архаические, так и современные представления о родственных отношениях, поскольку именно речь содержит максимально объективную информацию о человеке, воспринимающем себя как часть мира и диалектного сообщества. Опора на разнообразные источники делает возможным описать концептуальное микрополе «Кровные родственни-

ки» в синхронно-диахроническом аспекте, отразив динамику одних его участков и консервацию других.

Большинство базовых слов с интегральной семьей «родня, род» в исследуемом концептуальном пространстве составляют существительные с корнем РОД- / РИД-: *поро́да, при (ы) ро́да, ридня́, роденю́шка, родь, роды́на, срод́ствие, сродство́*. Выделение корня РОД у семантических вариантов слов литературного языка (далее — ЛЯ) *поро́да, при-ро́да* обусловлено сохранением в КГ его семантического веса. Отметим, что в ЛЯ у этих лексических единиц (далее — ЛЕ) иное морфемное членение: в них наблюдается процесс опрощения, в результате чего произошло слияние исконных приставки и корня. В значении «родня, род» лексема *поро́да* в словаре русского языка снабжена пометами *устар.* и *прост.* (МАС, III, с. 303). В КГ она входит в активный словарный запас их носителей, выступая также компонентом фразеологической единицы (далее — ФЕ) *на́ша поро́да* — «родственники, похожие внешне и складом характера»: *Ви́тя — на́ша паро́да, вы́литый де́душка Ва́ня, а Ко́ля в Та́нину радню́ пашо́л* (пос. Пашковский). Словообразовательное гнездо с корнем РОД- / РИД- в КГ составляют структурные варианты общенародных слов: существительные *срод́ник, ро́дыч* «родственник», *ро́дычка* «родственница»; прилагательные *ро́дный* (в кубанских говорах с южнорусской языковой основой, далее — КГЮЯО) / *ри́дный* (в кубанских говорах с украинской языковой основой, далее — КГУЯО), а также диалектные глаголы *родня́ться, родыча́ться* «поддерживать родственные отношения». Приведённые ЛЕ находятся в активном словаре диалектоносителей. Менее частотно диалектное существительное *кро́вность* «кровная родня», которое в КГ можно рассматривать как локализм, созданный на базе прилагательного *кро́вный* «происходящий от одних предков, родной по крови» (МАС. 1957–1961, т. II, с. 132) (см. также ворон. и ряз. «родной, родственный») (СРНГ. Т. 15, с. 268), образованного от слова *кровь*, передающего в метафорическом плане идею родства и наследственности.

В крае широко известны поговорки, подчёркивающие естественную потребность человека жить семейной жизнью, обусловленную неприятием одиночества, желанием отдавать любовь и заботу близким, пониманием семьи как надёжного тыла. Приведём поговорку в огласовке, записанной в станице Старомышастовской: *И горобэ́ць биз людэ́й нэ жыва́*. См. также её вариант, зарегистрированный в высказывании информанта из станицы Елизаветинской: *Ну́жно жыны́ця, шоб була́ сямья́, ди́ты. И горобэ́ць оды́н ны жыва́*. Эта идея отражается и во фразеологии. См., напр.: *жить гуртылём* «жить сообща, большой семьёй»

(станция Воронежская), *жить как оди́н дух* «дружно, одним домом, сообща вести хозяйство» (станция Ярославская). В рассказах диалектоносителей часто подчёркивается важность регулярного личного общения между родственниками. См., напр.: *Мы с плимя́нниками радыча́имся. Ани да на́с ча́ста прыижжа́ють, зво́ним друх дру́гу* (пос. Пашковский). Информанты с сожалением признают, что в современной жизни встречи с близкими часто заменяются разговорами по телефону: *Ужэ́ не ба́чимся, по тэлэфо́ну ти́лько* (станция Старотитаровская).

Семья в языковом сознании носителей КГ ассоциируется с домом, что в целом характерно для русской языковой картины мира (далее — ЯКМ), в которой ЛЕ *дом* может функционировать как синоним-дублет концептуального знака «семья», актуализируя семантику семейного пространства и порядка. Дом на Кубани часто называют *ха́той*. В лексической паре *хата* — *семья* отражается двойственность концептуального восприятия семьи как системы родственных отношений и как способа организации быта этих отношений. Приведём записанные на Кубани паремии, где существительное *хата* выступает синонимом лексемы *семья*: *Ка́жна ха́та свои́м го́рем напха́та; хоть с ха́ты тика́й* «о неблагоприятной обстановке в семье».

Беседы с информантами показали: современные жители Кубани проявляют интерес к истокам своего рода. В КГ зарегистрированы следующие диалектные наименования родословной: *родосло́вие, родосло́вность*. Приведём их в высказываниях информантов: *Систра́ мне написа́ла письмо́, штоп я ей написа́ла радасло́вність* (станция Архангельская). *Родосло́вие на́ше тако́е: ищё када́ царь Ива́н Гро́зный захвати́л Кры́мский пэрэиэ́йик, он назна́чил там гла́вным Була́та по на́ший кро́ви. И вот мы вы́хоццы отту́да* (хутор Могукоровский). В кубанских станицах много потомственных казачьих семей. Следует отметить, что в былые времена не приняты были браки с иногородними, казаки стремились отыскать себе невесту — ровно по социальному положению. См., напр.: *А как сва́йба была́, коза́к абиза́тильно бу́дит брать коза́чку, а нагоро́дний — нагоро́дную* (станция Елизаветинская). Принадлежность к потомственному казачеству — предмет гордости и в наши дни. Приведём показательное высказывание: *Мы по́томные* (станция Полтавская). Диалектное прилагательное образовано по непродуктивной деривационной модели: наречие *потом* + суффикс -Н-. В сравнении с литературным эквивалентом *потомственный* (от существительного *потомство* + суффикс -ЕНН) в диалектизме на первый план выступает темпоральная семантика производящей основы *потом* — «следует за каким-либо событием, явлением, действием, затем» (МАС,

т. III, с. 331). Таким образом, в слове *пото́мный* актуализируется признак времени: это не только «принадлежащий по рождению к казачьему сословию», как у слова *потомственный*, но и «следующий за прошлыми поколениями, связанный с ними вековыми казачьими традициями».

Традиционная кубанская семья состояла из нескольких поколений родственников, живших под одной крышей. Главой такой патриархальной семьи был старший мужчина. В народном сознании именно старейшина рода — своеобразное связующее звено разных поколений одной семьи. Как отмечает кубанский историк О. В. Матвеев, поколение «обычно измерялось периодом от смерти главы семьи до момента смерти его старшего наследника. Выражение «это было при моём деде» подразумевает, что прадед в это время уже не жил, иначе бы событие датировалось по прадеду» [Матвеев, 2005, с. 132]. Старшим мужчиной в семье выступает, как правило, дед, номинация которого в кубанской языковой традиции имеет некоторые особенности в огласовке. Так, носители КГЮЮО произносят — *дед*, носители КГУЯО — *дид*². В местном диалекте функционируют также структурные варианты, которыми ласково называют дедушку: *де́ дя, деду́ ня / деду́ ня, деду́ нчик*.

Традиционно дед в семье и в обществе (станичной общине) — всеми уважаемый человек, обладающий большим авторитетом, истинный казак. См. показательные высказывания информантов: *Дет был здоро́ вый каза́ цю́ ра* (станция Ахтанизовская). *Дет был каза́ чу́ ра, кама́ ндавал со́ тней* (станция Кубанская). *Де́ душка був коза́ к, носы́ в хво́ рму коза́ ка́* (станция Мингрельская). *Та там дид був ты́ кы́ й каза́ цю́ ра, шо ды́ ржы́ сь* (станция Новокорсунская). *Дид був, як каза́ лы, рэ́ паный каза́ к, такы́ й ма́ тёрый каза́ к* (пос. Пашковский). *Та мы ужэ́ так, а вот де́ душка, тот был каза́ чу́ ра* (Усть-Лабинск). Н. И. Бондарь в статье «Дед / дид — баба» приводит записанную на Кубани пословицу, отражающую безграничное почитание деда: *Мною можно пол мыть, а дид а як ца́ ря посады́ ть* [Бондарь, 2019, с. 504]. Пока отец или дед не благословят, к еде в казачьей семье не приступали. Информанты старшего поколения рассказывают, что если кто-то из младших при встрече со старшими не проявил должного уважения или, наоборот, поступил по обычаю, то старший останавливал его и спрашивал имя деда, а не отца и затем просил передать деду нарекание или похвалу (ср.: [Бондарь, 2019, с. 504]).

В рассказах носителей КГ подчёркиваются дальновидность деда, его житейская мудрость и практичность. Приведём показательное воспоминание информанта: *Де́ душка ка́ жэ: «А Та́ сю на́ до одда́ ть*

² Слова дед / дид в КГ служат также обращением к мужчинам самой старшей возрастной группы или к ровесникам отца, уже имеющим внуков.

в я'сли». А ма'ма ка'жэ: «Шо у на'с и'сты ны'чэго?» А де'душка ка'жэ: «Е'сли лю'ды побач'уть, шо у на'с е, шо и'сты, то до на'с пры'йдуть и бу'дуть шука'ть зирно', и забыру'ть. Есть у на'с и'сты, нима'е, а Та'сю на'до на площа'тку одда'ть». И оддали' мэ'нэ на площа'тку (пос. Пашковский).

Диалектоносители обращают внимание на трудолюбие и мастеровитость деда. Например: По'ршни я наси'ла. Де'душка, ма'мин ате'ц, хади'ть не' в чим, о'буви никако'й не' была, а тётка, ма'мина систра', два'цать васьмо'ва, я тры'цать втаро'ва, а де'душка пашы'л нам (станция Кабардинская). У мэ'нэ дет був, вин нивысо'кага ро'ста був, но кля'тый до рабо'ты каза'к (станция Новотитаровская). Лю'ды хо'дють про'сто, а дэ'душка бузлу'к здэ'лал. Бузлукы'на но'гы надэ'нэ и хо'дэ. Металли'чески, там такы'шыты'здэ'ланы, шоп нэ сковза'цця (станция Старотитаровская).

На основе высказываний информантов можно выделить ещё и такие стереотипизированные качества деда, как физическая крепость, жилистость, ловкость, долголетие: Диду'ня наш дивяно'ста лет пражы'л (станция Архангельская). А де'душку грэци'кы'нулы. Ну вин цэпкы'й як ки'шка, вин успи'в хваты'цця за шо'сь там. Драбы'на упа'ла, а вин выси'в, а пото'м стри'бнув (станция Гривенская). В активном словаре носителей КГ находится ФЕ ко'лом / дры'ном / дрюко'м / дрючко'м не даб'ёшь «о крепком, обычно немолодом человеке», которые, как правило, используются по отношению к деду: Дет тако'й, шо дрю'кам ни даб'ёш (хутор Ильич). Дет у на'с будь здаро'в: дрючко'м ни даб'ёш (станция Малотенгинская). Он (дед) тако'й кре'пкий, си'льный, ужэ'сто'лька лет, а дры'нам ни даб'ёш (станция Упорная).

В языковом сознании диалектоносителей дед олицетворяют собой благополучие и достаток семьи. Отсюда бытующая в КГУЯО поговорка Покы'ди'да, покы'и хли'ба, то есть семья, в которой есть старый мужчина, имеющий богатый опыт ведения хозяйства, обладающий житейской мудростью, никогда не будет нуждаться и бедствовать. Приведём эту поговорку с пояснением информанта: Ще ма'ма на'ша каза'ла: покы'ди'да, покы'и хли'ба. Цэ зна'чит, шо колы'есть в доми'муци'на, симье'лу'чче жыве'цця, ужэ'вона'голодува'ть ны бу'дэ (станция Старотитаровская). Синтаксический параллелизм, лежащий в основе поговорки, позволяет рассматривать лексемы дед / дид и хлеб / хлиб как контекстные синонимы. Необходимо подчеркнуть, что сеять хлеб традиционно считалось исключительно мужским занятием. Показательно, что в годы войны, когда большинство мужчин были на фронте, выполнявшие их работу женщины просили немощных стариков хотя бы на-

чать сев. Глубокая народная мудрость, заложенная в приведённой паремии, находит воплощение и в популярной на Кубани песне «Хлебушко» (муз. Г.Ф. Пономаренко, сл. А. Фоминых):

*Людям жить нельзя без хлеба,
Птицам жить нельзя без хлеба,
Хлебушко, хлебушко —
Всей Кубани дедушка!*

Обладая общим концептуализированным признаком «дающий начало роду / жизни» (ср.: *Хлеб — всему голова, Дед — глава семьи*), понятия *хлеб* и *дед* являются значимыми концептами и в современной народной культуре.

К диалектным номинациям бабушки в КГ относятся нейтральные лексемы *ба́ба*, *баба́ка* и эмоционально окрашенные существительные *бу́ся*, *бабу́ня*, *бабу́нька*, *бу́сенька*. Следует отметить, что источником большинства вторичных диалектных номинаций бабушки, как и деда, в КГ является детская речь. Бабушка занимает в кубанской семье особое положение. Она не только ведёт домашнее хозяйство, но и нянчит внуков, занимается их воспитанием. Приведём воспоминания информантов о своём детстве и о той роли, которую в их жизни сыграла бабушка: *Ба́бушка напы́на 'е шаль, туда́ Лю́нку и пузырёк ма́нки навару́ла. И оцэ́ Лю́пка была́ пу́хтя, све́жа* (станция Копанская). *Я нэ по́мню, шоб нас бы́лы. Ба́бушка ну кода́ там лица́ дать по горбя́ки* (станция Кущёвская). *По́мню, как мне ба́бушка гавари́ла: «Ны оставля́й нычэ́го в тари́лки! Пры́йдэ баба́й и бу́дэ за тобо́й, всю ночь гоня́ция»* (станция Платнировская). *Я нэ хоти́ла в де́цкий сат ходы́ть: нэ нра́вылось, шо там спать ложы́лы в обит. У на́с ба́бушка до́ма була́, ба́бушка ш нас нэ вклада́е, а там на́до спать* (станция Старотитаровская).

Информанты рассказывают, что первый выпавший зуб бросали бабушке, приговаривая: *«Бабушка, на тебе железный зуб, а мне дай косяной»* [Бондарь, 2019, с. 508]. В наши дни роль бабушки в семье остаётся традиционной: *От вну́кив воспы́тую, за хазя́йством догляда́ю* (станция Бородинская). *Я щас вну́ка ня́нькаю* (село Екатериновка). *Вну́чички мынэ́ вважа́ють, ба́бушку, потому́ што я их возрасты́ла, помога́ла дочка́м* (село Шабельское).

Важно подчеркнуть, что бабушки и дедушки являются хранителями народных традиций, верований, примет и стремятся передать их внукам: *Сказа́л мини́ дид: «Фси ди́ты, якы́ з до́ма вбига́лы, папада́лы к чэ́ртиня́ там и са́мы рабы́лысь чэ́рта́ми». До́лга я ляка́лась выхади́ть з до́му* (станция Бородинская). *Ба́бушка так раска́зывает*

ла: е́сли ты сыды́ш на у́лыци и паба́чиш малады́ка, то на́до пака́за́ть малады́ку де́ньги и сказа́ть: «Малады́к, малады́к, на тиби́ на рост, а мини́ на здра́вье». И тада́ вин помо́жэ. А е́сли с собо́ю де́них няма́е, то хады́ть за ны́мы спица́льна ныльза́ (станция Бузиновская). Гниздо́ ла́стивкы ны розоря́ють: нызя́ розоря́ть, бо ла́стивка мо́жэ ха́ту спалы́ть. Стари́ лю́ды каза́лы: прынысэ́ жары́ну и спа́лэ. Йих ны тро́гають, йих и сича́с лю́ды боя́цца... Хто зна́е (станция Дядьковская). Пае́хали за се́нам. Ба́бушки сказа́ли: «Ни е́тте на Смалы́-капну́». Ни паслу́шали их, пае́хали. Зае́хали ужэ́ ф стани́цу. Вирё́фка пиритёрлась, а из выхлопно́й трубы́ выли́та́ит ака́лина — и на се́на. Пря́м ф стани́цы, две́сти ме́траф ад до́ма (станция Передовая). Дедушка и бабушка — носители народной мудрости, которая часто в их речи актуализируется в прецедентных текстах. Например: Я рыву́, а ба́бушка ка́жэ: «Ни рыви́: за чёрным днём завсигда́ кра́сный бува́» (станция Бородинская). Ще́ на́шы диды́ ка́за́лы: «Хочь жы́знь соба́ча, зато́ во́ля коза́ча». Во́ля — цэ́ для коза́ка са́мэ гла́внэ́ (станция Динская). Я кажу́ уну́ку: «Диржы́сь ба́тька как вош кожуха́» (станция Старомышастовская).

На Кубани деда и бабушку могут называть одним словом *деды́*. Лексема входит в общекубанский лексический пласт и находится в активном словаре у жителей кубанских станиц. См., напр.: У ми́ня́ ате́́ц жыл дивяно́ста лет. За де́душэ́к, ба́бушэ́к ничё́ ни раска́зывал. Па́на, раска́жы́ шо-нибу́ть пра́ дидо́ф — он ничё́ ни раска́зывал (станция Архангельская). Диалектизм не имеет однословных эквивалентов в ЛЯ, его функционирование в КГ демонстрирует актуальность в языковом сознании диалектоносителей восприятия деда и бабушки как единого целого, как основы семьи, в которой главой является мужчина.

Внутри семьи *деды́* выступают неким объединяющим началом. Они часто собирают в своем доме родственников, накрывают стол, с радостью угощают их. См., например, высказывание информанта: Жды́мо́, колы́ до на́с ди́ты, уну́кы пры́йдуть, лю́бым йих госты́ть (село. Екатериновка). Такие встречи, бесспорно, сплачивают членов семьи. Приведем воспоминания жительницы станицы Старотитаровской: Ко́лы́ бу́ся Мары́на була́ жы́ва, у нэ́й була́ ру́ска пи́чка. Бу́ся лобы́ла собыра́ть ридню́, напы́ка́лы пири́жки в. Собыра́юцця, уси́х подря́т, як ка́жуть, бы́тых и ра́ных, вся ридня́. Несмотря на пережитые трудности, тяжелую работу, *деды́* сохраняют чувство юмора. См., например, фрагмент записи, сделанный в хут. Братском: Ось ще́ я вам зду́мала: «Ти́да-ти́да полюбы́ла ба́пка ди́да, по́вы́сила на кило́к, шоб нэ́ би́гав до диво́к». Оптимистичное отношение

к жизни представителей старшего поколения семьи находит отражение в паремии *Бабу (дида) грие нэ кужух, а вэсэлый дух*. Широко бытующая на Кубани поговорка *Дид за дугу, а баба вжэ на возу* подчёркивает слаженность их действий в быту. Впоследствии это выражение было переосмыслено, приобрело ироническую коннотацию и используется в ситуациях, характеризующих чью-то неоправданную поспешность при совместной деятельности.

С глубоким сожалением диалектоносители отмечают, что отношение молодёжи к старикам меняется в худшую сторону: *Малады́ и ни хо́чут за старика́ ми дагля́дывать* (пос. Пашковский). В наши дни внуки далеко не всегда проявляют должное внимание и уважение к бабушкам и дедушкам. Приведём показательное высказывание информанта: *Ба́бушка старэ́нька ска́жэ: «Он цыбэ́рка, пийды́ набэры́ воды́». Видро́! Цыбэ́рка. И никто́ и сло́ва ни мох сказа́ть про́тиф. А сича́с? Скажы́, ага́. Так цыбэ́рку ту на го́лову оди́нут* (станция Новодеревянковская). *Уну́ки ре́тка хо́дють: баба́ка ста́рая, ня́нчить ни мо́жэть* (хутор Новопокровский).

С горечью информанты старшего поколения констатируют нарушение преемственности, отход внуков от казачьих традиций, что лишает права называться казаками. Приведём широко бытующую на Кубани присказку, имеющую иронично-презрительную коннотацию: *Дид був каза́к, ди́ты — сыны́ каза́чы, а вну́ки — хвосты́ соба́чы*. Потеря своих корней негативно скажется на будущем поколении. Эта идея находит отражение в следующей паремии: *Жылы́ диды́ — ны ба́чиль биды́, бу́дут жыть вну́ки — нэ обэ́рэ́шся му́ки* (ст-ца Старомышастовская). В записанном в ст-це Динской прецедентном тексте *Диды́ кы́слэ йи́лы, а у вну́кив оско́ма на зуба́х* содержится мысль о том, что драматичная судьба дедов, переживших рассказывание, войны, нужду, голод, не могла не сказаться на жизни внуков, которые утратили традиции предков, являющиеся духовной скрепой, помогающей противостоять жизненным трудностям. В приведённых паремиях у ЛЕ *деды́* и *вну́ки* актуализируются значения «исконное казачество как приверженцы традиций» и «современные потомки казаков, традиции утратившие». Выявление оппозитивной семантики свидетельствует о наличии у указанных ЛЕ этноспецифических концептуализированных признаков «славное казачье прошлое» — «бесславное будущее», что позволяет говорить о сформированности в ДКМ знаковой для носителей КГ бинарной оппозиции *деды́ — вну́ки*, не характерной для ЛЯ. Данная оппозиция основывается на приоритетности в сознании диалектоносителей оценки времени в особой, казачьей системе координат.

Между тем языковой материал демонстрирует и гармоничные отношения дедов и внуков, что в целом характерно для русской ЯКМ. Внуки воспринимаются стариками как богатство семьи, о них рассказывают с особенной теплотой, гордятся их количеством, успехами, глубоко переживают их проблемы и неудачи, желают им лучшей жизни, стремятся помочь, в том числе материально. Приведём показательные высказывания информантов: *Внук як жыны 'всь, я каза 'ла, шоп вин стро 'ився, мы з ди 'дом помо 'жым. Зна 'итэ таку 'ни 'сню: «Зробы 'ха 'ту з лободы ', а в чужу 'ю нэ вэды '. Бо чужа 'я така 'я, як свэкру 'ха лыха 'я»* (станция Пластуновская). *Хо 'дъ бы мому 'вну 'кужы 'нка лжыбо 'чиха нэ попа 'лася* (станция Стародеревянковская). *Сирёшка (внук) став пириво 'тчиком, пив-Зимли 'ужэ 'прои 'хав по командиро 'вкам. Таня расска 'зывала, шо Сирёшка бала 'кае по-англи 'ски як ту 'рок!* (станция Старонижестеблиевская). *Пра 'внук о 'чинэ у 'мный ма 'льчик, язы 'к как на вирёвачке* (станция Тверская). *Внук дужэ кмитли 'вый* (Тихорецк), где кмитли 'вый «сообразительный, сметливый, находчивый, догадливый, смекалистый, смышлённый». Часто внуков и правнуков любят даже больше, чем детей. Так, жительница ст-цы Архангельской вспоминала, что бабушка называл ее «моей последней радостью». Любовь к внукам находит подтверждение в широко бытующей на Кубани поговорке: *Ди 'ты до врэ 'мя — вну 'кы до гро 'ба*. Таким образом, отношения дедов и внуков в восприятии носителей КГ имеют двойственную природу.

Слово *внук* в КГ не имеет диалектного эквивалента. Оно может произноситься в местной огласовке [унук] (произношение слогового [У] на месте губно-зубного [В] характерно для многих носителей КГ: *унучка, уре [э] мя*). В наших материалах зарегистрированы два диалектных наименования внуки: *вну 'ля, вну 'ця*. Фонематическими вариантами слов ЛЯ являются лексемы *пра 'мнук, пра 'мнучка* (чередование в корне щелевой <В> и смычно-проходной <М> характерно для КГ и наблюдается и в других словах: *давно ' — дамно ' , равни 'на — рамни 'на* и др.).

Родителей в кубанских станицах, так же, как и бабушку с бабушкой, часто называют одной лексемой — *батькы ' / батьки ' , отцы ' .* В этих диалектизмах, как и в слове *деды ' ,* актуализируется приоритетность мужского начала в семье. См., напр.: *Аццо 'вы аццы 'прии 'халы у Бату 'ринку* (станция Батуриновская). *Мойи ' батьки ' помэ 'рли* (станция Бородинская). *Постро 'илы ха 'ту, од батки 'в пэри 'халы и згуля 'лы вхо 'дыны* (станция Гривенская). *Як благословы 'лы ба 'тько и ма 'ты, молоди 'должни 'булы 'поцылува 'ть батьки 'в* (станция Марьяновская). *В станы 'ци я жыву 'с са 'мого ди 'цтва, тут и мойи ' батькы ' жылы ' и диды ' (станция Новотитаровская). Як выхо 'дыла за 'миж, батькы ' надары 'лы*

мэни': ба'тько подары'в тёлочку, а ма'ма подары'ла одия'ло (станция Платнировская). Для номинации родителей используется также сочетание с элиминированной сочинительной связью — ба'тько-ма'терь.

В кубанских станицах раньше было принято жить вместе с родителями: *Ишо'ба'бушка мая'раска'завала. Уйи'х бы'ла де'вить дите'й: читы'ри бра'та и пять систёр. У дварэ'у йи'х бы'ли пу'ньки. И вот, зна'чить, бра'тья е'ти са свае'й сямьёй жы'ли ка'ждай у свае'й пу'ньки. А сёстры бы'ли ишо'низаму'жними и жы'ли с ради'тилями у до'ми* (станция Успенская). Приведём фрагменты бесед с информантами, в которых осуждается отход от этой традиции в наши дни: *А тэпэр'молоди'нэ хо'чуть би'ля старики'в жыть, а тада'жы'лы по двина'цать, читы'рнацать чилове'к* (станция Новотитаровская). *Жы'ли в адно'й ко'мнати. Тут ади'н брат спит, тут ря'дам друго'й спит ж жо'нами. И ма'мка пасриди'ни. Да, тада'бы'ла так, тада'был зако'н тако'й. Сича'с с ради'тилем ни хо'чуть жыть. А ра'ньшы ради'тилей никагда'ни аткида'ли* (станция Тверская). Однако и в прежние времена родители старались отделить молодую семью в отдельную хату (её строили или покупали), что на Кубани называлось жить *на отде'льность*.

Отношение к родителям было почтительным, что подчеркивается в беседах с современными диалектоносителями в следующих контекстах: *Ради'тилей на'да пачи'тывать* (станция Передовая). *Козаки'булы'дю'жэ почита'тильным наро'дом: уважа'лы и роди'тилив свойи'х, ста'рих людэ'й, цэ'ркву дю'жэ почита'лы* (станция Старовеличковская). Родителей в традиционной кубанской семье принято было называть на *вы*. См., например: *Ма'тэ рабы'ла в калхо'зи. Аны'взялы'фсю тя'жбу мушску'на сэ'бэ* (станция Динская).

Обязательным считалось родительское благословение: *Когда'нэви'ста прыхо'дэ с ро'спыси, ба'тько и ма'ты благословля'ють* (станция Ахтанизовская). *Ба'тька з хли'бом, ма'тэ з вико'ною благословля'ють на воро'тах* (станция Бриньковская). *Як благословы'лы ба'тько и ма'ты, молоди'должни'булы'поцьлува'ть батьки'в* (станция Марьянская). *Як дочку'оддава'лы роди'тили, то дава'лы ма'ты ико'ну Ма'тэрь Бо'жью* (станция Новоцербиновская). *Благословля'ють молоды'х. Ма'ты и ба'тько выхо'дят з вико'ною. Молоди'по о'чирэди'цылу'ють вико'ну* (станция Старомышастовская). Если невеста была сиротой, то ранним утром в день свадьбы она посещала могилы родителей: *Ниве'сту-сирату'виду'ть на кла'дбище. Иду'ть и игра'ють: «Вы пайди'ти ва цэ'ркавь, вы уда'рьте гро'мка а ко'лкал, вы разбе'йти мать сыру-зе'млю, раскали'те грабаву'ю даску', разбуди'те (каво'там) па'пачку, ма'мачку, типе'рь мне на'да дать саве'т и пара'дачик,*

как к чужы́м лю́дям итти́ть и чужы́м лю́дям дагади́ть» (станция Кубанская). В наши дни эта традиция сохраняется.

Главенствующее положение в семье занимает отец, слово которого имеет большой вес. Диалектные номинации отца, кроме двух устаревших *тя́тя, тя́тька*, находятся в активном словаре носителей КГ. Одна из лексем — общеславянское существительное *ба́тя*, снабжённое в словарях ЛЯ пометой *Обл.* (МАС. Т. I, с. 69). ЛЕ представляет собой уменьшительно-ласкательную форму (с выпадением *r* и смягчением *t*) от *bratǫ. Первоначально *ба́тя* было обращением к старшему брату, потом — к отцу [Шанский, Боброва, 2004, с. 19]. Существительное имеет в КГ дериваты *ба́тько (а), батя́ня*.

Наиболее частотны в речи носителей КГ общенародные слова *оте́ц, па́па, па́пка*. Показательно, что *па́пой, па́пкой* на Кубани называют хлеб, это характерно и для других русских говоров: смоленских, рязанских, курских, воронежских, сибирских (СРНГ. Т. 25, с. 203]. М. Фасмер, отмечая широкое распространение слова *па́па* в данном значении, поясняет, что оно восходит к лат. *pappa* «каша» (ср. с *papa* «уменьш. название отца», заимствованного из франц. *papa*) (Фасмер, т. III, с. 200). В подобных случаях происходит так называемая *деомонимизация* (термин Л. В. Малаховского). Данное явление, обратное «распаду полисемии», логично назвать *лексической конвергенцией* (схождением двух ЛЕ, слиянием их в одну лексему): слово не теряет, а, напротив, притягивает значение совпадающей с ней по форме ЛЕ, которое органично вписывается в семантическую структуру благодаря наличию осязаемой семантической связи, эксплицирующейся в высказываниях носителей диалекта [Борисова, 2019, с. 405]. Зарегистрированные в КГ контексты подтверждают, что разные по происхождению ЛЕ иногда могут сближаться в сознании диалектоносителей и восприниматься ими как разные ЛСВ одного слова. См. фрагмент беседы с информантом: *Я по́мню: в на́шей семье́ на хли́б каза́лы «па́па».* — Почему папа? — *Ну па́па же́ ри́ же́ хли́б, а ма́ма насы́та́е в тари́лку* (станция Старотитаровская).

Как известно, русская философия относит хлеб к естественно-природным и духовным началам, что находит отражение в функционирующей на Кубани пословице *Хлеб — ба́тько, вода — ма́ты*, где родители ассоциируются с жизненно важными понятиями, образующими в русских паремиях концептуальную связку. На Руси хлеб традиционно называли с любовью *батюшкой, отцом, кормильцем*: *Хлеб — дар бо́жий, отец, кормилец; Хлеб — ба́тюшка, водица — ма́тушка*. Приведённые паремии демонстрируют родственность человека и этого ценного продукта.

Отец в казачьей семье первым приступал к еде, а уже после него начинали есть все остальные домочадцы, о чем свидетельствуют воспоминания диалектоносителей: *Сыда 'ють круго 'м. Хлибы 'на хли 'ба та ка 'я. Ба 'тько ри 'жить. Са 'мый ста 'рший* (хутор Казаче-Малеванный). *Ну быт був ду 'жэ прасты 'й, о 'чинь всё про 'ста-про 'ста. От ще колы 'я мала 'була ' , ба 'бушка расска 'зувала, но вот вана ' сваё де 'цтва када 'вспамина 'ла, гава 'рила, шо у ни 'х ище ' и тари 'лак да 'жэ тада ' не 'была. И вары 'лы ото ' карто 'плю, вары 'лы карто 'шку и ута 'к высыпалы на сти 'л пасриди 'ни (ма 'ма высыпа 'ла йии '). И ба 'тько пэ 'рвым брав оту ' карто 'плю, а ужэ 'пато 'м де 'тям мо 'жна бы 'ла йии 'бра 'ты* (станция Кущёвская).

В активном словаре носителей КГ находятся поговорки, имеющие шутливо-ироническую окраску: *И вора нэ було, и батька вкралы* (так говорят в ситуации, когда что-то исчезло без видимой на то причины); *Гуртом и батька легко би(ы)ть* (сообща можно победить самого сильного); *Не лизь попереk батька в пекло* (не опережай события, жди, что скажут более старшие и опытные). В них эксплицируются такие концептуализированные признаки понятия *отец*, как «важный», «сильный», «опытный» член семьи.

С отцовским началом связывается конкретное пространство, малая родина, что подтверждается бытующими в КГ синонимичными лексемами *батьки(о)вици 'на, отцо 'вицина* «родина». Актуализация у этих существительных второго ЛСВ «наследство» отражает восприятие в народном сознании отца как того, кто закладывает и обеспечивает материальное благополучие детей.

Что касается других репрезентантов микрополя «Кровные родственники», то они будут рассмотрены в продолжении данной статьи.

Библиографический список

Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2019.

Бондарь Н. И. Дед / дид — баба (материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Бондарь Н. И. Дерево жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар, 2019.

Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX века): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.

Мишаева М. В., Гасанова М. Ш. Отражение национального характера в антропоцентрических фразеологизмах лакского языка // Филология и человек. 2016. № 3. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/archive>.

Ткаченко П. Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар, 2008.

Источники

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани. Армавир, 2009.

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани. Армавир, 2006.

Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар, 2018.

Котелевич А. Н. Скаже, як влипэ: пословицы и поговорки станицы Старотитаровской: Рукопись.

Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику. Армавир, 2019.

Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992: Деп. В ИНИОН РАН. № 47266. (РГК)

СРНГ: Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–40), С. А. Мызников (вып. 41–50). М.; Л.; СПб., 1955–2017.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. М., 1957–1961.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2004.

References

Borisova O. G. *Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya*. [Vocabulary and phraseology of Kuban dialects as a macrosystem: a model and its implementation]. Tesis of Philol. Doct. Diss. Krasnodar, 2019.

Bondar' N. I. *Ded / did — baba (materialy k etnokul'turnomu slovaryu Kubani)*. [Ded / did-baba (materials for the ethnocultural dictionary of Kuban)]. In: Bondar' N. I. *Drevo zhizni: ocherki tradicionnoj narodnoj kul'tury. Etnografiya, antropologiya, semiotika*. [Tree of life: essays on traditional folk culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar, 2019.

Matveev O. V. *Istoricheskaya kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII — nachalo XX veka): kategorii voinskoy mental'nosti*. [Historical picture of the world of the Kuban Cossacks (late XVIII — early XX century): categories of military mentality]. Krasnodar, 2005.

Mishaeva M. V., Gasanova M. Sh. *Otrazhenie natsional'nogo kharaktera v antropotsentricheskikh frazeologizmakh lakskogo yazyka*. [Reflection of the national character in the anthropocentric phraseological units of the Lak

language]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2011. No 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/archive>.

Tkachenko P. *Kubanskije poslovitsy i pogovorki*. [Kuban proverbs and sayings]. Krasnodar, 2008.

List of sources

Andryushchenko V. I., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. *Slovar' kubanskih govorov. Krasnodarskij kraj: vostochnyj region Kubani*. [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar territory: Eastern region of Kuban]. Armavir, 2009.

Andryushchenko V. I., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. *Frazeologicheskiy slovar' govorov Kubani*. [Phraseological dictionary of Kuban dialects]. Armavir, 2006.

Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskih govorov*. [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar, 2018.

Kotelevich A. N. *Skazhe, yak vlipe: poslovitsy i pogovorki stanitsy Starotitarovskoy*. [He will say how he will slap: proverbs and sayings of the village of Starotitarovskaya]: Manuscript.

Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo linejnogo kazachestva: materialy k slovarju-spravochniku. [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: materials for the dictionary-reference]. Armavir, 2019.

RGK: *Russkij govor Kubani: slovar'*. [Russian dialect is the Kuban]. Ed. by E. P. Shejnina and E. F. Tarasenkof. Krasnodar, 1991. Dep. in INION of Russian Academy of Sciences 12.11.1992. No. 47266.

SRNG: *Slovar' russkih narodnyh govorov*. [Dictionary of Russian folk dialects]. Chief ed. by F. P. Filin (vol. 1–23), F. P. Sorokoletov (vol. 23–40), S. A. Myznikov (vol. 41–50). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, 1955–2017.

MAS: *Slovar' russkogo yazyka*. [Dictionary of Russian]. In 4 vols. Moscow, 1957–1961.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. St. Petersburg, 1996.

Shanskij N. M., Bobrova T. A. *SHkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov*. [School etymological dictionary of the Russian language. Etymology of words]. Moscow, 2004.

МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК НОСИТЕЛЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ³

Е. Н. Скубиёва, Н. Н. Шпильная

Ключевые слова: адресат, диалог, диалогическая языковая способность, языковая личность.

Keywords: addressee, dialogue, dialogical linguistic ability, linguistic personality.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–03

Проблема исследования

Статья посвящена проблеме моделирования языковой личности как носителя диалогической языковой способности. Обращение к этой проблеме обусловлено сложившимся в лингвоперсонологии противоречием, которое мы видим в том, что существующие модели языковой личности воссоздают языковую личность как создателя монологического высказывания. Отсюда представления, согласно которым реконструкция языковой личности возможна на основе анализа порожденных ею текстов [Караулов, 1987; Мельник]. При этом в качестве текста зачастую берется изолированное от коммуникативного контекста речевое произведение, за исключением, пожалуй, модели языковой личности, предложенной С.А. Сухих, в которой учитывается способность языковой личности к исполнению различных коммуникативных ролей [Сухих, 1998, с. 95–108].

Как известно, большое значение для моделирования языковой личности имела работа Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 1987]. Созданная им трёхуровневая модель языковой личности (вербально-семантический (впоследствии изменённый на вербально-грамматический), когнитивный и прагматический уровни) стала базовой для описания различных языковых личностей. Лингводидактическая модель языковой личности, предложенная Г. И. Богиним, представляет собой результат соотнесения языковых аспектов, видов речевой деятельности и уровней готовности к речевой деятельности [Богин, 1986].

Также среди существующих в современном языкознании аспектов моделирования языковой личности можно выделить следующие: пси-

³ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – докторов наук МД-3824.2021.2

хологический — разработанные в психологии структуры языковой личности проявляются по-разному в коммуникации и поэтому исследуются в лингвистике [Леонтьев, 1969]; социологический — моделирование на основе языковых индикаторов определённых социальных групп [Карасик, 2002]; культурологический — моделирование лингвокультурных типов, представителей социальных групп, воплощающих нормы лингвокультуры данного общества [Красных, 1997; Маслова, 2001]; прагмалингвистический — моделирование на основе коммуникативного поведения носителей элитарной/массовой языковой культуры [Сухих, 1998; Карасик, 2002].

Итак, мы видим, что представленные в современной лингвоперсоналогии модели языковой личности описывают последнюю как создателя монологического высказывания, о чём свидетельствует воссоздание структуры языковой личности как проекции этапов порождения высказывания, выделенных в психолингвистике. На наш взгляд, подобное представление языковой личности не соответствует её реальному статусу в коммуникации. Очевидно, что коммуникация осуществляется в форме диалога, а потому реальной единицей коммуникации является диалогическое высказывание, предполагающее создание не только инициальной, но и ответной реплики. Это означает, что традиционные модели языковой личности (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов и др.), представляющие её как создателя монологического высказывания (= инициальной реплики), нуждаются в уточнении.

Цель нашей статьи — обосновать необходимость моделирования языковой личности как носителя диалогической способности и описать структурные уровни такой модели. В центре нашего внимания — модель языковой личности как создателя ответной реплики в диалоге.

Методология исследования

В качестве основных методов исследования нами использованы моделирование и гипотетико-дедуктивный метод. Вопрос о специфике лингвистических моделей давно обсуждается в лингвистике. Особенность лингвистического моделирования заключается в том, что моделировать можно и картину мира, представленную в языке, и речевую деятельность, в которой язык функционирует, и речевые механизмы, управляющие порождением текстов, и сами тексты, являющиеся результатом речевой деятельности. Моделирование позволяет перенести на объект особенности строения модели, поскольку она повторяет структуру объекта моделирования. Следует отметить, что лингвистическое моделирование ориентируется на конкретные условия, а не на весь язык, т.е. моделируется определённый языковой компонент, необходимый для решения кон-

кретной проблемы. Разнообразие целей и задач моделирования способствует широкому применению метода в различных областях языкознания. Так, например, в социолингвистике он служит для моделирования коммуникативного акта. Использование моделирования в когнитивной лингвистике обусловлено идеей структурирования всех знаний человека (фреймовая семантика Ч. Филлмора, модель понимания дискурса Т. ван Дейка и др.) [Ремхе, 2007, с. 94–95].

В качестве основы мы берём классификацию лингвистических моделей, предложенную Ю.Д. Апресяном. В работе создаётся модель языковой личности, в которой «в качестве объекта выступают конкретные языковые процессы и явления. Эти модели имитируют речевую деятельность человека» [Апресян]. Предлагаемая нами модель языковой личности имитирует деятельность носителя языка по созданию ответной реплики в диалоге.

Моделирование языковой личности осуществляется с опорой на гипотетико-дедуктивный метод, являющийся основным научным методом в процессе превращения гипотезы в теорию и наиболее подходящие для исследования структуры явления. Основным достоинством данного метода является возможность расширения знания только при существовании определённого наличного знания. Иными словами, гипотетические суждения выводятся на основе уже существующих теорий об исследуемом явлении.

В нашей работе такими теориями выступили исследования, посвящённые диалогической природе языка и диалогической коммуникации. Современные представления о реальном статусе адресата речевого произведения позволили нам предположить наличие иной модели языковой личности. Изучив существующие работы о процессах восприятия, понимания и порождения речи, мы смогли выделить структурные уровни такой модели языковой личности. В частности, опираясь на идеи Ф. Джонсона-Лэрда о первичном поверхностном понимании высказывания [Джонсон-Лэрд] и учение А.А. Ухтомского о доминанте [Ухтомский, 2002], нами был выделен уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания ответного текста.

Анализ существующих моделей языковой личности показывает, что при моделировании языковой личности не учитывается способность носителя языка выступать одновременно в двух статусах: и адресанта, и адресата речевого высказывания. Названная способность проявляется в том, что, ориентируясь на исходное диалогическое высказывание, носитель языка выражает своё отношение к нему и создаёт ответное речевое произведение, т.е. согласно Н.Н. Шпильной, носи-

тель языка получает в диалоге статус отвечающего, который обозначает себя и как адресата, и как адресанта данного высказывания [Шпильная, 2017, с. 160]. Подобное онтологическое совмещение происходит поскольку «всякий говорящий является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, нарушивший вечное молчание вселенной» [Бахтин, 1979, с. 247]. Согласно М. М. Бахтину, диалог — это основная категория процессов сознания и познания, и поэтому любая встреча с миром культуры становится беседой, или диалогом [Бахтин, 1979, с. 409]. Речь всегда диалогична, даже при автокоммуникации обращение направлено к *Другому* или к собственному *Я*, производящему ответную реплику [Бахтин, 1979, с. 296]. Ему же принадлежит и идея того, что весь процесс человеческого существования имеет диалогическую сущность [Бахтин, 1979, с. 409].

Такое понимание коммуникативного статуса носителя языка в диалоге восходит к идеям Л. П. Якубинского, указывающего на диалогичность понимания чужой речи и ориентированность речи на собеседника. Следует отметить, что учёный подчёркивал ответный характер любого речевого высказывания: «всякое речевое раздражение, как бы непрерывно длительно оно ни было, возбуждая как свою реакцию мысли и чувства, необходимо толкает организм на речевое реагирование» [Якубинский]. Также в работе «О диалогической речи» Л. П. Якубинский развивает идею о том, что истинное существование языка проявляется только в диалоге.

Согласно описанному представлению диалогичности, адресат сообщения рассматривается не как объект влияния, а как главный участник, активный субъект коммуникации, от восприятия, понимания и интерпретации которого зависит успех общения, в целом, и адресанта, в частности [Бубер]. Поэтому, на наш взгляд, модель языковой личности обязательно должна учитывать диалогическую языковую способность носителя языка.

Структура языковой личности как носителя диалогической языковой способности

Диалогическое высказывание создается в ситуации ответа, из чего следует, что адресат речевого произведения в процессе диалогической коммуникации воспринимает информацию, интерпретирует её, проявляет какое-либо субъективное отношение к смыслу речевого высказывания и создаёт собственное речевое произведение. Описанные процессы находят отражение в предложенной нами модели языковой личности как носителя диалогической способности (таб.):

- 1) уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания ответного текста;
- 2) интерпретационный уровень;
- 3) модусный уровень;
- 4) интертекстуальный уровень.

Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности

Структурный уровень	Единицы описания
Уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания ответного текста	ключевые слова
Интерпретационный уровень	холистическая стратегия элементаристская стратегия текстоориентированная стратегия автороориентированная стратегия
Модусный уровень	достоверность/недостоверность утверждение/отрицание эмоциональность/нейтральность
Интертекстуальный уровень	интертекстема: <ul style="list-style-type: none"> • цитата из исходного речевого произведения; • цитата из других источников

Далее в статье особенности уровневой организации языковой личности иллюстрируются на материале интернет-комментариев одной языковой личности, оставленных к разным новостным статьям, размещенным на сайте информагентства «Банкфакс».

Уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания ответного текста

Проблема восприятия речи требует, во-первых, разграничения узкого и широкого толкования термина, во-вторых, учёта специфики восприятия устной и письменной речи, в-третьих, изучения природы восприятия речи с точки зрения его субъекта и изучается в психологии, перцептивной фонетике, нейрофизиологии речи.

Узкое понимание восприятия речи касается только этапа апперцепции, на котором речевое произведение поддается слуховому или зрительному анализу, выделению акустических признаков и фонетической интерпретации. В широком значении первый этап объединяется с дальнейшей обработкой и пониманием смысла сообщения и рассматривается в психолингвистике, теории речевой деятельности.

Восприятие речи предусматривает рецепцию услышанных или увиденных языковых элементов, установление их взаимосвязи, формирование представления об их значении и происходит поэтапно — собственно восприятие и понимание.

В отличие от восприятия, понимание речи — это когнитивная операция осмысления и усвоения информационного массива сообщения на основании восприятия семантического смысла речевого произведения с помощью собственного тезауруса адресата и его знаний о нормах коммуникации, присущих определённой культуре. Однако понимание речи является не простым отображением замысла автора речевого произведения и содержания последнего. Это творческий процесс сопоставления воспринятого с информацией, хранящейся в памяти адресата, и обработка информации, которые определяют формирование отличного от произведённого автором смысла, хотя и в рамках заданных значений. Понимание речи характеризуется разной степенью качества и глубины, и на начальном этапе речь идёт только о понимании основного предмета высказывания. Следовательно, слушатель может рассказать, о чём говорили, но не может повторить содержание высказывания.

Согласно учению А.А. Ухтомского о доминанте, характерной особенностью такого процесса является наличие у человека состояния, при котором небольшое воздействие приводит к запуску уже подготовленного процесса [Ухтомский, 2002]. Применительно к нашему исследованию можно сказать, что у читателя новостной статьи уже существует какое-то отношение к читаемой информации и от качества этого отношения зависит, будет ли носитель языка создавать ответное речевое произведение. Иными словами, изучив достаточное количество интернет-комментариев конкретной языковой личности, можно предположить, какие темы её заинтересуют. В процессе поверхностного понимания речевого высказывания носитель языка пользуется различными опорами. В нашей работе такой опорой выступают ключевые слова, которые и есть тем воздействием, запускающим реакцию на исходное речевое произведение, поскольку активизируют связанные с ними ассоциации. Например, для автора комментариев, взятых нами для иллюстрации структурных уровней, такими словами являются *Заксобрание, администрация города, выборы, депутаты*, присутствующие в заголовках новостных статей.

Интерпретационный уровень

Существуют разные типы, стили, способы понимания информации, заложенной в тексте. Также в разных ситуациях носители языка демонстрируют различное понимание текста. Рассматривая текст в речевом

пространстве адресата, воспользуемся идеей А.А. Потебни о заложенной в каждом слове способности всяким пониматься по-своему [Потебня, 1976, с. 162]. Суть интерпретации определяется как мнение адресата речевого произведения о самом высказывании на основе его представления о последнем [Ким, 2009, 2011].

Для интерпретации прочитанного текста адресату речевого высказывания необходимо совершить ряд действий, который большинство современных учёных определяют как стратегию. Понятие «стратегии интерпретации» приобрело разносторонний и многоотраслевой характер, что привело к распространению их на разные методы, способы и приёмы коммуникативной деятельности.

Типологию интерпретационных стратегий строим в соотношении с типами и ситуациями — стереотипами общения, основанными на стереотипных ситуациях.

Поскольку речевому высказыванию присущи намерения, интенции, приходится иметь дело не только с лингвистическими объектами, но и с фактами форм социальной деятельности. Одним из последствий этого является то, что при интерпретации речевого высказывания конструируются представления речевого сообщения с характеристиками, приписанными этому сообщению, а также и говорящему. Представления конструируются на основе самого речевого произведения, коммуникативного взаимодействия и всей ситуации в целом, также они взаимодействуют с пониманием самого исходного текста, а понимание становится частью интерактивного процесса, в котором адресат активно интерпретирует действия адресанта [ван Дейк, Кинч]. Отсюда мы предполагаем наличие текстоориентированной стратегии, заключающейся в интерпретации сквозь призму отношения к речевому произведению как таковому (не к его содержанию), и автороориентированной стратегии, которая зависит от отношения к его автору. Отношение это может быть положительным, отрицательным или нейтральным.

Проиллюстрируем реализацию данных стратегий примерами речевых произведений из глобальной сети. В комментарии к статье о сессии Алтайского Заксобрания автор, реализуя, автороориентированную стратегию, обращается к журналистке с просьбой решить вопросы, не затронутые в опубликованном материале: *А. В.! Обращаюсь к Вам, и хочу, чтобы моё обращение прочитали как можно больше людей, <...> пишу от имени многих жителей города...*⁴

---

⁴ <https://www.bankfax.ru/news/138638/>

Текстоориентированную стратегию интерпретации носитель языка демонстрирует в комментарии к статье о депутате: *Опять заказная статья <...> надоело смотреть...*⁵.

А. Г. Ким в исследованиях политических интернет-комментариев выделяет следующие стратегии интерпретации: копиальная — креативная, игровая — неигровая, семантическая — прагматическая, языковая — метаязыковая, холистическая — элементаристская [Ким]. В этом исследовании мы рассматриваем две интерпретационные стратегии из данной классификации — холистическую и элементаристскую. Для холистической стратегии характерна реакция на общее содержание исходного текста, а для элементаристской — реакция на отдельный компонент этого текста.

Рассмотрим случаи реализации названных стратегий в текстах интернет-комментариев.

*Каменцы! Когда будете мыслить по-государственному? Набрать 400 миллионov долга, нужно не один год воровать!*⁶ Стимулом для создания речевого произведения послужила статья о теплосетях. Автор обращается ко всем жителям города и говорит об описанной проблеме. Вычленение главной проблемы исходного текста указывает на реализацию холистической стратегии.

Иную стратегию интерпретации демонстрирует эта же языковая личность в комментарии к статье о визите премьер-министра России: *И снова деньги в турзону и снова распил!*⁷ Элементаристская стратегия проявляется в заострении внимания автора на отдельной фразе исходного текста, посвящённой посещению премьер-министром бийского туркластера.

Таким образом, интерпретационный уровень диалогической языковой личности указывает на соотнесение текстовой информации с определённой областью знаний адресата. Процесс интерпретации исходного речевого высказывания является не пассивным конструированием репрезентации языкового объекта, а процессом активного взаимодействия текста и адресата, интерпретирующего этот текст. Единицами описания данного уровня выступают интерпретационные стратегии, являющиеся частью общего опыта и представляющие знание о процессах понимания. Стратегические действия непрерывны и задействованы на первичных этапах понимания речи.

---

⁵ <https://www.bankfax.ru/news/139545/>

⁶ <https://www.bankfax.ru/news/140632/>

⁷ <https://www.bankfax.ru/news/140570/>

Модусный уровень

В современной лингвистике модус трактуется как субъективный уровень смысловой организации предложения, указывающий на отношение говорящего к реальности, отражённой в предложении. В каждом конкретном случае описания модуса внимание учёных акцентируется на определении статуса этой категории в речевых высказываниях. Основоположной для нашего исследования в трактовке модуса является идея Э. Бенвениста о субъективности в речи, согласно которой комплекс субъективных значений базируется на отношении говорящего к отражённому в предложении явлению действительности [Бенвенист, 1974]. Про наличие субъективности в содержании предложения говорит и Т. В. Шмелёва, называя модусом комплекс субъективных значений, которые может и должен выразить говорящий [Шмелёва, 1984, с. 78–100]. В данной статье мы опираемся на теорию модусных высказываний Н. Д. Арутюновой, рассматривающую модус в предложении как субъективно-модальные и модально-оценочные значения [Арутюнова, 1988]. На данном этапе исследования к субъективным значениям, служащим единицами описания модусного уровня, мы относим достоверность/недостоверность сообщаемого, утверждение/отрицание, эмоциональность/нейтральность. Названные значения мы проиллюстрируем примерами интернет-комментариев к новостным статьям.

Для выражения достоверности/недостоверности существует ряд слов (*истинно, точно, очевидно/едва ли, не вполне, маловероятно* и др.), демонстрирующих субъективное осознание отвечающим исходного речевого произведения и отражающих степень уверенности адресата в достоверности сообщаемого [Панченко]. Например, в комментарии к статье о выборах носитель языка использует слово *действительно* для передачи достоверности текста: *Да, действительно, <...> за год-два после его назначения из Москвы присмотрелся <...> начал ломать <...> Конституцию РФ.*⁸

Наиболее распространённым выражением субъективного отношения к речевому высказыванию являются утверждение или отрицание. Утверждение в большинстве случаев авторы речевых произведений выражают словами, непосредственно обозначающими согласие: *согласен, не возражаю, я не против*. Например: *Согласна со всеми комментаторами и про дороги, и про дороговизну электроэнергии...*⁹

Для выражения отрицания также используются слова, прямо обозначающие несогласие, слова и фразы, значение отрицания которых стано-

⁸ <https://www.bankfax.ru/news/135028/>

⁹ <https://www.bankfax.ru/news/136228/>

вится очевидным из контекста. Проиллюстрируем сказанное примером интернет-комментария: *Газ — достояние народа! Какого?*¹⁰

В рамках лексикоцентрического подхода, выделенного Л. А. Калимуллиной [Калимуллина, 2006], для выражения эмоциональности в речевом произведении служат междометия, употребление лексики, называющей эмоции или описывающей различные эмоциональные состояния. Например, сочетание *дай Бог здоровья* для выражения эмоции благодарности: *Дай Бог здоровья Ване и его маме!*¹¹ Или слово *страшно* для выражения эмоционального состояния страха: *Даже страшно подумать, что будет дальше. Кроме болезней ещё же и безденежье!*¹²

При моделировании диалогической языковой личности модусный уровень отражает субъективное отношение адресата речевого высказывания. В современных исследованиях существуют различные способы выражения категории модуса. Для данного исследования в качестве единиц описания данного уровня мы выбрали следующие значения субъективного отношения к сказанному: достоверность/недостоверность, утверждение/отрицание, эмоциональность/нейтральность.

Интертекстуальный уровень

В ситуации общения носитель диалогической языковой способности инстинктивно реагирует на исходную реплику собственным речевым высказыванием. Однако ни одно высказывание не может появиться на пустом месте, оно обязательно связано с уже существующими высказываниями. При погружении в ситуацию общения любой случай использования «чужого» текста становится интертекстуальной ситуацией. Таким образом, категория интертекстуальности является обязательной для всех видов текстов. В рамках нашего исследования под интертекстуальностью мы понимаем диалогическое взаимодействие текстов друг с другом, реализуемое через введение чужеродных элементов в новый текст.

Для классификации чужеродных элементов в речевом высказывании мы будем пользоваться термином «интертекстема», введённым в научный обиход И. К. Сидоренко [Сидоренко, 1999]. На данном этапе моделирования языковой личности мы описываем два вида интертекстем: цитата, взятая из исходного текста, и цитата, относящаяся к другому тексту. Пример первого вида интертекстем: *Гость писа-*

¹⁰ <https://www.bankfax.ru/news/140567/>

¹¹ <https://www.bankfax.ru/news/135025/>

¹² <https://www.bankfax.ru/news/136197/>

ла: «Там дети едят то, что принесли из дома...». Если не в курсе, у нас НЕЛЬЗЯ приносить из дома¹³.

Интертекстемы, представляющие цитаты из других источников, как правило, многообразны и на данном этапе исследования не были нами классифицированы. Ограничимся несколькими примерами ответных речевых высказываний: *У них только раз-два и в дамки // Что-бы как при советской власти Алтайский край был житницей*¹⁴. В данных примерах в качестве интертекстом выступают устойчивое выражение *Алтайский край — житница*, поговорка *раз-два и в дамки*.

Явление интертекстуальности непосредственно связано с бахтинским пониманием *чужого слова*, которое сохраняется в памяти и передается, когда человек думает, пишет, говорит. М. М. Бахтин указывал на то, что любой текст содержит несчётное количество других текстов. И поскольку все тексты диалогически взаимодействуют друг с другом, интертекстема служит текстообразующим элементом. Интертекстуальный уровень в структуре языковой личности делает очевидной роль адресата речевого произведения, являющегося реципиентом и интерпретатором последнего.

Анализ традиционных моделей языковой личности и современных представлений о диалогической коммуникации позволил предположить, что в лингвистике существует необходимость моделирования языковой личности как носителя диалогической способности. В соответствии с процессами, совершаемыми языковой личностью при диалогической коммуникации, были выделены следующие структурные уровни: уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания своего текста; интерпретационный, модусный и интертекстуальный уровни.

Уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания своего текста предполагает наличие у адресата дотекстовых ожиданий и такого состояния, которое предопределяет его реакцию на сообщаемую информацию. На интерпретационном уровне адресат речевого произведения проявляет различные стратегии понимания, в процессе реализации которых задействованы разные сферы сознания. В данной статье мы описали использование таких интерпретационных стратегий: текстоориентированная, автороориентированная, холистическая и элементаристская. Очевидно, что стратегии интерпретации не ограничиваются названными и требуют дальнейшей разработки. Главной чертой модусного уровня диалогической языковой личности

¹³ <https://www.bankfax.ru/news/138287/>

¹⁴ <https://www.bankfax.ru/news/140570/>

является субъективность. В описании модусного уровня мы проиллюстрировали такие субъективные отношения к речевому произведению как достоверность /недостоверность, эмоциональность, утверждение/ отрицание. На интертекстуальном уровне происходит создание ответного речевого произведения, которое находится в диалогическом взаимодействии с исходным текстом и множеством других текстов, существующих в памяти адресата.

Библиографический список

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. URL: <https://classes.ru/grammar/170.Apresyan/source/worddocuments/21.htm>

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Калинин, 1986.

Бубер М. Я и Ты. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/buber01/index.htm>

Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1999.

Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста. URL: <http://padaread.com/?book=80066>.

Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения. URL: https://classes.ru/grammar/164.new-in-linguistics-23/source/worddocuments/_25.htm.

Калимуллина Л.А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. 2006. № 5.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Ким Л.Г. Адресатоцентричная модель коммуникативного процесса и вариативность интерпретационных стратегий // VI Международная конференция Российской коммуникативной ассоциации «Коммуникация в изменяющемся мире». URL: http://conf.sfu-kras.ru/conf/communication-2012/report?memb_id=4472

Ким Л.Г. Модель интерпретационного процесса и факторы, детерминирующие вариативность интерпретационного результата // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318.

Красных В. В. Коммуникативный акт и его структура // Функциональные исследования. Вып. 4. 1997.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0285/4_0285-1.shtml#book_page_top

Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.

Мельник Н. В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-i-tekst-kak-predmet-lingvopersonologii-russkogo-yazyka>.

Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004918738.pdf.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Ремхе И. Н. Статус модели в лингвистических науках и её реализация в когнитивном моделировании языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. Вып. 8.

Сидоренко К. И. Интертекстовые связи Пушкинского слова. СПб., 1999.

Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2002.

Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984.

Шпильная Н. Н. Зеркальная симметричность коммуникативной ситуации как условие генезиса диалогического высказывания // Культура и текст. 2017. № 3 (30).

Якубинский Л. П. О диалогической речи. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/yakubinsky-86.htm>

Источники

<https://www.bankfax.ru/news/138287/>

<https://www.bankfax.ru/news/140570/>

<https://www.bankfax.ru/news/136228/>

<https://www.bankfax.ru/news/140567/>

<https://www.bankfax.ru/news/135025/>

<https://www.bankfax.ru/news/136197/>

<https://www.bankfax.ru/news/135028/>

<https://www.bankfax.ru/news/138638/>

<https://www.bankfax.ru/news/139545/>

<https://www.bankfax.ru/news/140632/>

<https://www.bankfax.ru/news/140570/>

References

Apresyan Yu. D. *Idei i metody sovremennoy strukturnoy lingvistiki*. [The ideas and methods of modern structural linguistics]. Moscow, 1966.

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic values: Assessment. Event. Fact]. Moscow, 1988.

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979.

Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, 1974.

Bogin G. I. *Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov*. [Language personality model in its relation to varieties of texts]. Abstract of Philol. Doc. Diss. Kalinin, 1986.

Buber M. *Ya i ty* [I and You]. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/buber01/index.htm>

Dijk T. A. van, Kintsch W. *Strategii ponimaniya svyaznogo teksta*. [Strategies for understanding coherent text]. URL: <http://padaread.com/?book=80066>.

Johnson-Laird P. *Protsedurnaya semantika i psikhologiya znacheniya*. [Proctdural semantics and the psychology of meaning]. URL: https://classes.ru/grammar/164.new-in-linguistics-23/source/worddocuments/_25.htm

Kalimullina L. A. *Sovremennye traktovki kategorii emotivnosti*. [Modern interpretations of the category of emotivity]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 2006. № 5.

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002.

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, 1987.

Kim L. G. *Adresatotsentrichnaya model' kommunikativnogo protsessa i variativnost' interpretatsionnykh strategiy*. [Address-centered model of the communication process and variability of interpretive strategies]. In: *VI Mezhdunarodnaya konferentsiya Rossiyskoy kommunikativnoy assotsiatsii "Kommunikatsiya v izmenyayushchemsya mire"*. [VI International conference of the Russian Communication Association "Communication in a Changing World"]. URL: http://conf.sfu-kras.ru/conf/communication-2012/report?memb_id=4472.

Kim L. G. *Model' interpretatsionnogo protsessa i faktory, determiniruyushchie variativnost' interpretatsionnogo rezul'tata*. [The model of the interpretation process and the factors that determine the variability of the interpretation result]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Tomsk State University Bulletin]. 2009. No. 318.

Krasnykh V.V. *Kommunikativnyy akt i ego struktura*. [The communicative act and its structure]. In: *Funktsional'nye issledovaniya*. [Functional studies]. Iss. 4. 1997.

Leont'ev A.A. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'*. [Language, speech, speech activity]. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0285/4_0285-1.shtml#book_page_top

Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya*. [Linguoculturology]. Moscow, 2001.

Mel'nik N.V. *Yazykovaya lichnost' i tekst kak predmet lingvopersonologii russkogo yazyka*. [Linguistic personality and text as a subject of linguopersonology of the Russian language.]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-i-tekst-kak-predmet-lingvopersonologii-russkogo-yazyka>

Panchenko N.N. *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya*. [Credibility as a communicative category]. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004918738.pdf

Potebnya A.A. *Estetika i poetika*. [Aesthetics and poetics]. Moscow, 1976.

Remkhe I.N. *Status modeli v lingvisticheskikh naukakh i ee realizatsiya v kognitivnom modelirovanii yazyka*. [Model status in linguistic sciences and its implementation in cognitive language modeling]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Chelyabinsk State University Bulletin]. 2007. Iss. 8.

Shmeleva T.V. *Smyslovaya organizatsiya predlozheniya i problema modal'nosti*. [Semantic organization of a sentence and the problem of modality]. In: *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa*. [Actual problems of Russian syntax]. Moscow, 1984.

Shpil'naya N.N. *Zerkal'naya simmetrichnost' kommunikativnoy situatsii kak uslovie genezisa dialogicheskogo vyskazyvaniya*. [Mirror symmetry of the communicative situation as a condition for the genesis of dialogical utterance]. In: *Kul'tura i tekst*. [Culture and text]. 2017. № 3 (30).

Sidorenko K.I. *Intertekstovye svyazi Pushkinskogo slova*. [Intertext links of the Pushkin word]. St. Petersburg, 1999.

Sukhikh S.A. *Pragmalingvisticheskoe izmerenie kommunikativnogo protsessa*. [Pragmalinguistic dimension of the communication process]. Thesis of Philol. Doc. Diss. Krasnodar, 1998.

Ukhtomskiy A.A. *Dominanta*. [Dominant]. St. Petersburg, 2002.

Vygotskiy L.S. *Myshlenie i rech'*. [Thinking and speaking]. Moscow, 1999.

Yakubinskiy L.P. *O dialogicheskoy rechi*. [About dialogical speech]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/yakubinsky-86.htm>

List of sources

<https://www.bankfax.ru/news/138287/>
<https://www.bankfax.ru/news/140570/>
<https://www.bankfax.ru/news/136228/>
<https://www.bankfax.ru/news/140567/>
<https://www.bankfax.ru/news/135025/>
<https://www.bankfax.ru/news/136197/>
<https://www.bankfax.ru/news/135028/>
<https://www.bankfax.ru/news/138638/>
<https://www.bankfax.ru/news/139545/>
<https://www.bankfax.ru/news/140632/>
<https://www.bankfax.ru/news/140570/>

ИНСКРИПТ В РЕЧЕВОЙ ПАРАДИГМЕ СОЦИУМА: К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ

Е. А. Косых

Ключевые слова: письменная речь, жанр, инскрипт, автограф, классификация.

Keyword: written speech, genre, inscription, autograph, classification.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–04

Коммуникативное пространство социума реализуется через диалог в общем смысле бинарности бытия. Диалог в дискурсивной деятельности коммуникантов имеет разные способы выражения и реализации в многообразных культурных речевых ситуациях. Культура как комплекс определённых действий, традиций позволяет представить взаимодействие человека говорящего и пишущего в разных аспектах.

Одним из ритуалов народной культуры является дарение какого-либо артефакта одного человека/группы людей/организации/объединения другому человеку/группе и т.д. (см. [Иванов-Разумник, 1923; Будагова, 1995; Мосс, 1996, Кузьмин, 2003; Дружинин, 2007; Кочеткова, 2020; Рейт-блат]). Наиболее частотными в этом отношении являются ситуации поздравления с праздником или торжественным случаем [Ласунский, 2005], общение с автором-писателем или друзьями / коллегами, дарение на память в ситуации знакомства и расставания, т.е. любое событие, которое адресант и адресат воспринимают как значимое, достойное быть запечатленным в тексте-высказывании.

Отмеченные коммуникативные ситуации часто сопровождаются появлением первичного текста, рассматриваемого в филологии как дарственная надпись, или инскрипт. Под **инскриптом** в данной статье понимается дарственная или памятная надпись, представленная текстом адресанта (адресантов), включающая в большинстве случаев имя адресата и сопровождающаяся автографом (собственно подписью) адресанта или без таковой (таковых). Понятия «дарственная» и «памятная» для ряда социоречевых ситуаций, например, ситуации войны, смерти человека, различаются: по нашему мнению, в таких случаях уместно употребить атрибутив «памятная» (ср., например: [Постнов, 2006, Ржанникова, 2003, Хакимзянов, 1978]); подпись на фотографии, присланной с фронта, и т.д. [Косых, 2013; 2017]). **Инскрипт** — это дарственная

надпись с автографом или без него, оставленная адресантом (автором или дарителем) на предмете для адресата. Под автографом традиционно понимается «собственноручная надпись или подпись» (собственно автограф) или «собственноручный авторский рукописный текст» [Словарь русского языка, 1981, с. 22]. В семантической структуре этой лексемы не фиксировалась сема «дарственный», «в качестве подарка», как и сема «памятный», «на память». Однако в современных словарях [Крысин, 2008]) дефиниция уже коррелирует с представлением о дарении на память и обозначает обычно памятную надпись или подпись.

Как правило, концептуальное поле слова «автограф» реализует указанные компоненты, поскольку автографы получают поклонники, читатели, оставляют авторы или известные личности на определённом материальном носителе. Автограф может реализовывать две основные черты инскрипта: мемориальность и дарственность. Общеизвестно, что появление автографа может быть связано с ситуациями, когда: 1) автор-адресант создаёт артефакт (книга, фото и т.д.) и оставляет на нём свою подпись; 2) получатель-адресат предоставляет объект, на который ставят подпись-автограф. В первом случае реализуются обе характерные черты (мемориальность и дарственность), во втором — только мемориальность. Инскрипт и автограф могут выступать как синонимичные или дублетные понятия, а также как гипо-гиперонимы.

Понимание текста в представляемом исследовании достаточно широкое. Нами не рассматривается как текст только подпись-автограф, которая нередко может выступать не как инскрипт, а как указатель принадлежности книги, фотографии, альбома конкретному человеку (своеобразный самодельный рукописный «экслибрис»). В этом случае нами разводятся понятия «инскрипт» как надпись и «автограф» как дарственная подпись на память, с одной стороны, и подпись как «метка принадлежности хозяину» — с другой. В сфере нашего внимания именно мемориальный текст, содержащий указание на факт дарения по определённому поводу, включающий именование адресанта, собственно дарственную подпись, автограф адресанта-дарителя и, как правило, дату.

Дарственные надписи в статье вписаны в систему жанров естественной и искусственной письменной речи, поскольку в сферу исследования вовлечены произведения, которые были созданы рукописно, а также напечатаны, выгравированы, отштампованы. Под естественной письменной русской речью (ЕПРР), вслед за Н. Б. Лебедевой, будем понимать спонтанно созданное высказывание, реализованное как дарственная или памятная надпись, не подвергавшаяся редактированию, выполненное «от руки»: *«Игорю // С наилучшими пожеланиями // подпись-авто-*

граф // В надежде на // ответный // подарок». Под искусственной письменной русской речью (ИППР) понимаем специально созданное, опубликованное, тиражированное, редактированное высказывание, выступающее как дарственный или памятный текст, выполненный автоматически. Например, на сувенирном кинжале: «Обиду кровь // Смывала, // Смывала кровь // Позор, // И только кровь // С кинжала // Не смыта до сих // Пор!».

Отнести инскрипт к самостоятельному жанру позволяет, во-первых, сложившееся в последние десятилетия в российской науке понимание жанра, определяемое М. М. Бахтиным как система относительно устойчивых типов высказываний [Бахтин, 1996], с другой — признаки, характеризующие инскрипт и выделяемые для других жанров письменной речи, например, поздравления [Сухотерина, 2005; 2011], воспоминания [Дмитриева, 2011], к которым относятся письменная форма высказывания, конситуативность, мемориальность, спонтанность или подготовленность (в зависимости от принадлежности текста к ЕППР или ИППР), непрофессиональность или профессиональность (в зависимости от социальной роли адресанта и его отношения к даримому).

Инскрипт, являясь дискурсивным жанром, реализуется, как правило, в коммуникативной ситуации дарения (контактно или дистантно), поэтому содержание текста дарственной или памятной надписи может быть имплицитным, понятным только адресанту и адресату, и эксплицитным, кричащим, рекламным, сигнальным, направленным на возможность стать достоянием многих. То, что написано, может содержать не только обычный текст, но и другие символы, например, сердечки, солнышки, «рожицы» (нарисованные от руки в советское время) и смайлики (в современных посланиях). Наверное, для каждой эпохи это будет своё символическое поле, включающее привычный знак или изобретаемый в каждом конкретном тексте-поздравлении адресантом, сопровождаемый подписью автора / дарителя или автографом.

Дарственная надпись-автограф — это первичный жанр письменной речи, так как имеет малый объём, создаётся в определённой коммуникативной ситуации в большинстве случаев для конкретного адресата. Как жанр инскрипт отличается завершенная целостность, обеспечивающая возможность ответного понимания, что определяется такими факторами: «1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей» адресанта; 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения» [Бахтин, 1996, с. 179].

Дарственные надписи, зафиксированные на различных субстратах (следуем в понимании данного термина за Н. Б. Лебедевой) или носите-

лях, относящиеся к различным эпохам (в сфере нашего внимания — инскрипты, датируемые тридцатыми годами XX в. — двадцатыми годами XXI в.), при общей семантике коммуникативных ситуаций, способствовавших появлению инскриптов, отличаются серьёзным многообразием и своеобразием. С учетом ранее сказанного можно предложить следующие подходы и основания к созданию классификации инскриптов, базирующиеся на исследованиях поздравительных и мемориальных жанров ЕПРР Барнаульско-кемеровской школы [Дмитриева, 2011; 2013; Сухотерина, 2005; 2007; 2011], а также учитывающих искусственный характер жанров письменной речи [Шмелева, 1997]. В современном жанроведении подобные тексты исследуются в основном как жанры ЕПРР [Голованова, 2009; Евсева, 2017], в сфере нашего интереса — и тексты искусственной речи.

Прежде всего обращает на себя внимание **количество авторов инскрипта, или адресантов**, в роли которого (-ых) может выступить:

- один человек (автор произведения, друг, коллега, любящий человек, популярная личность, ученик, учитель, член семьи; адресант самому себе¹⁵);
- группа людей (друзья, родственники, семья), т. е. связанные неофициальными отношениями; коллектив (производственный, научный, учебный и под.), государственный или общественный орган. Следовательно, основанием служит **количественный признак, количество адресантов**.

Инскрипт в таком случае может быть представлен как **«индивидуальный — коллективный»**.

Например: «Олегу¹⁶ от автора // май, 2015 Е. О... (автограф)» — инскрипт на картине «Лондон»; «Нашему любимому преподавателю! // От 153 группы // ФИ (автограф, сопровождается сердечком) // ФИ (автограф, сопровождается сердечком) // ФИО (автограф) // ФИО (автограф, сопровождается сердечком) // ФИ (автограф, сопровождается сердечком и надписью One love) // ФИО (автограф, сопровождается сердечком) // ФИ (автограф, сопровождается сердечком) // ФИ (автограф, сопровождается сердечком) // ФИ (автограф, сопровождается сердечком) // ФИ (автограф, сопровождается сердечком)»

¹⁵ В вовлеченных в сферу нашего описания материалах подобный факт зафиксирован единожды: инскрипт Анастасии Ивановны Цветаевой самой себе на сборнике стихов М. Цветаевой: «Себе на Рождество и Новый год 1993 г. Как я всем о ней пишу — букет полевых цветов, неожиданных в зимние дни. А. Ц.». Усиливает адреант-адресантность этого инскрипта местоимение «Моя», написанное рукой Анастасии Ивановны.

¹⁶ ²Использование антропонимов или замена их аббревиатурой ФИО связаны с наличием или отсутствием согласия адресантов и адресатов на публикацию их онимов.

ком) // *ФИ (автограф, сопровождается сердечком и фразой // Казахстан ждет вас! // ФИ (автограф)*».

По личностной адресатности. Как известно, дарственная или памятная надпись на даримом предмете может быть адресована конкретному человеку, написана к конкретному событию для него, и только для него, может апеллировать к коллективу, организации и т.д. Но текст инскрипта направлен на конкретного адресата и создаётся именно для него, эксклюзивно.

В современных условиях существования социума при коммерциализации праздников, юбилеев и иных событий дарственные надписи могут быть приобретены вместе с предметом, на котором они размещены. Например, обращение-пожелание или посвящение автора книги семье, читателям; спонсора, обеспечивающего проведение мероприятия или инициирующего появление артефакта. Такие предметы дарения на память могут содержать инскрипты без автографа, только дарственную надпись, нередко — от первого лица. В таком случае инскрипт доступен многим. Возникает оппозиция **«эксклюзивный — тиражированный (коммерческий)»** инскрипт.

Эксклюзивность, или исключительность, дарственной надписи определяется её направленностью на конкретного адресата в конкретной ситуации, обусловленной каким-либо коммуникативным событием. Важным в таком случае становится эмоциональная составляющая, реализуемая через собственно текст и контекст ситуации, во-первых, и неповторяемостью, невоспроизводимостью текста (надписи) в другой ситуации — во-вторых. Направленность такого текста — интимная, индивидуальная, исключительная. Например, инскрипт на фотографии *«На то долгое время, пока память жива ... (рожица с высунутым языком), дата, автограф»* адресанта, изображённого на фотографии; *«Алексею Павловичу Уманскому // на память о работе // в Эрмитаже // 17. VIII.63 автограф»*.

Тиражированные (коммерческие) инскрипты — это, как правило, созданные для публикации на подарках в коммерческих целях тексты, написанные так же, как эксклюзивные, единожды, но размноженные, отличающиеся повторяемостью, воспроизводимостью (в процессе перепроизводства артефакта) много раз. Особенностью большинства таких инскриптов является, во-первых, необязательность автографа, но наличие надписи, во-вторых, инкогнито автора надписи, в-третьих, «всеадресатность», отсутствие конкретного адресата: им может стать любой человек.

Нередко такие тиражированные надписи могут представлять собой моно-, би- или полилингвальные тексты. Рассуждая о направленности

такого текста, подчеркнём её внешнюю индивидуальность, возможную единичность в плане первичности текста, но не исключительность и эксклюзивность в плане адресата, который воспринимает инскрипт. Такая надпись может быть прочитана большим количеством людей — потенциальных адресатов, вовлечённых в отношения, выходящие за рамки непосредственной коммуникативной ситуации.

«Для целого мира ты просто человек // но для кого-то ты — целый мир! С любовью» — текст на подарочной свече. Однако есть примеры и тиражированных эксклюзивных дарственных надписей, например: *«Маме и папе — с чувством бес-// конечной любви и благодарности»* — в книге Н. Абгарян «Манюня».

Дарственные надписи различаются **по отношению адресанта к предмету дарения** и могут выступать в оппозиции **«авторский — пользовательский»**.

Авторские — инскрипты, составленные непосредственно автором даримого произведения. Как известно, в качестве носителя инскрипта могут выступать: книга, фотография, фотоальбом, картина, любое другое изделие-артефакт. Важным критерием отнесения инскрипта к данной группе считаем обязательное совмещение ролей «автора», т. е. создателя артефакта, и адресанта — автора инскрипта. Например: *«Дорогой Лере на добрую память // 18.08.2007. Автограф»* — подпись М. Семёновой на её произведении «Волкодав».

Пользовательские — инскрипты, созданные не автором артефакта. Такие дарственные надписи появляются на предметах, выбранных адресантом в качестве подарка, но не принадлежащие адресанту как автору даримого. Это основная или большая часть инскриптов, более традиционные и распространённые тексты надписей-автографов.

Например: *«Милой-Машеньке-Маше, // чтобы не забывала полюбивший // её Ленинград, от её научного папы — // Автограф»* — инскрипт на издании «Архитектура Ленинграда».

Дарственные надписи различаются **по социальной роли адресанта и адресатной направленности вообще**. В таком случае будут противопоставлены **«дружеские — официальные»** надписи.

Дружеские — инскрипты, оставленные другом или друзьями, любящим(-и) человеком (людьми) с учётом установленных конгруэнтных отношений; учителем или учеником (младшим и старшим и наоборот), имеющих субординативные отношения. В качестве даримого произведения также может выступать любой артефакт, однако адресант может не являться его автором, а выступать лишь как автор инскрипта. В число дружеских входят **фамильные** инскрипты, создаваемые членом (чле-

нами) семьи по особому случаю или в определённой коммуникативной ситуации, характерной для семьи или только для данной семьи. Адресант-адресатные отношения обусловлены родственными связями. Такие инскрипты могут реализовываться и как авторские, и как дружеские, но мы считаем необходимым выделить их в отдельную группу, поскольку основным критерием включённости их в данную группу будут и близость адресанта и адресата как родственников, и особая эмоциональная насыщенность текстов, и их обусловленность заботливыми отношениями адресанта и адресата. Например: *«Дорогой Димочка! От всей души поздравляем // тебя наш любимый с Днем Рождения! // Пусть будет в жизни все что нужно. Чем жизнь // бывает хороша: Любовь, Здоровье, Верность, Дружба. // Будь молодцом, в любых условиях держись. // Ведь, что бы не было, прекрасна эта жизнь! // Пусть в твоей жизни будет все светло и ясно и // пусть твоя путеводная звезда Жизнь освещает // ярко и всегда! // Бабушка Катя // и Деда Леня. 6 января 2007 года. // С семнадцатилетием Тебя!»*.

Официальные — обязательные инскрипты, подготовленные по определённому случаю (юбилей, день рождения, профессиональный праздник, достижения в профессиональной деятельности, открытие чего-либо и т.д.) органами управления, администрацией, профсоюзом работников организации, отрасли т. п. К таким инскриптам можно отнести дарственные надписи на именном или выставочном оружии, часах, эстампах, книгах, альбомах и т. п., вручаемые на официальных мероприятиях. Например, на чехле ружья: *«ФИО // в честь 25-летия // работы в «Сибэнерго- // монтаже» 13 июня 1975 г.»*. К официальным можно отнести и определяемые нами как **коллегиальные** — инскрипты коллеге / коллегам, выполненные, например, на научном труде (монографии, автореферате¹⁷, учебном пособии т. п.), заказанные для поздравления на работе, в производственной сфере и т. п. Чаще такие инскрипты носят полуофициальный, необязательный или полуофициальный характер, когда у адресанта есть возможность выбора адресата, выбора содержания текста и т. д. Он более свободен в возможности создания такой надписи: *«Милой // Машеньке // (на плечах которой автору пришлось стоять). // Спасибо за всё! Л. Ким // 23/X-73 г.»* — инскрипт на автореферате диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Дарственные надписи различаются и **по общей семантике текста инскрипта**, поскольку появление их связано с различными коммуникативными ситуациями. Среди материалов, вовлечённых в сферу нашего

¹⁷ После защиты диссертации дарение членам кафедры авторефератов с автографом защитившегося было почти обязательным ритуалом в вузах в советское время.

исследования, можно выделить: **инскрипт-пожелание**, или инскрипт с заздравным содержанием, **инскрипт-благодарность**, **инскрипт-посвящение** и **мемориальный инскрипт**. Рассматривая данную группу инскриптов, предполагаем, что в целом любой инскрипт содержит элементы мемориальности. Сема «на память» может выступать и как эксплицитная, и как имплицитная, например, в инскриптах мирного времени: «19/III-85 г. // В 20 лет жизнь // только на пороге... // На память // дорогому другу, // который никогда // не предаст! // Ваш бессмертный комиссар — // подпись».

Для военных событий, как мы уже отмечали, актуальна характеристика «мемориальный», а не «дарственный». Поэтому инскрипты, выполненные на военных фотографиях, составляют отдельную группу **мемориальных** инскриптов. По нашему мнению, тексты на военных фотографиях составлялись исключительно ради дарственной надписи — «на память».

Инскрипт-пожелание — дарственная надпись, содержащая пожелания адресату (различных человеческих состояний, качеств и продолжительности жизни и и т. п.), основным маркером таких текстов является текстема «с пожеланием», «желаю»: *«Моему учителю // отличному товарищу и коллеге, Алексею // Павловичу Уманскому с // самыми добрыми пожеланиями от автора // 12/XII-73 г.»*.

Инскрипт-благодарность — дарственная надпись, содержащая лексему «с благодарностью»: такой текст передаёт особое эмоциональное состояние адресанта; инскрипт, как правило, лишён обязательности и официальности, может быть отнесён к дружеским инскриптам, передающим определённые координативные и ординативные отношения адресанта и адресата, первый из которых создаёт текст под «давлением» необходимости зафиксировать благодарность, а не просто устно её репрезентировать. Например: *«Первому // учителю в // Высшей школе // с глубокой // признательностью // и благодарностью // за научную // школу и // воспитание // автограф»*.

Инскрипт-посвящение — дарственная надпись-обращение, содержащая указание на то или того, в честь кого или кому посвящен, адресован, преподносится в качестве дара артефакт, на котором такой инскрипт размещается. Рассуждая о выделении подобных дарственных надписей в отдельную группу, стоит отметить, что в нашем понимании посвящения мы следуем за трактовкой этого понятия в литературоведении: специально созданный для конкретной коммуникативной ситуации текст, направленный на конкретного адресата, доступный прежде всего ему:

«Коль попросишь // непременно для тебя всегда спюю! А пока держи, Елена, фотокопию мою (фотокопию «звезды»), да не бойся бороды! автограф».

Инскрипт-поздравление — дарственная надпись, содержащая поздравительный текст, характерный для любого носителя поздравления (открытки, записки, телеграммы), но размещённый на подарке, в качестве которого выступает книга, альбом, фотография, картина, часы, оружие и и т. п., обозначаемые нами как артефакты. Для таких носителей в отличие, например, от открытки или поздравительной телеграммы, наличие текста-поздравления не обязательно, поскольку перечисленные предметы могут выступать и не в качестве подарка. Например, на блокноте: *«Мамуля, очень тебя // люблю! С Новым годом!» // успехов в делах! // Пусть тигр удачу // принесёт! 2010 года // 1 января».*

По количеству инскриптов на одном носителе: «моноинскрипт — полиинскрипт». Общеизвестно, что во многих культурах существует негласное правило не передавать подарки. Подаренное должно оставаться только у одного адресата, первого. Однако иногда возникает коммуникативная ситуация необходимости подаривания артефакта: отсутствие возможности приобрести новый подарок, желание адресата получить именно такой презент и т. д. Общеизвестно, что большинство инскриптов относятся к первой группе: на научном издании — *«Владимиру Григорьевичу // Адмони // с глубоким уважением // от автора // И. Арнольд // 24 — III — 67 г.»*; на кубке — *«Пономаренко Л. И. за первенство Алтая по футболу в 1947 г.»*.

Поскольку в наших материалах имеется книга, которая является носителем трёх инскриптов, рассмотрим возможность описания такой опозиции «моно- и полиинскрипт». На книге из серии «Школьная библиотека» Корнея Чуковского «Доктор Айболит» (Москва, 1970) на эрзаце: *«Дорогому первокласснику // от уч-ся 8 классов // в день последнего звонка // 23 мая 1970 г.»*, на следующей странице: *«Васильеву Саше»*; на следующей странице другой инскрипт: *«Лена! // Поздравляю те- // бя с днём рождения и же- // лаю тебе крепкого // здоровья и // успехов в учёбе!» Андрей».* Согласимся, что таких примеров полиинскриптного подарка будет немного. Но поскольку они появлялись и, возможно, будут появляться, они включены в опозицию **«моноинскрипт — полиинскрипт»** в предлагаемую классификацию.

Таким образом, в завершение рассуждений о разнообразии инскриптов (не касаясь в данной статье подробного описания носителей, на которых зафиксированы дарственные надписи, а также структурно-семантической характеристики текстов инскриптов), представим осно-

вания классификации дарственных надписей, вовлечённых в сферу исследования:

I. По количеству авторов инскрипта или адресантов: «индивидуальный — коллективный».

II. По личностной адресатности: «эксклюзивный — тиражированный (коммерческий)».

III. По отношению адресанта к предмету дарения: «авторский — пользовательский».

IV. По социальной роли адресанта и адресатной направленности вообще: «дружеский — официальный».

V. По общей семантике текста инскрипта: инскрипт-пожелание, инскрипт-благодарность, инскрипт-посвящение, мемориальный инскрипт.

VI. По количеству инскриптов на одном носителе: «моноинскрипт — полиинскрипт».

Изучение дарственных надписей активно исследуется в системе жанров современной русской речи, однако история появления традиции подписывать даримое насчитывает не одно столетие. Поэтому попытка классифицировать существующие тексты, предпринимаемая нами, требует дальнейшего описания, обсуждения и развития, возможно, не одного автора.

Библиографический список

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 6 т. М., 1996. Т. 5.

Будагова А. Н. Дарственные надписи на книгах как источник культурноисторической информации // Книга в пространстве культуры. М., 1995.

Голованова Е. И. Посвящение как жанр научного дискурса // Жанры речи. Вып. 6: Жанр и язык. Саратов, 2009.

Дмитриева Е. Ф. Повседневность и воспоминания как речевой жанр // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 8.

Дмитриева Е. Ф. Жанровые характеристики народных мемуаров // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. Барнаул, 2013.

Дружинин П. А. Книги с дарственными надписями в библиотеке Г. П. Макогоненко // Новое литературное обозрение. № 88. М., 2007.

Евсеева И. В., Морозова А. Д. Речевой жанр «автограф автора на книге» // Жанры речи. 2017. № 1 (15).

Иванов-Разумник Р. В. Надписи на книгах (Из воспоминаний об А. А. Блоке) // Иванов-Разумник Р. В. Вершины. Пг., 1923.

Косых Е. А. Дарственная надпись-автограф в системе речевой деятельности автора // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. Барнаул, 2013.

Косых Е. А. Имя собственное в тексте инскрипта // Культура и текст. Барнаул, 2017. № 2.

Кочеткова Н. Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века: исследование, тексты, библиографический указатель / Отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб., 2020.

Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М., 2008.

Кузьмин Д. В. К функциональной типологии посвящений // Toronto Slavic Quarterly, No. 45 (Summer 2013).

Ласунский О. «На память и в знак уважения...»: О культуре книгодарения // Библиофилы России: альманах. М., 2005. Т. 2.

Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета (БГПУ). Серия: Гуманитарные науки. Барнаул, 2001. Вып. 1.

Лебедева Н. Б. и др. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н. Б. Лебедева, Н. Г. Зырянова, Н. Ю. Плаксина, Н. И. Тюкаева. М., 2011.

Мосс М. Опыт о даре // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. М., 1996.

Постнов О. Г. Русская военная эпитафия XVIII — начала XIX вв. // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохранённое. Ч. 3. СПб., 2006.

Ржанникова Л. Эпитафия — поэзия памяти // Похоронный дом. 2003. № 3.

Рейтблат А. И. К социологии инскрипта. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/ot-kibirova-do-pushkina/rejtblat-k-sociologii-inskripta.htm>

Сидоренко Л. Н. Дарственная надпись на книге как предмет научного исследования // Книга и сцена. М., 1999.

Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981. Т. 1.

Сухотерина Т. П. «Поздравление» как особый вид коммуникации // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки. Барнаул, 2005. Вып. 5.

Сухотерина Т. П. Воспоминания в системе жанров естественной письменной русской речи // Ломоносовские чтения на Алтае. Барнаул, 2012. Ч. 4.

Сухотерина Т. П. Поздравительная записка как жанр естественной письменной русской речи: функционально-целевая характеристика // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. Барнаул, 2011.

Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов, 1997.

References

Bahtin M. M. *Problema rechevyh zhanrov*. [The problem of speech genres]. In 6 vols. Vol. 5. Moscow, 1996.

Budagova L. N. *Darstvennye nadpisi na knigah kak istochnik kul'turnoistoricheskoy informacii*. [Gift inscriptions on books as a source of cultural information]. In: *Kniga v prostranstve kul'tury*. [Book in the Space of Culture]. Moscow, 1995.

Golovanova E. I. *Posvjashhenie kak zhanr nauchnogo diskursa*. [Dedication as genre of scientific discourse]. In: *Zhanry rechi*. [Speech Genres]. Saratov, 2009. Iss. 6.

Dmitrieva E. F. *Povsednevnost' i vospominanija kak rechevoj zhanr*. [Everyday life and memories as a speech genre]. In: *Vestnik Altajskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoj akademii*. [Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy]. 2011. Iss. 8.

Dmitrieva E. F. *Zhanrovye harakteristiki narodnyh memuarov*. [Genre characteristics of folk memoirs]. In: *Russkaja slovesnost' v Rossii i Kazahstane: aspekty integracii*. [Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration]. Barnaul, 2013.

Druzhinin P. A. *Knigi s darstvennymi nadpisjami v biblioteke G. P. Makogonenko*. [Books with dedicatory inscriptions in the library of G. P. Makogonenko]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Review]. Moscow, 2007. No. 88.

Evseeva I. V. *Rechevoj zhanr "avtograf avtora na knige"*. [Speech genre "author's autograph on the book"]. In: *Zhanry rechi*. [Speech Genres]. 2017. No. 1 (15).

Ivanov-Razumnik R. V. *Nadpisi na knigah (Iz vospominanij ob A. A. Bloke)*. [Inscriptions on books (From the memoirs of A. A. Blok)]. In: *Ivanov-Razumnik R. V. Vershiny*. [Mountain tops]. Petrograd, 1923.

Kosykh E. A. *Darstvennaja nadpis' — avtograf v sisteme rechevoj dejatel'nosti avtora*. [A dedication autograph in the system of the author's speech activity]. In: *Russkaja slovesnost' v Rossii i Kazahstane: aspekty integracii*. [Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration]. Barnaul, 2013.

Kosykh E. A. *Imja sobstvennoe v tekste inskripta*. [Proper name in the text of the inscription]. In: *Kul'tura i tekst*. [Culture and Text]. Barnaul, 2017. No. 2.

Kochetkova N. D. *Posvjashhenija v russkikh izdaniyah XVIII veka: issledovanie, teksty, bibliograficheskij ukazatel'*. [Dedications in Russian Editions of the 18th Century: Research, Texts, Bibliographic Index]. Moscow, St. Petersburg, 2020.

Krysin L. P. *Illjustrirovannyj tolkovyj slovar' inostrannyh slov*. [Russian Illustrated Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 2008.

Kuz'min D. V. *K funkcional'noj tipologii posvjashhenij*. [Towards a functional typology of initiations]. In: *Toronto Slavic Quarterly*, No. 45 (Summer 2013).

Lasunskij O. "Na pamjat" i v znak uvazhenija ...': *O kul'ture knigodarenija*. [On the culture of book-giving]. In: *Bibliofily Rossii: Al'manah*. [Bibliophiles of Russia: Almanac]. Moscow, 2005. Vol. 2.

Lebedeva N. B. *Estestvennaja pis'mennaja russkaja rech' kak ob'ekt issledovanija*. [Natural written Russian speech as an object of research]. In: *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Barnaul State Pedagogical University]. Series: Humanities. Barnaul, 2001. Iss. 1.

Lebedeva N. B. *Zhanry estestvennoj pis'mennoj rechi: Studencheskoe graffiti, marginal'nye stranicy tetradej, chastnaja zapiska*. [Natural Writing Genres: Student Graffiti, Marginal Notebook Pages, Private Note]. Moscow, 2011.

Moss M. *Opyt o dare*. [Experience about the gift]. In: *Moss M. Obshhestvo. Obmen. Lichnost'*. [Society. Exchange. Personality]. Moscow, 1996.

Postnov O. G. *Russkaja voennaja jepitafija XVIII — nachala XIX vv.* [Russian military epitaph of the 18th — early 20th centuries]. Part 3. St. Petersburg, 2006.

Rzhannikova L. *Jepitafija — pojezija pamjatiu*. [Epitaph — poetry of memory]. In: *Pohoronnyj dom*. [Funeral home]. 2003. No. 3.

Rejtblat A. I. *K sociologii inskripta*. [Towards the sociology of the inscription]. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/ot-kibirova-dopushkina/rejtblat-k-sociologii-inskripta.htm>

Sidorenko L. N. *Darstvennaja nadpis' na knige kak predmet nauchnogo issledovanija*. [A donative inscription on the book as a subject of scientific research]. In: *Kniga i scena*. [Book and Stage]. Moscow, 1999.

Slovar' russkogo jazyka. [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1981. Vol. 1.

Suhoterina T. P. "Pozdravlenie" kak osobyj vid kommunikacii. ["Congratulations" as a special type of communication]. In: *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Barnaul State Pedagogical University]. Series: Humanities. Barnaul, 2005. Iss. 5.

Suhoterina T. P. *Vospominanija v sisteme zhanrov estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi*. [Memories in the system of genres of natural written Russian speech]. In: *Lomonosovskie chtenija na Altae*. [Lomonosov Readings in Altai]. Barnaul, 2012. Pt. 4.

Suhoterina T. P. *Pozdravitel'naja zapiska kak zhanr estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi: funkcional'no-celevaja harakteristika*. [Congratulatory note as a genre of natural written Russian speech: functional and purposeful characteristics]. In: *Kul'tura i tekst: kul'turnyj smysl i kommunikativnye strategii*. [Culture and text: cultural meaning and communication strategies]. Barnaul, 2011.

Hakimzjanov F. S. *Jazyk jepitafij volzhskih bulgar*. [The Language of the Epitaphs of the Volga Bulgars]. Moscow, 1978.

Shmeleva T. V. *Model' rechevogo zhanra*. [Speech genre model]. In: *Zhanry rechi*. [Speech Genres]. Saratov, 1997. Iss. 1.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И РЕЧЕВЫХ ПРИЕМОМ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ Д. ТРАМПА И Д. БАЙДЕНА)

Г. А. Менщикова

Ключевые слова: дискурс, манипулирование, лексико-грамматические особенности, языковые средства, речевые приемы.

Keywords: discourse, manipulation, lexico-grammatical features, language means, speech techniques.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–05

Выбор темы данной статьи обусловлен научным интересом в сфере политического дискурса, а именно в сфере воздействующего потенциала американского политического дискурса, изучения особенностей и предпочтений в выборе языковых средств и речевого поведения участников предвыборных дебатов — 2020 в США.

Целью статьи является анализ высказываний и характеристика стилистических и лексико-грамматических особенностей языковых средств и речевых приемов в предвыборных речах Д. Трампа и Д. Байдена, анализ их сходства / различия в ходе первых и последних дебатов, их общей динамики.

Теоретико-методологической базой исследования являются научные концепции таких ученых в области дискурс-анализа, как М. Фуко, N. Fairclough, Т. ван Дейк [Fairclough, 1989; Фуко, 1996; Djik, 1997; ван Дейк, 2000]. Изучение вопросов, затрагивающих речевые приемы манипулирования, проводилось на основе исследований И. А. Стернина [Стернин, 2001].

Методы исследования представлены такими общенаучными и частными методами, как наблюдение, описание, обобщение с элементами дискурсивного, контекстуального и контент-анализа политических текстов. Метод сплошной выборки был использован при сборе материала, описательный метод использовался при систематизации и обобщении результатов исследования. Кроме того, для определения частоты употребления языковых средств и речевых приемов манипулирования применялись приемы количественных подсчетов.

Для достижения поставленной цели и поиска ответов на обозначенные вопросы были изучены научные теории, проведен лингвистический анализ аутентичных материалов и имеющихся результатов лингвистических исследований. Результаты работы удалось получить в ходе анализа речи Д. Трампа и Д. Байдена в ходе первых и последних предвыборных дебатов, состоявшихся 29.09.2020 и 22.10.2020 соответственно. В результате анализа материала, представляющего собой предвыборную речь кандидатов в президенты, было отобрано 287 образцов речи, в структуре которых использованы особые языковые средства и речевые приемы, способные оказывать желаемое воздействие на аудиторию.

Изучению понятия «дискурс» посвящено большое количество работ и исследований. Учитывая особенности тематики статьи, широкое понимание дискурса должно сводиться к конкретной сфере — политической. В данной работе за основу берется понимание дискурса как совокупности текста и контекста, а именно предложенное Т. ван Дейком и получившее своё развитие в трудах N. Fairclough уравнение «дискурс = текст + контекст» [Крапивкина, Непомилов, 2014]. Т. А. ван Дейк определяет актуальный для данной работы термин как единство текста (или речи) профессиональных политиков, контекста, а также самих участников коммуникативной ситуации [Djik, 1997, p. 1–15].

Суть политического дискурса определяется на пересечении разных системообразующих факторов: порождение и восприятие дискурса, ментальное пространство дискурса, интенции политика, коммуникативный и социальный контекст, аксиологическая направленность [Андрюхина]. В основе порождения и восприятия политического дискурса находится когнитивный коррелят политической коммуникативной ситуации, в который включена информация о событиях, участниках, обстоятельствах, времени, месте, условиях их протекания, а также знание картины мира [Djik, 1997c. 15–20]. Ментальное пространство политического дискурса характеризуется определенным набором концептов — единиц, в которых хранятся знания о политической реальности. К последним можно отнести концепты «Power», «Values», «Family», «Country» и др. Намерения политика определяют прагматическую направленность политического дискурса и объясняют превалирование в нем определенных речевых актов: призывов, лозунгов, требований, обещаний. В коммуникативном и социальном контексте производства и восприятия политического дискурса проявляются такие его аспекты, как сам текст, эмоциональность, оценочность, ориентированность. Политическому дискурсу присущ аксиологический характер, названный «приматом ценностей над фактами, преобладанием воздействия и оценки над информирова-

нием, эмоционального над рациональным» [Шейгал, 2000, с. 51]. В основе ценностного подхода лежит концептуальная дихотомия «СВОЙ — ЧУЖОЙ». Очевидно, что каждый из этих факторов выступает источником манипулятивного воздействия на аудиторию.

В концепции представителя французского дискурса-анализа М. Фуко дискурс понимается как связная последовательность высказываний, условием порождения которых служит некая эпистема, присущая той дискурсивной формации, в рамках которой эти высказывания порождаются. Эпистемы представляют собой исторически изменяющиеся структуры, которые определяют условия образования сознания и культуры в конкретный исторический период развития того или иного общества [Автономова, 2008, с. 7–27].

Существует множество разновидностей дискурса, но наиболее часто изучение институциональных дискурсов. Например, «М.Л. Макаров выделяет такие виды институционального дискурса, как дискурс кросскультурной и субкультурной коммуникации, среды обитания, исторические, медиадискурсы, арт-дискурсы и, конечно, политические дискурсы» (цит. по: [Сидельникова, Стаценко, Мутыгуллина, 2017, с. 63–64]). Актуальным для данной работы будет понимание политического дискурса как совокупности последовательных высказываний, связанных между собой идеологическим контекстом, а также намерением участников коммуникативной ситуации не только передать информацию, но и оказать определенное влияние на участников коммуникативной ситуации.

Известно, что использование языка в процессе коммуникации не сводится лишь к передаче информации. Важно, что с помощью определенных средств языка можно воздействовать на адресата, можно убедить аудиторию в чем-либо, т.е. можно управлять широким кругом лиц, отличающихся друг от друга по уровню образования, культуре и др. Умелое использование языка активно формирует нужное власти общественное мнение, являясь важным средством завоевания и удержания власти [Маслова, 2008, с. 43–48]. «В демократических государствах стало необходимо убеждать при выборах, в условиях плюрализма мнений и политической жизни, в условиях политической борьбы — политикам стало необходимо учиться убеждать людей в своей правоте» [Стернин, 2001, с. 58]. Речевое воздействие можно рассматривать в рамках теории дискурса, теории политической и массовой коммуникации, риторики, а также нейролингвистического программирования. В данной работе речевое воздействие рассматривается в рамках теории дискурса.

Для успешного и эффективного воздействия на собеседника или аудиторию политическим деятелям необходимо организовывать свою речь

особым семантическим, стилистическим и семиотическим образом. Скрытый характер воздействия является основополагающим признаком манипуляции. Очевидно, что этот критерий является решающим фактором: адресат не должен догадываться о намерениях говорящего. манипулятор воздействует не явно, а скрыто. Для этого политики вводят в дискурс языковые единицы, которые смогут оказать влияние на сознание собеседника/аудитории, на их поведение с выгодой для говорящего, вследствие чего избиратели смогут изменить принятые ранее решения. В этом случае принято говорить о стратегии речевого поведения как о способе влияния на собеседника в заранее продуманном направлении.

Прагматический аспект политического дискурса раскрывает как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию. Выбор определенной стратегии речевого поведения определяет выбор языковых средств и речевых приемов. Как показал проведенный анализ, речь Д. Байдена оказалась более насыщенной языковыми средствами и речевыми приемами манипулирования, чем речь Д. Трампа, что в процентном соотношении можно выразить как 40/60.

В результате анализа было выявлено, что каждый из кандидатов использовал в манипулятивных целях определенные речевые приемы, но частотность использования этих приемов кандидатами различна: ими были использованы такие речевые приемы манипулирования, как искажение информации через использование эмоционально-экспрессивных слов и конструкций с отрицательной характеристикой, «навешивание ярлыков», использование дихотомия «я» — «мы», употребление в манипулятивных целях выразительных средств языка — эпитетов, метафор, сравнений, повторов, инверсий.

В течение первых дебатов в речи Д. Байдена отмечено больше эмоционально-оценочной, разговорной лексики и сленга, чем в выступлении Д. Трампа. В следующих примерах негативные оценочные коннотации наблюдаются у слов и конструкций, эксплицитно отражающих оценку субъекта:

1) *You're not going to be able to shut him up...*; 2) *I'm here standing facing you, old buddy...*; 3) *Will you shut up, man...*; 4) *Keep yapping, man...*; 5) *Will he just shush for a minute?...;* 6) *You're the worst president America has ever had ...;* 7) *Well, it's hard to get any word in with this clown...* (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020).

В свою очередь Д. Трамп лишь один раз употребил конструкцию *shut up* и дал негативную характеристику Д. Байдену в следующем высказывании:

— *Joe, you're the liar. You graduated last in your class not first in your class...* (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020).

Эти примеры показывают, что бранные слова с неодобрительными, презрительными, пренебрежительными оттенками выражают негативное отношение к собеседнику, дают ему отрицательную характеристику и тем самым могут повлиять на формирование общественного мнения.

Во время последних дебатов эмоционально-оценочная лексика в речи Д. Трампа встречается чаще, но далеко не всегда она направлена против его оппонента: 1) *401 (k) s are through the roof... People's stock are through the roof...*; 2) *I hate to say this, but those with the lowest IQ, they might come back, but there are very, very few...*; 3) *They're calling it the laptop from hell* (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020).

Адресация подобной лексики в речи Д. Байдена остаётся неизменной: 1) *His buddy Rudy Giuliani. He's being used as a Russian pawn...*; 2) *and he pokes his finger ... all of our friends, all of our allies* (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020).

Использование приема «навешивание ярлыков», состоящего в употреблении бездоказательных, эмоционально окрашенных слов и конструкций с негативным оттенком, подрывает авторитет кандидатов, дает возможность соперникам дискредитировать друг друга. «Негативная номинация — это и есть публицистический ярлык, "конденсирующий" в себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя» [Клушина 2008, с. 140]. В результате в сознании аудитории формируются определенные убеждения и стереотипы, способные повлиять на их выбор.

По количеству «навешенных ярлыков» Д. Байден опережает Д. Трампа как в первых дебатах, так и в последних. Например, в ходе первых дебатов он говорит следующее: 1) *... everything he's saying ... is simply a lie. I'm not here to call out his lies. Everybody knows he's a liar...*; 2) *he is not for any help for people needing healthcare...*; 3) *He's not worried about you. He's not worried about the people...*; 4) *He's the racist...*; 5) *He's Putin's puppy...* (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020).

В последних дебатах Д. Байден пытается дискредитировать соперника косвенно, через контекст: 1) *the president thus far and still has no plan, no comprehensive plan...*; 2) *he is xenophobic...*; 3) *He had nothing, he did virtually nothing...*; 4) *... He didn't want us... Americans don't panic. He panicked...*; 5) *He doesn't want to talk about the substantive issues...*; 6) *He hasn't done a thing for anybody on healthcare. Not a thing...*; 7) *And this is the first President in the history of the United States of America that anybody seeking asylum has*

to do it in another country (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020).

Через использование ярлыков “*liar*”, “*racist*”, метафору “*Putin’s puppy*” и других в сознании избирателей постепенно может сформироваться негативный образ ленивого, лживого, почти никчемного Д. Трампа. В свою очередь Д. Трамп «навешивает» схожие ярлыки на Д. Байдена и пытается изобразить соперника как глупого, ленивого приверженца социализма: 1) *Well, you’re certainly going to socialist. You’re going to socialist medicine...*; 2) *Your party wants to go socialist medicine and socialist healthcare...*; 3) *Joe, you’re the liar. You graduated last in your class not first in your class...*; 4) *There’s nothing smart about you, Joe. 47 years you’ve done nothing...* (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020). В последних дебатах Д. Трамп продолжает обвинять Д. Байдена «в любви к социализму», а высказывания типа *All he talks about is shut downs* или *He has the ability to lock himself up* косвенно указывают на проявления трусости со стороны Д. Байдена.

Таким образом, прием «навешивание ярлыков» позволяет соперникам дискредитировать образ друг друга. Бездоказательные высказывания с негативным оттенком направлены на подрыв авторитета, а в сознании аудитории способны сформировать искаженные представления и негативные стереотипы.

Важнейшим ориентиром в восприятии действительности служит дихотомия «свой» — «чужой». Особенно ярко деление на «свое» (признаваемое, одобряемое, безопасное) и «чужое» (отвергаемое, неодобряемое, враждебное) проявляется в политическом дискурсе. С одной стороны, дихотомия «свой» — «чужой» может использоваться для того, чтобы помочь аудитории определиться в политических предпочтениях. Однако, с другой стороны, эта категория может использоваться как средство манипуляции, с целью изменить предпочтения адресата, его взгляды и ценностные установки.

Чаще всего дихотомия «свой» — «чужой», а именно местоимением «*we*» манипулирует Д. Трамп, причем частотность местоимения “*we*” увеличивается в последних дебатах.

В первых дебатах местоимение “*we*” актуализирует признаки единства и подчеркивает многочисленность команды Д. Трампа: 1) *We got the gowns. We got the masks. We made the ventilators...*; 2) *We’re doing therapeutics already ...*; 3) *We’ve done a great job...* (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020). В последних дебатах местоимение “*we*” указывает на единение с народом: 1) *We have to recover. We can’t close up our nation...*; 2) *We have to protect our seniors. We have to protect*

our elderly. We have to protect especially our seniors with heart problems and diabetes problems. And we will protect...; 3) *We now have as strong a border as we've ever had. We're over 400 miles of brand new wall* (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020). В репрезентации дихотомии «свой» — «чужой» обоими кандидатами используются также и такие понятия, как *Russia, Putin, China*, которые маркированы как «чужие», как угроза национальной безопасности и независимости.

Местоимение “I” за счет категории числа, неоднократного повторения в рамках одного предложения акцентирует внимание аудитории на личности, индивидуальности и значимости говорящего. Использование местоимения *I* в положительной коннотации встречается в выступлениях обоих кандидатов, но чаще в речи Д. Трампа: 1) *No, I want to give them better healthcare at a much lower price, because Obamacare is no good...;* 2) *Many of your Democrat Governors said, “President Trump did a phenomenal job.” The Governors said I did a phenomenal job ... In fact, people ... said that, “President Trump did a phenomenal job”...;* 3) *Because there is never been an administration or president who has done more than I've done in a period of three and a half years... ..* (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020); 4) *This is a worldwide problem, but I've been congratulated by the heads of many countries on what we've been able to do...;* 5) *Every meeting I had and I had to meet them, I had to. It would be horrible to have canceled everything. I said, “This is dangerous and you catch it.” And I caught it. I learned a lot. I learned a lot* (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020).

Напротив, Д. Байден в своей речи чаще использует местоимение *You* в значении «американцы», «народ» и делает это для того, чтобы подчеркнуть свою озабоченность жизнью избирателей. Сочетание местоимения *You* с императивом превращают его высказывания в слоганы, призывы к действию: 1) *You're voting now. Vote and let your Senators know strongly how you feel;* 2) *You, the American people, it's about you. That's what we're talking about here;* 3) *There's so many things that we can do...;* 4) *Show up and vote. You will determine the outcome of this election. Vote, vote, vote...;* 5) *if we get the votes, it's going to be all over. He's going to go. He can't stay in power. It won't happen. It won't happen, so vote...;* 6) *And I'll be a president, not just for the Democrats. I'll be a president for Democrats and Republicans... (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020);* 7) *You should go out and vote. You're voting now. Vote and let your Senators know strongly how you feel* (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020).

Из приведенных выше примеров следует, что дихотомия «свой» — «чужой» выступает ориентиром в политическом пространстве и исполь-

зуются кандидатами в манипулятивных целях, так как способна выражать авторское одобрение или осуждение, объединение или отчуждение, подчеркивать свой положительный образ или создавать отрицательный имидж оппонента, а умелый и точный подбор языковых средств позволяет изменить представления аудитории о действительности.

Оба кандидата используют в манипулятивных целях такие выразительные средства языка, как сленг, разговорную лексику (*shut up* — Д. Трамп; *old buddy, wherewithal, keep yapping, shush, clown, Obamacare, Russian pawn* — Д. Байден); эпитеты и экспрессивную лексику (*fantastic, outstanding, disaster* — Д. Трамп); метафоры (*ghost town* — Д. Трамп); сравнения (*cheap like water, China ate your lunch, Joe* — Д. Трамп); повторы (*what's happened to New York, it's a ghost town. It's a ghost town* — Д. Трамп; *We're about to go into a dark winter, a dark winter and he has no clear plan* — Д. Байден); инверсию (*But you know what? So we do want to get rid of it* — Д. Трамп). В таких единицах можно выделить основной и второстепенный смыслы, т. е. переносное значение. Благодаря этому подобные средства языка привлекают внимание, активизируют мыслительные процессы, а в итоге оказывают мощное воздействие на аудиторию. С помощью выразительных средств языка в сообщении закладывается имплицитный смысл, чем и пользуются манипуляторы. Повторяя одни и те же мысли, одни и те же утверждения, манипуляторы закрепляют их в сознании аудитории.

В манипулятивных целях кандидаты обращаются к общественности, затрагивая в своих обращениях такие актуальные для американцев понятия, как «великая нация», «ценности», «права и свободы», «уровень жизни» и т. д. Д. Трамп, например, в ходе первых дебатов использует понятия «*people*» (а в последних дебатах — “*my people*”, “*great people*”), “*core values*”, “*my supporters*”, “*I'm urging my supporters*”. Д. Байден в этом контексте использует лишь выражения “*the American people*”, “*the ordinary people*”.

Для усиления манипулятивного воздействия кандидаты обращаются к повторам, кольцевым структурам предложения, а также к инверсии. Повторение является эффективным методом, подтверждая ключевые элементы сообщения, сохраняет его в памяти [Djik, 1997, с. 29–30]. Стоит отметить, что Д. Трамп использует данные приемы в основном с целью обратить внимание аудитории на результаты своей работы, а Д. Байден повторяет мысль, в которой убеждает аудиторию поверить в бездействие президента. Например:

Д. Трамп: 1) *We have the Senate, we have the White House, and we have a phenomenal nominee respected by all. Top, top academic, good in every way. Good in every way...*; 2) *And probably that would happen in reverse, also.*

Definitely would happen in reverse...; 3) You didn't want me to ban China, which was heavily infected. You didn't want me to ban Europe...; 4) And we won the election and therefore we have the right to choose her ... So we won the election and we have the right to do it...; 5) I'm urging my supporters ..... And I am urging my people... (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020)

1) *And we're fighting it and we're fighting it hard* (акцент на результатах своей работы); 2) *There was a spike in Florida and it's now gone... There was a very big spike in Arizona. It's now gone* (здесь обстоятельство времени "now" перенесено в начало предложения как прием аргументирования и влияния на мнение аудитории); 3) *Joe, you have raised a lot of money, tremendous amounts of money. And every time you raise money deals are made, Joe...; 4) They both want you to lose because there has been nobody tougher to Russia between the sanctions, nobody tougher than me on Russia, ... There has been nobody tougher on Russia than Donald Trump* (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020).

Д. Байден: 1) *Tens of thousands of people already voted and so the thing that should happen is we should wait. We should wait and see what the outcome of this election is...; 2) He doesn't know how. He doesn't know how to do that...; 3) He does not have a plan. He doesn't have a plan. And the fact is this man doesn't know what he's talking about...; 4) He blew it. They're gone. He blew it. And in fact, they're gone...* (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020).

1) *They're interfering with American sovereignty. That's what's going on right now. They're interfering with American sovereignty* (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020).

Названные ранее языковые средства (сравнение, олицетворение, метафора), а также в некоторой степени театральность речи, в большей степени присущи Д. Трампу в ходе последних дебатов. Из первых дебатов можно привести следующие примеры: 1) *I'm getting it for so cheap it's like water, you want to know the truth. So cheap...* (об инсулине); 2) *China ate your lunch, Joe...* (Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript. 2020).

В последних дебатах таких примеров можно увидеть уже гораздо больше: 1) *They're committing suicide. There's depression, alcohol, drugs at a level that nobody's ever seen before. There's abuse, tremendous abuse. We have to open our country...; 2) I was put through a phony witch hunt for three years...; 3) He is the vice-president of the United States and his son, his brother, and his other brother are getting rich. They're like a vacuum cleaner. They're sucking up money...; 4) So don't give me the stuff about how you're this innocent baby...*

5) *You mean the laptop is now another Russia, Russia, Russia hoax?...6) You have to be kidding, here we go again with the Russia. Boy, oh, boy* (Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript. 2020).

В данной статье затронуты лишь некоторые средства оказания манипулятивного воздействия в политической коммуникации. Исследование языка политического дискурса имеет не только теоретический интерес, но практическую значимость в сфере общественной и политической жизни. Так, важнейшим прикладным аспектом изучения политического дискурса является выявление различий в политической и ценностной картинах мира кандидатов, что особенно актуально в современном мире. Анализ политического дискурса подтверждает мнение о том, что недостаточно знать, какие политические убеждения имеет политик. Нужно научиться понимать, какое воздействие на аудиторию он может оказать при помощи языковых средств и речевых приемов манипуляции. Анализ политического дискурса показывает, что политика осуществляется средствами языка [Никитина, 2006, с. 104–106].

В политическом контексте участники коммуникативной ситуации стремятся не просто обменяться информацией, а оказать определенное влияние на участников коммуникативной ситуации. В силу того, что участники политического дискурса стремятся добиться убедительности, выразительности своей речи, манипулировать сознанием аудитории, спорным остаётся убеждение, что речь участников коммуникативного акта строится исключительно в рамках официально-делового стиля. В целях манипулирования сознанием, влияния на предпочтения и решения избирателей политические деятели пренебрегают нормами и правилами, обращаются к таким языковым средствам и приемам, которые помогут достичь поставленной цели. Как показал анализ речи кандидатов, названные в начале статьи факторы политического дискурса были учтены участниками предвыборных дебатов при конструировании своей речи, поэтому каждый фактор выступил источником манипулятивного воздействия на аудиторию. Очевидно, что речь Д. Трампа выглядит более мягкой, в сравнении с речью Д. Байдена в связи тем, что в ней реже использовалась эмоционально-оценочная, разговорная лексика, сленг. Кроме того, Д. Байден чаще обращался к приему «наешивание ярлыков», использовал слоганы, что добавило эмоциональности, а порой даже агрессивности его речи. Многочисленное обращение Д. Трампа к местоимению «we» как к проявлению единения с избирателями не помогло ему привлечь аудиторию на свою сторону. Частотность использования тех или иных языковых средств и речевых приемов манипулирования позволила определить общую риторику речи кандида-

тов. Так, основное содержание речи Д. Трампа было сведено к убеждению аудитории в положительных результатах своей деятельности и в четком понимании своих действий в будущем. В то же время в своей речи Д. Байден очень эмоционально и настойчиво старается подорвать авторитет Д. Трампа и внушить аудитории мысль о необходимости сделать правильный выбор.

Предположение о том, что манипулятивный характер речи в американском политическом дискурсе определяется наличием в ней особенных языковых средств и речевых приемов, подтверждается приведенными в данной работе примерами. Политическому дискурсу присущ прагматический характер, так как его основными целями являются воздействие на аудиторию и, как следствие, её убеждение. Стилистические и лексико-грамматические средства совместно со стратегиями влияния способствуют увеличению манипулятивного потенциала речи. Итоги прошедших в 2020 г. выборов в США подтверждают, что авторитет, сила и влияние в политической коммуникации принадлежат тем, кому принадлежит власть над словом.

Библиографический список

- Автономова Н. С. Автономова Н. Познание и перевод. М., 2008.
- Андрюхина Т. Язык власти и власть языка: политический дискурс. URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=F79C14FE-CC7D-BF64-AAC6-3270A21BB3CC>.
- Дейк Т. А. ван. К определению дискурса. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>.
- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 2000.
- Крапивкина О. А., Непомилов Л. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2014/09/7855>.
- Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
- Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1.
- Никитина К. В. Речевая манипуляция как предмет лингвистического исследования // Вестник Башкирского университета. 2006. № 4.
- Сидельникова Е. А., Стаценко Д. А., Мутыгуллина Ф. Р. Анализ и способы перевода грамматических конструкций, выражающих стратегии обвинения и оправдания в политическом дискурсе // Филология и человек. 2017. № 2.
- Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.

Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis? Amsterdam, 1997.

Fairclough N. Language and Power. L.; N. — Y.: Longman Group UK Limited, 1989.

Источники

Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript 2020. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020>

Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript 2020. ... URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020>

References

Aytonomova N. *Poznanie i perevod*. [Cognition and Translation]. Moscow, 2008.

Andrjuhina T. *Jazyk vlasti i vlast' jazyka: politicheskij diskurs*. [The Language of Power and the Power of Language: Political Discourse]. URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=F79C14FE-CC7D-BF64-AAC6-3270A21BB3CC>

Dejk T.A. *K opredeleniju diskursa*. [To the definition of discourse]. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.Htm>

Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 2000.

Klushina N. I. *Stilistika publicisticheskogo teksta*. [Stylistics of the publicistic text]. Moscow. 2008.

Krapivkina O.A., Nepomilov L.A. *Yuridicheskij diskurs: ponyatiye, funktsii, svoystva*. [Legal discourse: concept, functions, properties]. In: *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya*. [Humanitarian scientific research]. 2014. No. 9. URL: <https://human.snauka.ru/2014/09/7855>.

Maslova V.A. *Politicheskij diskurs: yazykovye igry ili igry v slova?* [Political discourse: Language games or word games?]. In: *Politicheskaya lingvistika* / [Political Linguistics]. 2008. No1.

Nikitina K. V. *Recheyaya manipulyatsiya kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya*. [Speech manipulation as a subject of linguistic research]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2006. No. 4.

Sidel'nikova E. A., Stacenko D.A., Mutygullina F.R. *Analiz i sposoby perevoda i grammaticheskikh konstrukcij, vyrazhayushchih strategii obvineniya*

i opravdaniya v politicheskom diskurse. [Analysis and methods of translation of grammatical constructions expressing strategies of accusation and justification in political discourse]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology&Human]. 2017. No. 2.

Sternin I.A. *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie*. [Introduction in the Speech Influence]. Voronezh, 2001.

Fuko M. *Arheologija znanija*. [Archaeology of Knowledge]. Kiev, 1996.

Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. [Semiotics of political discourse]. Thesis Philol. Doc. Diss. Volgograd, 2000.

Djik T.A. *What is Political Discourse Analysis?* Amsterdam, 1997.

Fairclough N. *Language and Power*. L.; N.-Y.: Longman Group UK Limited, 1989.

List of sources

Donald Trump & Joe Biden 1st Presidential Debate Transcript 2020. Electronic resource: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020>

Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript 2020. Electronic resource: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020>

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБСТАНТИВНОЙ МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

А. А. Соловьева, И. В. Тресорукова

Ключевые слова: синтаксис новогреческого языка, коммуникативно-функциональный синтаксис, предикативные фразеологические единицы, субстантивная модель простого предложения.

Keywords: syntax of the Modern Greek language, communicative functional syntax, Predicative Phraseological Units, substantive model of a simple sentence.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–06

Введение

Одним из важнейших вопросов грамматики является классификация синтаксических единиц, в частности предложений, и различные научные школы как в России, так и за рубежом предлагают собственные подходы к этой проблеме.

Так, первые структурные классификации в русской традиции осуществила формальная школа [Русская грамматика, 1980; Белошапкина, 1989], параллельно в американской лингвистике развивается так называемый генеративный подход [Хомский, 1972], являющийся ответвлением формального учения. Основной идеей данных теорий является разграничение структурного и семантического уровней, при этом классификация строится на основе структурных (формальных), собственно грамматических признаков (состав предложения).

В противопоставление формализму в последние три десятилетия в лингвистике развивается мысль о важности комплексного рассмотрения предложения не только с точки зрения структуры, но и с позиции семантики и функции. Теория, объединяющая эти понятия, формулируется в работах М. А. К. Холлидея [Halliday, 1985] и называется лингвистическим функционализмом. Основным тезисом названной концепции яв-

ляется то, что «фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка» [Кибрик, Плуиан, 2002, с. 276]. На материале русского языка как естественное продолжение функционализма появляются теория функционально-семантических полей А. В. Бондарко [Бондарко, 1984], функционально-коммуникативная грамматика М. В. Всеволодовой [Всеволодова, 2000] (в которой главным образом анализируется живая звучащая речь) и коммуникативно-функциональная грамматика Г. А. Золотовой [Золотова и др., 2004] (где анализируется письменная речь и главным образом художественные тексты).

При обращении к исследованиям синтаксиса новогреческого языка выясняется, что за незначительным исключением они представляют собой формальные школьные классификации, где предложения делятся на группы в зависимости от их состава (нераспространенные/распространенные, по наличию главных или второстепенных членов) [Συντακτικὸ τῆς νέας ἐλληνικῆς, 2004, σ. 14], от связи с другими предложениями (главное и придаточное) [Τζάρτζανος, 2002, σ. 35], от цели высказывания и интонации (повествовательное, побудительное, восклицательное и вопросительное) [Τζάρτζανος, 2002, σ. 35] и т. п. Функциональный подход к высказыванию в новогреческом языке предлагает Г. Бабиньотис [Κλαίρης, Μπαμπινιώτης, 2004, σ. 682], сосредоточивая внимание на порядке слов и актуальном (тема-рематическом) членении предложения.

Для рассмотрения предикативных фразеологических единиц (ПФЕ) в синтаксисе новогреческого языка требуется выбрать подход, в рамках которого предложение рассматривается как единый комплекс, совокупность формы, значения и функции, так как сами ПФЕ обладают «структурно-семантической слитностью» [Золотарева, 2018, с. 305] и не могут рассматриваться как сумма независимых структурных компонентов.

Именно такой подход предлагается в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г. А. Золотовой [Золотова и др., 2004, с. 102–103]. Для классификации простых предложений в этой теории выдвигается понятие модели предложения, являющейся «составом взаимообусловленных субъектного и предикатного компонентов в единстве их морфологических, синтаксических и семантических характеристик» [Золотова и др., 2004, с. 104]. Рассматриваемая в данной работе субстантивная модель представляет собой одну из пяти основных моделей предложения, и различия заключаются в способе выражения предиката и в типовом значении модели. В субстантивной модели предикат выражается существительным, а типовое значение, т. е. «обобщенный смысловой результат предикативного сопряжения субъектного и предикатно-

го компонентов» [Золотова и др., 2004, с. 104] сформулировано как «отнесение к классу предметов (квалификационный признак)» [Золотова и др., 2004, с. 105].

При классификации моделей предложения в качестве материала в «Коммуникативной грамматике» [Золотова и др., 2004, с. 105] используются только свободные конструкции, т. е. предложения, смысл которых непосредственно складывается из составляющих его семантически независимых компонентов. В настоящей статье предметом исследования являются семантически несвободные конструкции, а именно предикативные фразеологические единицы (ПФЕ), представляющие собой простые предложения.

К основным признакам фразеологических единиц (ФЕ) в целом и ПФЕ в частности относятся воспроизводимость, непрозрачность и нечленимость структуры. В «Русской грамматике» 1980 г. ФЕ выделяются и рассматриваются как особое явление русского синтаксиса, происходит разделение на членимые и нечленимые ПФЕ и выделяются различные типы фразеологизированных предложений, включающих в себя в том числе и структуры простого предложения [Шведова, 1980]. В. Ю. Меликян [Меликян, 2014, с. 44] выделяет ФЕ-предложения в составе лексических ФЕ, деля их на типы по составу предложения (односоставные, двусоставные, придаточные). В классификации ПФЕ (по терминологии В. Ю. Меликяна — СФЕ) происходит разделение на коммуникемы, фразеосинтаксические схемы, устойчивые модели и устойчивые обороты. В нашей работе в рамках синтаксического подхода предлагается схема деления ФЕ на непредикативные ФЕ и ПФЕ, которые в свою очередь будут подразделяться на идиомы, коллокации, поговорки, грамматические фразеологизмы, фразеологизмы-конструкции и клише [Баранов, Добровольский, 2014, с. 69].

Синтаксический подход к ФЕ встречается также в работах по новогреческой фразеологии. Используя для анализа фразеологизмов в качестве теоретической базы исследования на материале английского языка, греческие исследователи отмечают наличие в новогреческом языке ФЕ, по составу соответствующих либо простым, либо сложным предложениям [Μυτούλα, 2006, σ. 122–123] с двухчастной или, реже, трехчастной структурой [Μυτούλα, 2006, σ. 152]. Однако такой подход является структурным, применяется только к отдельным категориям ПФЕ (а именно к поговоркам без учета остальных ФЕ) и не отражает коммуникативных особенностей новогреческих ФЕ.

Как уже было сказано ранее, предметом нашего исследования являются ПФЕ новогреческого языка, представляющие собой простые пред-

ложения. Задача данного исследования — изучить коммуникативные особенности данных ФЕ и их функционирование в языке, а также доказать тезис об антропоцентрической природе ФЕ, которые «помогают человеку через призму своего восприятия передать картины окружающей действительности» [Тресорукова, 2019, с. 7]. Кроме того, ставится задача выяснить, как наличие или отсутствие ПФЕ влияет на коммуникативно-функциональные характеристики простого предложения в новогреческом языке, а именно, может ли наличие ПФЕ в предложении изменить его семантику. В связи с этим немаловажно провести сравнение субстантивных предложений, представляющих собой ПФЕ, с соответствующими свободными субстантивными простыми предложениями новогреческого языка.

Материал для анализа был получен в результате сплошной выборки из новогреческих корпусов текстов EΘEG (ETHEG), ΣEK (SEK), eITenTen2014 (eITen), где были вычленены 55 ФЕ, потенциально представляющие собой простое предложение, построенное по субстантивной модели, или входящие в состав такого предложения.

1. Субстантивная модель простого предложения в составе новогреческого языка

Говоря о субстантивной модели простого предложения как таковой, мы ориентируемся на определение, которое дается в грамматике Г.А. Золотовой, которая выделяет три типа субстантивных моделей:

- сообщающие классификационную информацию (*Москва — столица, Сестра — врач*);
- сообщающие о признаках предмета или лица (*Стакан — из стекла, Гостиницы — от бабушки, Билеты — в театр, Книга — на столе, У Пети — собака*);
- характеризующие данное время и пространство по наличию названного признака (*Мороз. В саду цветы. Сегодня дождь*) [Золотова и др., 2004, с. 107–108].

Аналоги данных конструкций выявляются и в новогреческом языке: так, в число конструкций, сообщающих классификационную информацию, входят такие как *Ο Γιώργος είναι γιατρός* «Йоргос — врач», к сообщением о признаках предмета или лица относятся *Οι ντομάτες είναι από τη Βουλγαρία* «Помидоры — из Болгарии», *Τα εισιτήρια είναι για παιδιά*. «Билеты — для детей», *Το τετράδιο είναι στο τραπέζι*. «Тетрадь — на столе», *Τέσσερις ομάδες, ένας στόχος*. «Четыре команды — одна цель»), к характеризующим данное время и пространство по наличию названного признака относятся *Νύχτα. Σκοτάδι. Μια σκιώδης φιγούρα απέναντί μου*. «Ночь. Тьма. Тёмная фигура передо мной», *Παύση*. «Пауза».

2. Субстантивная модель простого предложения во фразеологии новогреческого языка

Субстантивная модель простого предложения представлена и в простых предложениях, содержащих ПФЕ.

2.1. Модель, сообщающая классификационную информацию

К простым предложениям с ПФЕ первого типа на первый взгляд могут относиться предложения, содержащие пословицы, построенные по принципу сопоставления одного явления с другим (*Ἀνθρωπος ἀγράμματος ξύλο ἀπελέκητο*, ср. рус. «Человек неученый — топор неточеный»), однако большинство таких пословиц построены по принципу сравнения разных лиц или предметов, а не отнесения их к какому-либо классу. Таким образом, круг простых предложений с ПФЕ, несущих классификационную информацию, сильно сужается. В этой модели в результате анализа выделяются следующие семантические группы ФЕ:

- Построенные по принципу абсурдности классификации: *ο κάβουρας <ο ποντικός>¹⁸ στην τρύπα του είναι μεγάλος αφέντης* «Краб <мышь> в своей норе — большой начальник» (ср. рус. *Первый парень на деревне, а в деревне один дом*), *σκόρδο ο ένας, κρεμμύδι ο άλλος* «Один — чеснок, другой — лук» (ср. рус. *Кто в лес, кто по дрова*).
- Отмечающие важность принадлежности лица к классу: *Μάρτυς μου ο Θεός* (ср. рус. *Бог мне свидетель*).
- Отражающие путаницу с классификацией: *Και Σαούλ εν προφήταις, και κόρκορος εν λαχάνοις*; «И Саул среди пророков, и корхор среди овощей?» (ср. рус. *Не в свои сани не садись*). При этом вторая часть ПФЕ *Και κόρκορος εν λαχάνοις* «И корхор среди овощей» употребляется весьма редко¹⁹, другими словами, в данном случае можно говорить о крылатом выражении, состоящем только из первой части, в то время как вторая часть появляется гораздо позднее и может служить уточнением или своеобразным продолжением неуместной классификации или сравнения.

В этой модели ПФЕ главным образом представлены речевыми формулами, выражающими оценку человека, группы людей или их действия, при этом зачастую формула употребляется в ироническом контексте, ср., например: *Δεν μπορώ να συννενηθώ με τους άλλους, σκόρδο ο ένας, κρεμμύδι ο άλλος!* «С ними невозможно договориться, кто в лес,

¹⁸ Здесь и далее в < > приводятся инварианты в составе ПФЕ.

¹⁹ Что подтверждается полевыми исследованиями, проведенными среди носителей греческого языка совместно с лингвистической лабораторией *ΣυνΜόρφωση* Университета имени Демокрита (Греция).

кто по дрова!»). Наибольшее количество ПФЕ этой модели выявлено в семантической группе «абсурдность классификации».

2.2. Модель, сообщающая о признаках предмета или лица

Второй тип субстантивных простых предложений объединяет конструкции, «сообщающие о признаках предмета или лица» [Золотова и др., 2004, с. 108]. В результате проведенного анализа мы выделяем нижеприведенные семантические группы ФЕ, подразделяя их на подгруппы в соответствии с отношением к человеку или окружающей среде, а именно:

1) антропоцентричные ПФЕ, в фокусе которых находится сам человек, его внешность, черты характера, отношения в обществе и с окружающим миром и пр.:

- внешность: *Τα πάχη μου, τα κάλλη μου* — «Мой вес — моя красота» (ср. рус. *Хорошего человека должно быть много*) и пр.;
- черты характера и привычки: *Άβυσσος η ψυχή του ανθρώπου* — «Бездна — душа человека» (ср. рус. *Чужая душа потёмки*), *Τα πολλά λόγια είναι φτώχεια* — «Многословие — бедность» (ср. рус. *Краткость — сестра таланта*), *Η έξη είναι δεύτερη φύση* — «Привычка — вторая натура», *Μεταξωτές κυλότες για επιδέξιους κώλους* — «Шелковые трусы — для ловких задов» и пр.;
- родство: *Αδέρφια αγαπημένα, κάστρα (που δεν παίρνονται)* — «Братья любимы — крепости, (которые не берут)», *«Το αίμα νερό δεν γίνεται* — «Кровь не водица», *Του παιδιού μου το παιδί είναι δυο φορές παιδί μου* — «Ребенок моего ребенка — дважды мой ребенок», *Όλοι οι γύφτοι μια γενιά* — «Все цыгане — один род» (ср. рус. *Одним миром мазаны*), *Κατά το Μαστρογιάννη και τα κοπέλια του* — «По мастеру Яннису и дочки» (ср. рус. *Каков поп, таков и приход*) и пр.;
- отношения в социуме:
  - ο социальные отношения: *Μεταξύ κατεργαράιων ειλικρίνεια* — «Между хитрецами — честность» (ср. рус. *Хитрецам нечего скрывать друг от друга*), *Σαράντα πέντε Γιάννηδες ενός κοκόρου γνώση* — «У 45 Яннисов знания петуха» (ср. рус. *У семи нянек дитя без глаза*), *Ανάλογα με τον άγιο και το θυμίαμα* — «По святому и фимиам» (ср. рус. *По Сеньке и шапка*), *Κατά το αγώγι και ο αγωγιάτης* — «По перевозке и возчик» (ср. рус. *Каков поп, таков и приход*), *Το καμάρι του χωριού και το αγκάθι του σπιτιού* — «Гордость в деревне, а колючка в доме» (ср. рус. *В людях Ананья, а дома каналья или В людях ангел, а дома черт*) и пр.;
  - ο иерархические отношения: *Νόμος είναι το δίκιο του Σωκράτη <του αφέντη> <του εργάτη>* «Закон — право Сократа <хозяина> <ра-

бочего>» *Τα παράπονά σου στον δήμαρχο* «Твои жалобы — мэру» (рус. Вот придет барин, барин нас рассудит), *Δουλειά σου και δουλειά μου!* — «У тебя своя работа, у меня своя» (ср. рус. *Не лезь не в свое дело*), *Μέρα σου και μέρα μου* — «Мой день и твой день» (рус. *Не суй свой нос не в свое дело*) и пр.;

- ο экономические и трудовые отношения: *Τι' ναι ο κάβουρας, τι' ναι το ζουμί του* — букв. «Что краб, что бульон из него» (ср. рус. *Не стоит того*), *Ανεμομαζώματα <αδικομαζώματα> διαλοσκορπίσματα <ανεμοσκορπίσματα>* — «Собранные ветром <нечестно собранные> — рассеянные дьяволом <ветром>» (ср. рус. *Шальные деньги*), *Αμ' έπος αμ' έργον* — «И слово, и дело» (ср. рус. *Сказано — сделано*), *Δανεικά και αγύριστα* — «Одолженное и невозвращенное» (ср. рус. *В долг без возврата*), *Εν τω άμα και το θάμα!* — «В момент если и обет!» (ср. рус. *Моментально!*) и пр.;
- отношение к жизни: *Ούτε γάμος δίχως κλάματα ούτε κηδεία δίχως γέλια* — «Нет свадьбы без слез и похорон без смеха» (ср. рус. *Нет худа без добра и добра без худа*); *Γίνεται η ζωή μου πατίни* — «Жизнь становится коньком» (ср. рус. *надрыватьея*), *Κάθε πράγμα στον καιρό του και ο κολιός τον Αύγουστο* — «Каждая вещь в свое время и скумбрия в августе» (ср. рус. *Всему свое время*), *Της Κυριακής χαρά και της Δευτέρας λύπη* — «В воскресенье радость, в понедельник горе» (ср. рус. *Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела*), *Ματζουράνα στο κατώφλι, γάιδαρος στα κεραμίδια* — «Майоран на пороге, осел на крыше» (ср. рус. *Сказки, небылицы*) и пр.

2) ПФЕ, характеризующие явления окружающего мира, а именно погоду и времена года: *Μάρτης γδάρτης και κακός παλουκοκαύτης* «Март — обирала и злой шкуродер», *Από Αύγουστο χειμώνα και από Μάρτιο καλοκαίρι* — «С августа зима, с марта — лето» и пр.

Как следует из анализа, основная часть ПФЕ данной модели включает в себя ФЕ, которые в подавляющем большинстве описывают отношения человека в обществе и среди родных людей, его внешность и черты характера. Также стоит отметить, что в этой модели чаще всего встречаются паремии, которые представляют собой полноценный образ и законченную мысль.

2.3. *Модель, характеризующая время и пространство по наличию названного признака*

Модель третьего типа описана в грамматике как «характеризующая данное время и пространство по наличию названного признака» [Золотова и др., 2004, с. 108]. В подходах к классификации простых предложений, предлагаемых другими исследователями, можно также встретить

термин «номинативные предложения» [Калинин, 2012, с. 8–9]. Также ФЕ, построенные по данной модели, называют «предметными» [Фёдорова, 2013, с. 123]. Существенное отличие данной модели от предыдущих заключается в том, что данные конструкции характеризуют не субъект через предикат, а внеязыковую реальность через всё предложение целиком.

Таким образом, исходя из типового значения этой модели, мы относим к ней ПФЕ, которые по большей части используются в значении «чепуха, неразбериха, ерунда»: *Κολοκύθια τούμπανα* — «Кабачки барабаны», *Και πράσινα άλογα* — «И зеленые лошади», *Άρες μάρες κουκουνάρες* — «Арисы, мары, шишки», *Άρτζι μπούρτζι και λουλάς* — «Арцы, бурцы и кальян», *Η σάρα και η μάρα και το κακό συναπάντημα* — «Сара и мара и плохая встреча», *Το γουδί το γουδοχέρι και το κόπανο στο χέρι* — «Ступка, пест и дубина в руке», *Καλά κρασιά* — «Хорошие вина!», *Πράματα και θάματα!* — «Вещи и чудеса!» (*Συνεννόηση πλουζούκι* — «Взаимопонимание бузуки», *είναι ανοησίες* — «это бессмыслицы» (ср. рус. *Сорока Якова одно про всякого* или *Кто про что, а вишивый про баню* или *Чушь собачья!* или *Чудеса в решете!* и т. п.) и пр.

Также по этой модели построены ПФЕ, выражающие социальные иерархические отношения: *Κάθε κατεργάρης στον πάγκο του* — «Каждый плут на своей скамейке» (ср. рус. *Все по местам*). Стоит отметить, что большинство ПФЕ этой модели относятся к разряду речевых формул.

3. Сравнение простых предложений с ПФЕ и с нефразеологическими компонентами

Следующим этапом анализа коммуникативно-функциональных особенностей простых субстантивных предложений новогреческого языка с ПФЕ является их сравнение с аналогичными простыми предложениями, не содержащими фразеологических компонентов. В представленной таблице мы сопоставили ПФЕ и свободные простые предложения:

Сопоставление ПФЕ и свободных простых предложений

Подтип модели	Простые предложения НЯ субстантивной модели	
	С ПФЕ	С нефразеологическими компонентами
Сообщающая классификационную информацию	<i>Και Σαούλ εν προφήταις, και κόρκορος εν λαχάνοις</i> : «И Саул среди пророков, и корхор среди овощей?» <i>Ο κάβουρας <ο ποντικός> στην τρύπα του είναι μεγάλος αφέντης</i> : «Краб <мышь> в своей норе — большой начальник»	<i>Ο Γιώργος είναι γιατρός</i> : «Γιоргос — врач» <i>Η Ελένη είναι παιδί μου</i> : «Элени — мой ребенок» <i>Ο Σταμάτης είναι μεγάλος αφέντης</i> : «Стаматис — большой начальник».

Окончание таблицы

Подтип модели	Простые предложения НЯ субстантивной модели	
	С ПФЕ	С нефразеологическими компонентами
Сообщающая о признаках	<p><i>Ο καιρός είναι γιατρός</i> «Время — врач»</p> <p><i>Του παιδιού μου το παιδί είναι δυο φορές παιδί μου</i> «Ребенок моего ребенка — дважды мой ребенок»</p> <p><i>Κατά το Μαστρογιάννη και τα κοπέλια του</i> «По Мастеру Яннису и дочери»</p> <p><i>Κατά τη λαχάνα και η καζάνα</i>, «По капусте и казан»</p> <p><i>Το καμάρι του χωριού και το αγκάθι του σπιτιού</i> «Гордость в деревне, а колючка в доме»</p> <p><i>Σαράντα πέντε Γιάννηδες ενός κοκόρου γνώση</i> «У 45 Яннисов знания петуха»</p>	<p><i>Οι ντομάτες είναι από τη Βουλγαρία</i> «Помидоры — из Болгарии»</p> <p><i>Τα εισιτήρια είναι για παιδιά.</i> «Билеты — для детей»</p> <p><i>Το τετράδιο είναι στο τραπέζι.</i> «Тетрадь — на столе»</p> <p><i>Τέσσερις ομάδες, ένας στόχος.</i> «Четыре команды — одна цель»</p>
Характеризующая данное время и пространство по наличию названного признака	<p><i>Κολοκύθια τούμπανα</i> «Кабачки барабаны»</p> <p><i>Πράματα και θάματα!</i> «Вещи и чудеса!»</p>	<p><i>Νύχτα. Σκοτάδι. Μια σκιώδης φιγούρα απέναντί μου.</i> «Ночь. Тьма. Тёмная фигура перед мной»</p> <p><i>Паύση.</i> «Пауза»</p>

В результате сопоставления становится понятно, что в большинстве случаев структура обоих типов простых предложений в новогреческом языке является идентичной. При этом стоит отдельно отметить такую модель простого предложения, как *Ο καιρός είναι γιατρός* — «Время — врач» и *Ο Γιώργος είναι γιατρός* — «Йоргос — врач», где предложение с ПФЕ, в отличие от аналогичного без ПФЕ, будет относиться не к модели, обозначающей классификацию (время не может иметь профессию врача), а метафорическую характеристику. Аналогичную ситуацию наблюдаем в примерах: *Του παιδιού μου το παιδί είναι δυο φορές παιδί μου* — «Ребенок моего ребенка — дважды мой ребенок» и *Η Ελένη είναι παιδί μου* «Элени — мой ребенок» (классификация), где выражение *δυο φορές παιδί μου* «дважды мой ребенок» имеет значение признака, то есть «очень мне важен, имеет для меня большое значение».

Наличие подобных примеров объясняется вышеупомянутыми двойственностью и асимметрией природы ФЕ на фоне их нефразеологических аналогов. Как семантика ПФЕ не складывается напрямую из его компонентов, так и семантика простого предложения с ПФЕ не тождественна его структуре, а формируется с учетом внеязыкового контекста и картины мира носителя.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования, рассмотрев 55 простых предложений новогреческого языка с ПФЕ, мы разделили их на три подгруппы. Самая многочисленная подгруппа (38 примеров) представлена простыми предложениями, сообщающими о признаках лица, что вполне логично, так как ПФЕ и ФЕ в целом направлены прежде всего на человека. Самая малочисленная (4 примера) — предложениями, сообщающими классификационную информацию. Подгруппа простых предложений с ПФЕ, характеризующих время и пространство по наличию признака, представлена 13 примерами. Такое распределение объясняется особенностью ФЕ как конструкций с метафорическими, обобщенными значениями, чаще всего служащими не для констатации действительности (например, классификации предметов), а для выделения закономерностей, небуквального переосмысления реальности.

Для подтверждения данной гипотезы проведено сравнение простых предложений новогреческого языка с ПФЕ с предложениями с аналогичными нефразеологическими компонентами. Выявлены несовпадения в значениях и, как следствие, в классификации идентичных по формальной структуре конструкций.

Также при анализе примеров мы отметили, что подавляющее большинство ПФЕ по типу представляют собой два крупных блока:

- идиомы и речевые формулы, например: *Της φυλακής τα σίδερα είναι για τους λεβέντες* — «Тюремные оковы — для молодцов» — речевая формула (ср. рус. *Дорогу осилит идущий*);
- пословицы, например: *Της Παρασκευής τα γέλια, του Σαββάτου κλάματα* — «В пятницу смех, в субботу слезы» (ср. рус. *Рано птичка запела, как бы кошечка не съела*).

Реже идиом и пословиц встречаются коллокации, например, *<Γίνεται αίμα και άμμος>* — «<Происходит> кровь и песок» (ср. рус. *Ужасные события*) и грамматические фразеологизмы, например: *Δανεικά και αγύριστα* — «Одолженное и невозвращенное» (ср. рус. *В долг без возврата*). За рамками данной статьи намеренно оставлены фразеологизмы-конструкции, так как ввиду своих особенностей и разнообразия они могут являться предметом отдельного исследования. Ситуативных клише среди рассмотренных ПФЕ обнаружено не было.

Данные исследования доказывают, что рассмотрение ФЕ с точки зрения коммуникативно-функционального синтаксиса представляется актуальным и перспективным ввиду двойственной и асимметричной с точки зрения соотношения структуры и семантики природы ФЕ и предложений, их содержащих. Также рассмотренные примеры под-

тверждают теорию об антропоцентризме ФЕ, их ориентированности на человека.

Библиографический список

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. М., 2014.
- Белошапкина В. А. Современный русский язык. 2-е изд., исправленное с дополнениями. М., 1989.
- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Золотарева Л. А. Подходы к описанию фразеологических синтаксических конструкций русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). Ч. 2.
- Золотова, Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Калинин А. Ф. Типология номинативных фразеологизированных предложений в русском языке // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1.
- Кибрик А. А., Плуунгян В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. М., 2002.
- Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. М., 2014.
- Русская грамматика / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2.
- Тресорукова И. В. Семантика символического компонента verb «вода» в новогреческой фразеологической картине мира // Филология и человек. 2019. № 4.
- Фёдорова К. Л. Структурные модели фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 35 (326). Филология. Искусствоведение. Вып. 85.
- Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
- Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar (1st ed.). London, 1985.
- Κλαίρης Χ., Μπαμπινιώτης Γ. Γραμματική της Νέας Ελληνικής. Αθήνα, 2004.
- Μυτούλα Αι. Θ. Η νεοελληνική παροιμία. Συγχρονική και διαχρονική προσέγγιση. Θεσσαλονίκη, 2006.

Τζάρτζανος Α. Α. Νεοελληνική Σύνταξις. Αθήνα, 2002. Τ. Α΄.

Источники

elTenTen 2014. URL: <https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus/>
 Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας. URL: <http://hnc.ilsp.gr/>
 Σώμα Ελληνικών Κειμένων. URL: [http://www.sek.edu.gr/Συντακτικό της νέας ελληνικής Α΄, Β΄, Γ΄ Γυμνασίου.](http://www.sek.edu.gr/Συντακτικό_της_νέας_ελληνικής_Α΄_Β΄_Γ΄_Γυμνασίου.) Αθήνα, 2004.

References

Baranov A. N., Dobrovolskiy D. O. *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs). Uchebnoye posobiye*. [Fundamentals of phraseology (short course). Tutorial]. Moscow, 2014.

Beloshapkova V. A. *Sovremennyy russkiy yazyk*. [Modern Russian language]. Moscow, 1989.

Bondarko A. V. *Funktsionalnaya grammatika*. [Functional grammar]. Leningrad, 1984.

Vsevolodova M. V. *Teoriya funktsionalno-kommunikativnogo sintaksisa*. [Functional communicative syntax theory]. Moscow, 2000.

Zolotareva L. A. *Podkhody k opisanuyu frazeologicheskikh sintaksicheskikh konstruktivnykh russkogo yazyka*. [Approaches to the description of phraseological syntactic structures of the Russian language]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2018. No. 1. (79). Pt. 2.

Zolotova, G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004.

Kalinin A. F. *Tipologiya nominativnykh frazeologizirovannykh predlozheniy v russkom yazyke*. [Typology of nominative phraseologically bound sentences in the Russian language]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Filologiya. Zhurnalistika*. [News of the Saratov University. Philology. Journalism]. 2012. Vol. 12. Iss. 1.

Kibrik A. A., Plungyan V. A. *Funktsionalizm*. [Functionalism]. In: *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamentalnyye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki*. [Contemporary American Linguistics: Fundamental Trends in Contemporary American Linguistics]. Ed. by A. A. Kibrik, I. M. Kobozeva, I. A. Sekerina. Moscow, 2002.

Melikian V. Yu. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya*. [Modern Russian language. Syntactic phraseology]. Moscow, 2014.

Russkaya grammatika. [Russian grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, 1980. Vol. 2.

Tresorukova I. V. *Semantika simvolnogo komponenta nero 'voda' v novogrecheskoy frazeologicheskoj kartine mira*. [Semantics of the symbolic component nero “water” in the Modern Greek phraseological picture of the world]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. Barnaul, 2019. No. 4.

Fedorova K. L. *Strukturnyye modeli frazeologizmov s komponentami meteonimami v russkom yazyke*. [Structural models of phraseological units with metonyms components in the Russian language]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. Iskusstvovedeniye [Bulletin of the Chelbinsk University. Philology. Art history]. 2013. No. 35 (326). Iss. 85.

Chomsky N. *Yazyk i myshleniye*. [Language and Mind]. Moscow, 1972.

Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar* (1st ed.). London, 1985.

Klairs Ch., Bampiniotis G. *Grammatiki tis Neas Ellinikis*. [Grammar of Modern Greek]. Athens, 2004.

Mytoulas Ai. Th. *I neoelliniki paroimia. Sygchroniki kai diachroniki prosengisi*. [The Modern Greek proverb: synchronic and diachronic approach]. Thessaloniki, 2006.

Syntaktiko tis neas ellinikis A', V', G' Gymnasiou. [Syntax of the Modern Greek A', B', C' Gymnasium]. Athens, 2004.

Tzartanos A. A. *Neoelliniki Syntaxis*. [Modern Greek Syntax]. Athens, 2002. Vol. A'.

List of sources

elTenTen 2014. URL: [http://hnc.ilsp.gr](https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus/Ethnikos>Thisavros Ellinikis Glossas. [National Treasure of the Greek Language]. URL: <a href=).

Soma Ellinikon Keimenon. [Corpus of Greek Texts]. URL: <http://www.sek.edu.gr>.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АББРЕВИАТУР В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РЕАЛИЯХ

Н. В. Кожанова

Ключевые слова: аббревиатура, инициальное сокращение, наименования лиц по профессии, композит, заимствование.

Keywords: abbreviation, initial shortening, professional denominations, composites, borrowings.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–07

Современное общество, со своим постоянно ускоряющимся ритмом жизни, характеризуется постоянным стремлением к использованию новых слов, языковой экономии, инновациям и вариативности, что вынуждает язык четко реагировать на обусловленные прогрессом изменения, приспосабливаться и соответствовать такому развитию. Приоритетной для языка становится тенденция к быстрой и точной передаче наибольшего количества информации за минимальную единицу времени. Высокая словообразовательная активность аббревиации как нельзя лучше отвечает данным требованиям. Слова и группы слов сокращаются вследствие стремления к максимальной языковой экономии. Таким образом, многокомпонентные терминологические образования, характерные для языков флективного типа, часто заменяются на более короткие варианты в усеченном виде [Инжечик, 2017].

Возникновение и развитие явления аббревиации имеет длительную историю. Однако стремительный рост числа новых аббревиатур, имевший место практически во всех общественных сферах жизни, был вызван стремительно возросшей ролью информационных технологий в 1990-х гг. Актуальность процесса аббревиации обуславливает постоянный интерес к данной тематике многочисленных ученых-лингвистов, таких как И. В. Арнольд, Е. С. Кубрякова, Д. И. Алексеев, Д. Коблер-Триль, В. Фляйшер, А. Штейнхауер и многих других.

Следует отметить, что лингвистическая сущность аббревиатуры до сих пор не изучена полностью, даже несмотря на значительное число теоретических исследований в данной области. Сложившаяся ситуация позволяет говорить об абстрактности и неоднородности существующих классификаций аббревиатур, предлагаемых лингвистами, так как в ос-

новном их критерии базируются не на экспериментальных результатах, а на обобщенных наблюдениях, оторванных от конкретных контекстов употреблений тех или иных аббревиатур [Инжечик, 2017].

Нет единого трактования и таких понятий, как «аббревиатура», «сокращение», «аббревиация», «усечение». Чаще всего «аббревиатура» и «сокращение» употребляются в лингвистических исследованиях как абсолютные синонимы, а различия между ними обнаруживают только специалисты в области этимологии (аббревиатура — заимствованный термин) [Полетаева, 2016]. Подобного мнения придерживаются такие лингвисты, исследователи языка, как Е. С. Кубрякова, А. Н. Елдышева, Е. А. Дюжикова, А. П. Аверьянова и др. К ученым, разграничивающим данные понятия, относятся российские языковеды О. Д. Мешков, К. А. Левковская, Д. И. Алексеев, В. Н. Шокуров и др. В данном исследовании термин «аббревиатура» используется как синоним слова-сокращения. Аббревиатурой считается лексическая единица, в составе которой выделяются отдельные (сокращенные) элементы исходного слова или словосочетания [Куткина, 2011, с. 2].

Целью данного исследования является рассмотрение феномена «аббревиатура» в лексической группе наименований лиц по профессии, представленных на немецких специализированных сайтах о поиске работы²⁰.

Аббревиатуры являются наиболее продуктивными единицами в сфере вторичной номинации. С одной стороны, их структура характеризуется известной степенью устойчивости, а с другой стороны, — подвижностью и изменчивостью. Аббревиатурная микросистема пребывает в постоянном движении, что связано с исчезновением из коммуникативных практик одних аббревиатур, появлением ряда других, со сдвигами в лексическом значении третьих и с изменением дискурсивных параметров четвертых. Пополнение языка новыми аббревиатурами объясняется как внешними, так и внутренними факторами. Действие внешних факторов, как правило, можно наблюдать достаточно отчетливо, так как оно соотносится непосредственно с происходящими в жизни общества процессами. Так, появление аббревиатур нередко свидетельствует об актуальности стоящего за ними явления в некоторый промежуток времени. Внешние стимулы стоят за целым рядом внутриязыковых факторов, к которым относятся способы вторичной номинации, экономия (компрессия) единиц плана выражения, специфика антиномий языкового развития «код-тест» и «говорящий-слушающий» и их разрешения, семантические инновации и трансформации, развитие коннотативных лексических значений [Ярмашевич, 2004, с. 8].

²⁰ www.stellenanzeigen.de (Stellenangebote) и jobboerse.arbeitsagentur.de (Jobbörse).

Использование аббревиатур в составе наименований лиц по профессии представляет собой комплексный языковой процесс. Квинтэссенция состоит в том, что на преобразование языка, с одной стороны, оказывает свое влияние использование аббревиатур, а с другой стороны, — собственно языковые факторы языка. Язык формируется как побочный эффект актуальных языковых действий, в которых говорящий проявляет способность к коммуникации и предъявлению своих социокультурных знаний. Считается, что язык становится современной и нагляднее при использовании аббревиатур. Эти факторы предполагают языковую унификацию, при которой новые высказывания партнеров коммуникации на деловом уровне воспринимаются с обеих сторон как инновационные и в то же время понятные им. Поэтому так важно обращать внимание на способность к декодированию разговорных импликаций партнера по коммуникации. В таком случае посредством правильного декодирования сказанного или ассоциативного понимания аббревиатур не возникнет недопонимания у говорящих. Инновационные процессы языкового употребления базируются на общем понимании и одновременно предполагают отсутствие разделения говорящих по социальным группам или географическим областям. На передний план выходят социальные факторы одного и коммуникативные способности другого партнера коммуникации. Это означает, что использование аббревиатур не только субъективно мотивировано, но и инновационная функция проявляется только тогда, когда партнеры по коммуникации убеждены в необходимости нововведения [Khuroshvili, 2015].

Большинство обозначений профессиональной сферы — существительные — легко поддаются образованию сокращений и поэтому являются особенно предпочитаемым источником для образования всевозможных сокращений. Для сокращений характерен высокий уровень приспособляемости к требованиям грамматического строя любого языка. Параметры словоизменения лексических аббревиатур и их дистрибуция в отрезках речи полностью соответствуют аналогичным системам и дистрибуции полных слов [Ярмашевич, 2004, с. 11].

Наиболее выражен в количественном отношении инициальный тип сокращения. Число букв в составе аббревиатуры зависит от числа слов, входящих в состав наименования лица по профессии, и может состоять минимально из одного инициала, максимально из четырех, среднее количество инициалов равняется трем. Наиболее распространенными являются трехкомпонентные инициалы, которые в составе сокращения можно классифицировать по следующим категориям [Khuroshvili, 2015]:

- Согласная-гласная-согласная:

WEG-Verwalter/in, CAD-Fachkraft, BIM-Spezialist/in, WIG-Schweißer/in, CAM-Programmierer/in, POS-Manager/in, SAS-Entwickler/in;

- Гласная-согласная-гласная:

EDI-Spezialist/in;

- Гласная-согласная-согласная:

EDV-Sachbearbeiter/in, EHS-Spezialist/in, ERP-Systembetreuer/in, ERP-Berater/in, ERP Consultant;

- Согласная-согласная-гласная:

HNO-Arzt/Ärztin, TGA-Planer/in;

- Согласная-гласная-гласная:

Technical SEO-Manager/in, SEA-Manager/in;

- Согласная-согласная-согласная:

PHP-Entwickler/in, SPS Softwareentwickler/in, CNC-Dreher/in, CNC-Techniker/in, CMS-Spezialist/in, CMS-Entwickler/in, SPS-Programmierer/in.

Преобладающими способами комбинации являются трехкомпонентные инициалы, представленные сочетаниями согласной-гласной-согласной и согласной-согласной-согласной.

Кроме трехкомпонентных инициалов, в корпусе примеров присутствуют также одно-, двухкомпонентные и четырехкомпонентные образования, например:

- однокомпонентные инициалы:

F-Kundenberater/in, E-Commerce Manager/in, E-Jurist/in;

- двухкомпонентные инициалы:

QA-Manager/in, HR Sachbearbeiter/in, HR-Mitarbeiter/in, IT-System-Elektroniker/in, IT-Qualitätsmanager, OP-Pfleger/in, PR-Manager/in, PR-Assistent, UX-Designer/in, KI-Spezialist/in, UI-Designer/in, QA-Tester/in, HR-Generalist/in, BI-Spezialist/in;

- четырехкомпонентные инициалы:

REFA-Prozessorganisator/in, ABAP-Developer, REFA-Techniker/in.

С точки зрения структуры компонентов, составляющих наименование лица по профессии и содержащих аббревиатуру в своем составе, можно выделить следующие типы:

- аббревиатура, представленная немецкими инициалами + немецкое обозначение профессии:

SAP-Buchhalter/in (SAP — Systeme, Anwendungen und Produkte in der Datenverarbeitung), SAP-Berater/in, SAP-Spezialist/in, SAP-Projektleiter/in, Kfz-Mechatroniker/in (Kfz — Kraftfahrzeug), Kfz-Elektriker/in, WIG-Schweißer/in (WIG — Wolfram-Inertgas);

- аббревиатура, представленная английскими инициалами + немецкое обозначение профессии:

PHP-Anwendungsentwickler/in (PHP — Hypertext Preprocessor (исначально *Personal Home Pages*)), *CAD-Fachkraft* (CAD—Computer-Aided-Design), *CNC-Fräser/in* (CNC—Computer Numerical Control), *ERP-Betreuer/in* (ERP — Enterprise Resource Planning), *SPS-Fachkraft* (SPS — Safety Protection Subsystem), *BIM-Spezialist/in* (BIM — Building Information Modeling), *ABAP-Entwickler/in* (ABAP — Advanced Business Application Programming);

- аббревиатура, представленная английскими инициалами + английское обозначение профессии:

HR-Manager/in (HR — Human resources), *SEO-Manager/in* (SEO — Search Engine Optimization), *QA Engineer* (QA — Quality Assurance), *QA Specialist*, *IT-System Engineer* (IT — Information Technology).

Аббревиатура, представленная первым компонентом в сложносокращенном слове, на письме может оформляться посредством дефиса (*IT-Systemadministrator/in*, *PR-Berater/in*, *CAD-Konstrukteur/in*, *CAM-Spezialist/in*, *CNC-Dreher/in*, *SPS-Programmierer/in*) или без него (*CAD Zeichner/in*, *SAP Consultant*, *СМC Quality Manager/in*, *IT Consultant*) (Абкürzungen). Что касается позиции, то аббревиатура в составе наименования лица по профессии может находиться как до (*Q-HSE Manager/in*, *IT-Forensiker*, *IT-Kundenbetreuer/in*, *CAD-Anwendungsbetreuer/in*), так и после обозначения профессии (*Entwicklungsingenieur/in* *FPGA/ASIC*, *Projektingenieur/in* *PLT*, *PLS*, *Consultant SAP*, *Industriemechaniker/in* *MA*).

Собственно немецкие наименования лиц по профессии, образованные при помощи аббревиации, представляют собой инициальные сокращения и сокращения первого компонента композита [Неупокоева, 2018, с. 34]. Инициальные сокращения получили особое распространение в Германии в сфере медицины:

MTA (*Medizinisch Technische/r Angestellte/r*), *MFA* (*Medizinische/r Fachangestellte/r*), *MTLA* (*Medizinisch-Technische Laboratoriumsassistentz*), *OTA* (*Operationstechnische Assistentz*), *PTA* (*Pharmazeutisch-technische/r Assistent/in*), *ZMP* (*Zahnmedizinische Prophylaxeassistentz*), *ZMV* (*Zahnmedizinische Verwaltungsassistentz*), *ZFA* (*Zahnmedizinische/r Fachangestellte/r*) и другие. Что касается немецких сокращений первого компонента, то они не являются особо частотными в данном корпусе примеров и представлены наименованиями медицинской сферы и технической сферы, связанной с обслуживанием автотранспорта: *OP-Pfleger/in*, *OP-Schwester*, *OP-Pflegefachkraft*, *Kfz-Techniker/in*, *LKW-Fahrer*, *Kfz-Meister/in*.

В последние несколько десятилетий многократно увеличилось число заимствований из английского языка в немецкий, чему способствовал научно-технический прогресс англоговорящих стран: прежде всего

Великобритании и Соединенных Штатов Америки. В английском языке существует целый ряд сокращений, используемых в наименованиях лиц по профессии, которые в процессе заимствования в немецкий язык принимаются либо в состав сложной лексической единицы, либо практически без изменений. Такие заимствования служат для поддержания письменной и устной коммуникации двух стран и считаются языковой инновацией в немецком языке. Следует отметить, что не всеми в Германии такое огромное число заимствований принимается позитивно, все чаще звучат голоса о защите своего родного языка от чрезмерного употребления иностранных слов и сохранения своей национальной идентичности. Однако на современном этапе языка нельзя не считаться с тем количеством заимствованной лексики, которая используется в профессиональной среде. Утверждают, что английские обозначения придают своим денотатам ореол современности и элегантности. Они обладают определенным влиянием, производят эффект на партнеров коммуникации, являются интересными и броскими [Khuroshvili, 2015].

Заимствования аббревиатур в наименованиях лиц по профессии из английского языка встречаются практически во всех сферах профессиональной деятельности, однако наибольшее их количество представлено в областях, связанных с информационными технологиями и менеджментом:

- IT System Engineer, IT Consultant, IT Prozessmanager/in, IT-Supporter, IT Service-Mitarbeiter/in, 3D-Designer/in, .NET Developer, ABAP Developer и др.;
- CRM-Manager/in, CSR-Manager/in, SEM-Manager/in, POS-Manager/in, CMC Quality Manager/in, HR-Manager/in и др.

Расширение сотрудничества между компаниями различных стран является одним из основных факторов в развитии бизнеса. В английских реалиях функционируют инициальные сокращения, используемые в профессиональной среде для обозначения высших управленческих должностей, которые получили распространение в соответствующих областях и в современной Германии. Подобные обозначения описывают руководителей высшего звена, руководящих работников, а также Chief Officers (главные должностные лица, генеральный директор) (Abkürzungen englischer Berufsbezeichnungen).

К морфологическим особенностям аббревиатур данного типа относятся их грамматическое оформление как единиц, относящихся к классу существительных, что позволяет им с легкостью интегрироваться в грамматическую систему немецкого языка. Грамматический род подобных аббревиатур совпадает с грамматическим родом их последнего компо-

нента. В контексте обозначений лиц по профессии данное наименование обозначает деятеля профессиональной деятельности, и в таком случае род грамматический совпадает с биологическим полом обозначаемого лица. Большинство подобных аббревиатур склоняется как обычные существительные и могут употребляться во множественном числе [Фомичева, Белозерцева, Бадминова, 2018].

Некоторые английские сокращения Chief Officers, представленные в немецкой профессиональной среде:

CAO (Chief Administrative Officer) — Administrative Leitung;

CAO (Chief Analytics Officer) — Verantwortlicher für Datenanalyse;

CAO (Chief Academic Officer) — Leiter in Bildungseinrichtungen;

CBDO (Chief Business Development Officer) — Verantwortlicher für die Geschäftsweiterentwicklung;

CBO (Chief Branding Officer) — Geschäftsführer Marketing;

CBO (Chief Business Officer) — Verantwortlicher für Administration, Finanzen und Geschäften in Bildungseinrichtungen;

CCO (Chief Communications Officer) — Leiter Kommunikation und Public Relations;

CCO (Chief Compliance Officer) — Verantwortlicher für Einhaltung von Regeln und Gesetzen;

CCO (Chief Content Officer) — Verantwortlicher für Entwicklung und Autorisation von Medieninhalten;

CCO (Chief Creative Officer) — Kreativchef im Marketing;

CCO (Chief Credit Officer) — Verantwortlicher für Kreditrisiko;

CCO (Chief Customer Officer) — Leiter aller Kundenangelegenheiten; Vertriebsvorstand;

CDO (Chief Data Officer) — Verantwortlicher für Datenverarbeitung und Datengewinnung;

CEO (Chief Executive Officer) — Geschäftsführer;

CFO (Chief Financial Officer) — Finanzvorstand;

CINO (Chief Innovation Officer) — Verantwortlicher für Innovation;

CISO (Chief Information Security Officer) — Leiter IT-Sicherheit;

CLO (Chief Law Officer) — Leiter der Rechtsabteilung и многие другие (Abkürzungen englischer Berufsbezeichnungen).

Наряду с вышеперечисленными Chief Officers, существуют и другие распространенные сокращения обозначений руководящих должностей:

CEM (Chief Executive Manager) — Geschäftsführer einer GmbH;

DBA (Database Administrator) — Datenbankadministrator;

Dir или D (Director) — Hoher Leiter eines Bereiches;

GC (General Council) — Leiter der Rechtsabteilung;

GM (General Manager) — Verantwortlicher für alle Bereiche и др.

При обозначении президента компании и вице-президентов также принято использовать английские наименования, следовательно, и их сокращения, зачастую не имеющие немецких аналогов:

SEVP (Senior Executive Vice President), EVP (Executive Vice President), GVP Group Vice President), CVP (Corporate Vice President), VP (Vice President), Pres или P (President).

Подобные заимствованные инициальные аббревиатуры получили широкое распространение в практически всех сферах профессиональной деятельности Германии, что вызывает необходимость знать названия этих должностей на английском, для успешного обращения к тому или иному лицу в организации.

Таким образом можно сделать выводы, что язык для профессиональных целей дает необходимый импульс для образования аббревиатур, понятных всем участникам деловой коммуникации. Свободное владение техникой построения и декодирования аббревиатур становится в современном обществе необходимым условием создания ситуации коммуникативного успеха и эффективной, соответствующей ситуации стратегии коммуникации, а также способствует предотвращению недопонимания в сфере международных контактов. Наиболее продуктивными в профессиональной сфере являются инициальные сокращения и сокращения первого компонента композита как немецких, так и заимствованных из английского языка и используемых в немецких реалиях. Употребление огромного количества заимствованных английских аббревиатур является современной реальностью функционирования языка любой страны мира, в том числе и в Германии. И это необратимый процесс.

Библиографический список

Инжечик А. А. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в немецкой политической терминологии // Филологические науки. Тамбов, 2017. № 5 (71): в 3 ч. Ч. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-kak-produktivnyy-sposob-slovoobrazovaniya-v-nemetskoypoliticheskoy-terminologii>

Куткина А. Ю. Аббревиация русской и немецкой политической терминологии как проблема перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Неупокоева А. В. Гендерный подход к наименованию лиц в немецком языке. Хабаровск, 2018.

Полетаева Е. Д. Аббревиация и сокращение: unus et idem? // Молодой ученый. 2016. № 4 (108). URL: <https://moluch.ru/archive/108/26098/>

Фомичева М. П., Белозерцева Н. В., Бадминова В. А. Функциональные особенности аббревиации современного немецкого языка // Филологический аспект. 2018. № 2 (34). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/funktionalnye-osobennosti-abbreviatsii-sovremennogo-nemetskogo-yazyka.html>

Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.

Khuroshvili N. Untersuchung englischer Kurzwörter und Abkürzungen (EKA) im Deutschen und Georgischen. Eine kontrastive Studie der deutschen und georgischen Sprache. Inauguraldissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität. München. 2015. URL: https://edoc.ub.uni-muenchen.de/19862/1/Khuroshvili_Nana.pdf

Список источников

Abkürzungen. URL: https://experience.sap.com/files/guidelines/References/abbrev_de.htm

Abkürzungen englischer Berufsbezeichnungen / Titel. (Typische Kürzel für Berufs- und Positionsbezeichnungen in der Firma im Englischen). URL: <https://www.cafe-lingua.de/business-english/abkuerzungen-geschaefstitel.php#erklaerung-weitere>

Jobbörse: die innovative Seite für deine Stellensuche. URL: <https://jobboerse.arbeitsagentur.de/prod/vamJB/stellenangeboteFinden.html>

Stellenangebote. URL: <https://www.stellenanzeigen.de/stellenangebote/>

References

Inzhechik A. A. *Abbreviaciya kak produktivnyj sposob slovoobrazovaniya v nemeckoj politicheskoj terminologii*. [Abbreviation as a productive way of word formation in German political terminology]. In: *Filologicheskie nauki*. [Philological sciences]. Tambov. 2017. No. 5 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-kak-produktivnyy-sposob-slovoobrazovaniya-v-nemetskoj-politicheskoj-terminologii>

Kutkina A. YU. *Abbreviaciya russkoj i nemeckoj politicheskoj terminologii kak problema perevoda*. [Abbreviation of Russian and German political terminology as a problem of translation]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2011.

Neupokoeva A. V. *Gendernyj podhod k naimenovaniyu lic v nemeckom yazyke*. [Gender approach to the naming of persons in German]. Khabarovsk, 2018.

Poletaeva E. D. *Abbreviaciya i sokrashchenie: unus et idem?* [Abbreviation and abbreviation: unus et idem?]. In: *Molodoj uchenyj*. [Young scientist]. 2016. No. 4 (108). URL: <https://moluch.ru/archive/108/26098/>

Fomicheva M. P., Belozerceva N. V., Badminova V. A. *Funkcional'nye osobennosti abbreviacii sovremennogo nemeckogo yazyka* [Functional features of the abbreviation of the modern German language]. In: *Filologicheskij aspekt*. [Philological aspect]. 2018. No. 2 (34). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/funktsionalnye-osobennosti-abbreviatsii-sovremennogo-nemetskogo-yazyka.html>

Yarmashevich M. A. *Abbreviaciya v sovremennyh evropejskih yazykah: strukturnyj, semanticheskij i funkcional'nyj aspekt*. [Abbreviation in modern European languages: structural, semantic and functional aspects]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Saratov, 2004.

Khuroshvili N. *Untersuchung englischer Kurzwörter und Abkürzungen (EKA) im Deutschen und Georgischen. Eine kontrastive Studie der deutschen und georgischen Sprache. Inauguraldissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität*. [Analysis of English short words and abbreviations (EKA) in German and Georgian. A contrastive study of the German and Georgian languages. Inaugural dissertation to obtain the doctoral degree in philosophy at the Ludwig-Maximilians-University.]. München. 2015. URL: https://edoc.ub.uni-muenchen.de/19862/1/Khuroshvili_Nana.pdf

List of sources

Abkürzungen. [Abbreviations]. URL: https://experience.sap.com/files/guidelines/References/abbrev_de.htm

Abkürzungen englischer Berufsbezeichnungen. Titel. (Typische Kürzel für Berufs- und Positionsbezeichnungen in der Firma im Englischen). [Abbreviations of English job titles / titles. (Typical abbreviations for job and position titles in the company in English)]. URL: <https://www.cafe-lingua.de/business-english/abkuerzungen-geschaefstitel.php#erklarung-weitere>

Jobbörse: die innovative Seite für deine Stellensuche. [Job exchange: the innovative site for your job search]. URL: <https://jobboerse.arbeitsagentur.de/prod/vamJB/stellenangeboteFinden.html>

Stellenangebote. [Job offers]. URL: <https://www.stellenanzeigen.de/stellenangebote/>

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И КАТЕГОРИИ ВИДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН)

И. А. Широких

Ключевые слова: категория вида, категория времени, синтагматическое значение, текст песен, эмоциональная составляющая.

Keywords: the category of Tense, the category of Aspect, syntagmatic meaning, lyrics, emotional constituent.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–08

В определенном смысле тексты любых песен принадлежат миру. Нити нарратива, удерживаемые категориями грамматики и фигурами речи, для каждого, кто читает или слышит текст той или иной песни, превращаются, переплетаясь, в уникальности чувственного восприятия. Грамматика песен — это не утратившая всякое значение совокупность механических решений, но живая искренностью вселенная эмоций их авторов. Чтобы они ни чувствовали, задумываясь тогда над словами, какие бы эмоции ни захватывали, все эти элементы восприятия коснутся картины грамматического плана. Выбор части речи или грамматической конструкции в определенной строчке — не случайная догадка и не проявление безразличия, а уязвимое и единственное в своей открытости отражение личности.

Актуальность настоящей работы предопределяется тем, что она представляет собой исследование лингвистических элементов, в частности, грамматических категорий времени и вида на материале англоязычных песен в контексте авторского эмоционального восприятия. Текст песни как отражение субъективной и эмоционально обусловленной перспективы автора является объектом исследования. Соотнесенность авторского выбора тех или иных грамматических элементов категорий вида и времени в пределах англоязычного песенного текста с личными представлениями и переживаниями рассматривается как предмет исследования. Лингвистический анализ проводится на основе текстов музыкального альбома «*I like it when you sleep, for you are so beautiful yet so unaware of it*» — второго лонгплея Манчестерской группы «*The 1975*», что представляет собой материал исследования. Представленная авторская пер-

спектива принадлежит Мэтти Хили, вокалисту «*The 1975*», который написал тексты, выбранные в процессе исследования²¹.

Цель настоящей работы — с учетом исследований зарубежных лингвистов представить теоретические положения о грамматической категории вида и категории времени и обозначить их эмоциональный потенциал как вариант реализации синтагматических значений данных категорий. Как известно, парадигматическое значение любой грамматической категории сопровождается наличием синтагматических значений, которые, в свою очередь, передают некие оттеночные значения, что выходит на первый план при анализе текстов песен. В рамках теоретической базы представлены аспекты теорий, описанные в области теоретической грамматики, психолингвистики, когнитивной лингвистики в работах следующих исследователей: Уте Рёмера, Джона Голдсмита, Эриха Войцетшлегера, Юджина Чарниака, Кристофера Уильямса [Ute Römer, 1996; Charniak, 2019; Goldsmith, Woisetschlaeger, 2018; Williams, 1992] и других ученых.

Исследование проводилось на основе метода теоретического анализа, открывающего ключевые теоретические положения, которые посвящены рассмотрению англоязычного текста; описательно-аналитического метода, позволяющего представить описание и анализ элементов текста определенных англоязычных песен, прежде всего на уровне грамматики, по отношению к авторскому видению, эмоционально обусловленной перспективе; индуктивного метода, предполагающего обобщение примеров, которые отмечают связь лингвистических решений и авторского восприятия, и переход к выявлению значащих закономерностей.

Лингвистическое представление времени и пространства в любом высказывании не является бесспорно объективным — оно связано с субъективной перспективой. Утверждение О.А. Кибы о том, что в настоящее время «происходит уточнение тех или иных конструкций в структуре дискурса, становятся возможными более тонкие нюансировки смыслов и их расщепление на более четкие элементы», кажется закономерным [Коба, 2019, с. 61]. Даже для одной и той же ситуации существует не единое, универсальное обозначение прошедшего, настоящего и будущего времени, но множественные субъективные переживания (которые нередко обусловлены эмоциональным состоянием) [Geoffard, Luchini, 2010]. Использование категории времени подразумевает, что воспринимающий связывает ситуацию, которая представлена в создаваемом им

---

²¹ Тексты песен собраны в одном издании «*The Sound Lyrics*», что находит отражение в самой статье при указании отдельно взятой песни (*The Sound Lyrics. The 1975*. Genius. Genius Media Group Inc). URL: <https://genius.com/The-1975-the-sound-lyrics>.

предложении, с измерительной ситуацией. Время, таким образом, описывается как дейктическая и фоновая категория. Измерительная ситуация — дейктический центр, расположение перспективы, фон. Категорию времени принято рассматривать как обозначающую темпоральные отношения, связанные с прошлым, настоящим и будущим. Впрочем, существуют теории, по-разному анализирующие эту категорию.

Анализ данной категории как морфосинтаксической системы, основанной на концепте времени и состоящей из девяти времен, был представлен Хансом Райхенбахом. Каждое время в предложенной им системе отражает «темпоральную связь времени (воспринимаемой и описываемой) ситуации с точкой отсчета и темпоральную связь точки отсчета со временем речи. Обе связи могут заключать в себе одновременность и предшествование» [Geeraerts, 2007, p. 803–829]. Время речи отсылает к моменту создания речи; точка отсчета — промежуток времени, к которому отсылает речь (отмечается, что термин «точка отсчета» достаточно противоречив), время ситуации — промежуток, в рамках которого разворачивается переданная в речи ситуация [Phoa, 2017].

Итак, девять времен, которые принадлежат этой системе: предшествующее прошедшее /had + v3/ed/ — время ситуации предшествует точке отсчета, точка отсчета предшествует времени речи *My ears had never heard that (The Maine)*²², предшествующее настоящее /have/has + v3/ed/ — время ситуации предшествует точке отсчета; одновременность точки отсчета и времени речи *Too late, I've said too much (Eat Your Heart Out)*; предшествующее будущее /will have +v3/ed/ — время ситуации предшествует точке отсчета, время речи предшествует точке отсчета: *I'll know that though some feelings are hurt, none will have died (Hotel Books)*; простое прошедшее /v2/ed/ — одновременность времени ситуации и точки отсчета; точка отсчета предшествует времени речи: *It was summer when you told me that you loved me by the oak creek (The Maine)*; простое настоящее /v(s) / — одновременность времени ситуации и точки отсчета; одновременность точки отсчета и времени речи: *I meet you at the darkest time (Years & Years)*; простое будущее /will + inf/ — одновременность времени ситуации и точки отсчета; время речи предшествует точке отсчета: *I'll find my feet some solid ground (Eat Your Heart Out)*; последующее прошедшее /would + inf/ — точка отсчета предшествует времени ситуации и времени речи: *Why would we divide when we could come together? (Bastille)*; последующее настоящее /will + inf/ — точка отсчета

²² Здесь и далее в круглых скобках указано название песни из анализируемого издания: The Sound Lyrics. The 1975. Genius. Genius Media Group Inc. URL: <https://genius.com/The-1975-the-sound-lyrics>. URL: <https://genius.com/The-1975-the-sound-lyrics>

предшествует времени ситуации; одновременность точки отсчета и времени речи: *And I'll be with you or without* (Years & Years); последующее будущее /*will be going to + inf/* — точка отсчета предшествует времени ситуации, время речи предшествует точке отсчета. Не описанное Райхенбахом время *Conditional Perfect/Past Future Perfect/would + have + v3/ed/* — *And I would've loved you with the dying fire* (Julien Baker) можно объяснить следующим образом: время ситуации предшествует первой точке отсчета (отраженной в компоненте *have*), первая точка отсчета предшествует второй (отраженной в компоненте *would*), вторая точка отсчета предшествует времени речи [Geeraerts, 2007, p. 803–829].

В соответствии с теорией Mary P. Harper (Мэри Харпер) и Eugene Charniak (Юджина Чарниака) (цит. по: [Charniak, 2019]), анализ категории времени (и категории вида) должен основываться на классификации ситуаций. Все ситуации могут быть лингвистически охарактеризованы согласно следующим линиям: ситуация линии речи (время речи); ситуация основной линии (время воспринимаемой ситуации, которая описывается в речи); ситуация *perfect* линии; ситуация линии длительного вида. Первые два типа ситуаций связаны с любым высказыванием; в высказываниях, где используются *perfect* и длительный вид, присутствуют также другие два типа. С учетом системы Райхенбаха точку отсчета можно сопоставить либо с ситуацией *perfect* линии, либо с ситуацией линии длительного вида. Более того, точка отсчета может быть представлена в двух элементах: сочетание *perfect* и длительного вида в высказывании: *Have you been skipping meals?* (Bring Me The Horizon) или не представлена, отсутствие в высказывании *perfect* и длительного вида: *Mirrors start to whisper, shadows start to sing* (Bring Me The Horizon).

Представляется возможным утверждать, что, предпочитая настоящее время прошедшему, воспринимающий (в нашем случае автор песен) представляет собственные эмоции как более сильные, значимые, хаотичные и многогранные, переносит их в центр внимания, нередко подразумевает их иррациональность; выбор же прошедшего времени показывает, что при создании высказывания воспринимающий стремится представить свои чувства и эмоции более объективно, отстраниться от них, выставить определенные границы. Желание сосредоточиться на позитивном эмоциональном состоянии или почувствовать себя лучше, психологически восстановиться после негативного эмоционального опыта, как правило, сопровождается выбором настоящего времени для высказывания [Adams, 2012]. Выбирая настоящее время, воспринимающий проецирует на описываемую ситуацию динамичность, приближенность и прямоту, делает ее более реальной, тем самым усиливая собственную

субъективную перспективу. Настоящее время — прямая дорога к сознанию того, кто создал высказывание [Van Krieken, 2018].

Выстраивая будущее время в высказывании с помощью *gonna*, воспринимающий «приближает» описываемую ситуацию: *Are you gonna take care of what I've been givin'?* (Elisa), подчеркивает ее значимость (значимость вовлеченных в нее сущностей) на момент времени речи и подразумевает уверенность (которая, возможно, основана на вмешательстве): *I'm gonna need a little more from you; Before you find a place to be, you're gonna lose the plot* (Bring Me The Horizon); *You're gonna run, it's alright, everybody does* (Julien Baker); *we're gonna need some real estate* (Bring Me The Horizon). Будущее время, выстроенное с помощью *will*, отражает субъективное восприятие в меньшей степени и может быть отнесено к предсказанию: *The Asbury lighthouse is where I'll let go* (Grayscale); *We'll cope somehow* (Enter Shikari); *Guess I'll see you in the morning* (The Amity Affliction) [Dancygier, Sweetser, 2005].

Времена всегда анализируются с опорой на точку отсчета, обозначенную предыдущим контекстом; но если описываемые события следуют за точкой отсчета, в восприятии подчеркивается последовательность: *One minute, you say we're a team, then you're telling me you can't breathe* (Years & Years), то состояния включают ее, в восприятии подчеркивается фон *I know a place where it's always so perfect and blue* (Years & Years). «Те или иные глаголы могут показывать различные временные круги, тем самым вынося на первый план или рисуя в качестве фона определенные характеристики — иными словами, они создают различные профили, связанные с категорией вида» [Geeraerts, 2007, p. 48–82]. Грамматические конструкции способны передавать временной интерпретации ситуации конкретные профили.

Категория вида передает то, как воспринимающий выстраивает в сознании внутреннюю временную структуру ситуации — она интерпретируется как ограниченная или неограниченная. Как предполагается, для того чтобы определить законченность или незаконченность ситуации, необходимо использовать некоторую измерительную ситуацию — как и в случае рассмотрения категории времени. Однако данная ситуация необязательно представляет собой промежуток речи, во время которого осуществляется устное или письменное высказывание. Например, воспринимаемая ситуация может представлять собой процесс, относящийся к временному промежутку, который предшествует промежутку речи, совпадает с промежутком речи, находится в будущем относительно промежутка речи. Таким образом, «категория вида не считается действительной и, в наиболее общем плане, может анализироваться

независимо от категории времени (и вид, и время накладывают определенные профили на воспринимаемую ситуацию, но на разных уровнях; как бы то ни было, эти категории взаимодействуют)» [Geeraerts, 2007, p. 803–829].

Категорию вида можно описать как отражение темпоральной перспективы, которую воспринимающий формирует по отношению к ситуации. Согласно Бернарду Комри (цит. по: [Phoa, 2017]), можно выделить два вида: *perfective* (внешняя перспектива) и *imperfective* (внутренняя перспектива, фазовое представление ситуации (воспринимаемая ситуация — в незаконченной фазе)). В *perfective* точка отсчета включает в себя время ситуации (завершение ситуации должно наступить к точке отсчета), в *imperfective* — время ситуации включает в себя точку отсчета (завершение ситуации к точке отсчета не обязательно предполагается). В английском языке *imperfective* соответствует (хотя и не полностью) так называемый длительный, отсюда — противопоставление *perfective* — длительный вид (однако в работах некоторых авторов сохраняется обобщенное противопоставление *perfective* — *imperfective*) [Phoa, 2017]. *Imperfective* не различает начальный или конечный этап ситуации, а *perfective*, представляя ситуацию как единое целое, не различает какие-либо этапы в ее временной структуре.

Согласно *Christopher Williams* (цит. по: [Geeraerts, 2007]), в рамках категории вида в английском языке можно составить противопоставление: простой вид — длительный вид, причем разница между ними заключается в так называемой подверженности изменениям. «Если воспринимающий считает, что ситуация может подвергнуться каким-либо изменениям, он выбирает длительный вид, если считает, что не может, то выбирает простой вид, который также может направлять восприятие ситуации в план прошлого» [Geeraerts, 2007, p. 803–829]. Более того, использование простого вида может означать не то, что ситуация воспринимается как более постоянная, а то, что подчеркивание подверженности изменениям не является значимым для воспринимающего при создании устного или письменного высказывания; даже временная ситуация (где временность подчеркнута, к примеру, наречием *now*) может быть представлена с помощью простого вида — если в субъективном восприятии временность не связана с подверженностью изменениям *now it haunts you what might have been* (Years & Years). Иными словами, определяющим всегда является именно субъективное восприятие.

John A. Goldsmith и *Erich Woisetschlaeger* [Goldsmith, Woisetschlaeger, 2018] полагают, что любое употребление длительного вида объясняется суждением воспринимающего (который в дальнейшем выстраивает

высказывание в устном или письменном виде) о непосредственно воспринимаемых органами чувств характеристиках ситуации. Выбирая длительный вид для высказывания, воспринимающий описывает ситуацию на основании того, что видит (свидетельство); выбирая простой вид для высказывания, воспринимающий описывает ситуацию на основании не простого наблюдения, но знания. В случае, если в ситуации действует незнакомая сущность, знаниями о которой воспринимающий не обладает, он в любом случае может использовать простой вид, выстраивая суждение на основании предполагаемого знания (предположения, выходящего за пределы свидетельства).

Если воспринимающий выбирает длительный вид для описания ситуации, в которой что-либо противоречит его знаниям (например, поведение сущности противоречит его знаниям об этой сущности), то длительный вид отражает ложь, притворство, лицемерие — или, возможно, настоящие, искренние, но, как бы то ни было, крайне резкие изменения. Длительный вид описывает ситуацию как таковую, а простой — передает утверждение, основанное на чем-то большем, чем непосредственное наблюдение характера ситуации. Простой вид отражает структурные черты ситуации — относящиеся к структуре мира, в то время как длительный вид передает черты ситуации, воспринимаемые органами чувств — относящиеся к восприятию, к личным наблюдениям. Согласно теории *Goldsmith and Woisetschlaeger* (цит. по: [Moilanen, 2012]), ни одна перспектива не считается отклонением от грамматической нормы; ни в одном случае выбор простого или длительного вида не считается неграмматическим. Используя длительный вид, воспринимающий лишь передает свои наблюдения; используя простой вид, воспринимающий отмечает то, какова ситуация в соответствии с определенным знанием, или то, какой она должна быть. Использование простого вида передает большую уверенность: утверждение, в основе которого лежит знание, а не обычное наблюдение, является более определенным и однозначным [Moilanen, 2012].

В теории *Ute Römer* [Ute Römer, 1996] длительный вид описывается на основании двух характеристик — длительности (непрерывное развитие в течение конкретного промежутка времени) и повторяемости (ситуация происходит чаще одного раза). Таким образом, длительный вид может использоваться для передачи следующих типов ситуации: длящейся и повторяющейся, длящейся и не характеризующейся повторяемостью, повторяющейся и не характеризующейся длительностью, не характеризующейся ни длительностью, ни повторяемостью [Moilanen, 2012]. Среди других значений длительного вида в этой тео-

рии — обобщение (наиболее характерно с глаголом *want*: *When we feel we're neither nor/ We are not wanting to go back again and not wanting to go forth* (Tyler Joseph); в таких высказываниях нередко встречается наречие *always*, вежливость или желание смягчить описание воспринимаемой ситуации, наиболее характерно с глаголами *forget* и *want*: *And I'm forgetting everything you said* (Saosin); в таких высказываниях нередко встречаются наречия *just, whether, if, actually* — эмоционально обусловленное отношение, в таких высказываниях нередко встречается наречие *always*: *You are always, you are always leading us astray* (Bastille), удивление или недоверие *Is it me that's going under?* (Years & Years), постепенное изменение и развитие *I'm waking spirits tonight* (Years & Years); в данных высказываниях также нередко встречаются наречия *just* и *now*, старые и новые привычки: *I don't care if we're going «round in circles* (Bastille), оформление нарративной структуры, в таких высказываниях нередко встречаются наречия *when* и *while*: *While you were sleeping crossing away* (Bring Me The Horizon).

Выбор длительного вида предполагает, что ситуация воспринимается как процесс, как нечто незавершенное или временное. Все эти значения непосредственно связаны с категорией вида, так как они отражают перспективу воспринимающего — то, как он видит внутреннюю структуру ситуации. Наряду с данными значениями длительный вид может отражать отсылку к будущему, эмоциональную вовлеченность. Отмечается, что для того чтобы представить ситуацию в процессе, необходимо наличие временного промежутка, но в зависимости от субъективного восприятия даже ситуация, которая традиционно ассоциируется лишь с каким-то кратким моментом, точкой во времени, может быть передана лингвистически с помощью длительного вида — воспринимающий может проецировать на нее длительный промежуток времени: *I'm hearing a voice and it's saying out loud* (The Cast of King Falls AM).

Несколько значений длительного вида могут быть представлены в одном предложении, особенно распространено сочетание «незавершенность и преходящесть» *lately, life's been tearing you apart* (Years & Years). Таким образом, выбирая длительный вид в создаваемом тексте, автор текста песен может описывать ситуацию как незавершенную, в процессе, подчеркивать ее преходящесть, обращать внимание на ее продолжительность во времени, передавать активную роль агенса, контролирующего ситуацию. В рамках значения отсылки к будущему могут выделяться желание, стремление, намерение, готовность сделать что-либо: *And I'm trying, dear, I'm trying, but you knock me down* (Years & Years). Значение эмоциональной вовлеченности может передавать различные эмоции и чувства воспринимающего по отношению к чему-либо или кому-ли-

бо: *I'm just staying steady whilst you're in disguise* (Years & Years). Более того, различают такие значения длительного вида, как описание ситуаций, ограниченных правилами, обусловленных обязанностями: *Ooh, are you thinking what your father would say if he saw us?* (Years & Years), и привлечение внимания, подчеркивание значимости: *Let's not pretend like we're solving the problem* (Years & Years).

Употребление глаголов эмоционального состояния в длительном виде может отражать постепенное изменение в силе эмоции/чувства: *I think I'm falling, I'm falling for you* (The 1975), придавать эмоции динамичный характер: *I'm feeling drained, I'm feeling distant* (Eat Your Heart Out) или особенным образом подчеркивать ее: *I've been missing you so bad and you don't seem to care* (Sleeping With Sirens). В пределах мыслительной деятельности можно представить различные постепенные, длящиеся в течение определенного промежутка времени мыслительные процессы — поэтому глаголы, используемые для обозначения таких процессов (*understand, remember, etc.*), могут употребляться в длительном виде: *Am I not understanding this now?* (We Came As Romans); *Am I remembering, still remembering or forgetting?* (As It Is). Выбор длительного вида может быть обусловлен стремлением наиболее естественно передать эмоциональное состояние, а также размышления, психологические особенности человека, отличного от воспринимающего: *When you're holding on for someone to leave with* (Bastille) [Vera, 2014]. Предпочтение длительного вида отмечает значимость всех элементов и этапов ситуации (связанных с ней сущностей, средств, инструментов, предметов, мест) в субъективном эмоциональном восприятии: *We're standin' hand in hand, losing our cursed minds, our backs against the wall* (The Maine). Использование длительного вида, передающего ситуации в процессе, оказывает более сильное эмоциональное воздействие — в случае описания как негативных, так и позитивных переживаний — чем использование простого вида.

В рамках англоязычного текста — песенного в том числе — получают выражение различные категории и элементы. Все они, как бы то ни было, в определенной степени обусловлены субъективной авторской перспективой. В работе были рассмотрены англоязычные песни альбома «*I like it when you sleep, for you are so beautiful yet so unaware of it*» британской группы «*The 1975*» с точки зрения обусловленности их лингвистического аспекта авторским видением, эмоционально сплетенным восприятием. Выбор автором какого-либо времени или вида, то есть выбор тех или иных грамматических форм, не случаен. Они выстраивают текст песни в соответствии с уникальным авторским восприятием, заключают в себе моменты эмоционального состояния. Таким образом, в тек-

стах любых песен, англоязычных в том числе, уровень грамматики становится выражением признаваемой человеческой хрупкости, близости и глубины авторской перспективы.

Библиографический список

Киба О.А. Парадигматика и синтагматика инженерного дискурса: лингводидактический подход // Филология и человек. 2019. № 1.

Adams K.E. Linguistic Markers of Emotional Elaboration in the Past and the Present in Online Blogs. Michigan: University of Michigan, 2012.

Charniak E. Introduction to Deep Learning. Cambridge, 2019.

Dancygier B., Sweetser E. Mental Spaces in Grammar. Conditional Constructions. N. Y.: Cambridge University Press, 2005.

Geeraerts D. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / edited by D. Geeraerts, H. Cuyckens. N. Y.: Oxford University Press, 2007.

Goldsmith A.J., Woisetschlaeger E. The Logic of the Progressive Aspect. Chicago, 2018.

Madden-Lombardi C., Dominey P.F., Ventre-Dominey J. Grammatical verb aspect and event roles in sentence processing // PLoS ONE. 12 (12). 2017.

Moilanen A. *I'm loving it*. The progressive with verbs of emotion and cognition. Tampere: University of Tampere, 2012.

Phoa L.A. Grammatical framing: does grammatical aspect influence emotions? Utrecht: Utrecht University, 2017.

Krieken van K. Ambiguous Perspective in Narrative Discourse: Effects of Viewpoint Markers and Verb Tense on Readers' Interpretation of Represented Perceptions // Discourse Processes. 2018.

Ute Römer. Aspekte des Neuen Musiktheaters und Strategien seiner Vermittlung. Wissner, Augsburg, 1996.

Vera J.D. Does Verb Use Affects Mood and Happiness? Florida: Florida State University, 2014.

Williams Ch. Being, Identity, and Truth. Oxford, 1992.

Источники

The Sound Lyrics. The 1975. Genius. Genius Media Group Inc. URL: <https://genius.com/The-1975-the-sound-lyrics>.

References

Kiba O.A. *Paradigmatika i sintagmatika inzhenernogo diskursa: lingvodidakticheskij podxod*. [Paradigmatics and syntagmatics of engineering discourse: a linguodidactic approach]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2019. No.1.

Adams K. E. Linguistic Markers of Emotional Elaboration in the Past and the Present in Online Blogs. Michigan: University of Michigan, 2012.

Charniak E. Introduction to Deep Learning. Cambridge, 2019.

Dancygier B., Sweetser E. Mental Spaces in Grammar. Conditional Constructions. N. Y.: Cambridge University Press, 2005.

Geeraerts D. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / edited by D. Geeraerts, H. Cuyckens. N. Y.: Oxford University Press, 2007.

Goldsmith A. J., Woisetschlaeger E. The Logic of the Progressive Aspect. Chicago, 2018.

Madden-Lombardi C., Dominey P. F., Ventre-Dominey J. Grammatical verb aspect and event roles in sentence processing // PLoS ONE. 12 (12). 2017.

Moilanen A. *I'm loving it*. The progressive with verbs of emotion and cognition. Tampere: University of Tampere. 2012.

Phoa L. A. Grammatical framing: does grammatical aspect influence emotions? Utrecht: Utrecht University, 2017.

Krieken van K. Ambiguous Perspective in Narrative Discourse: Effects of Viewpoint Markers and Verb Tense on Readers' Interpretation of Represented Perceptions // Discourse Processes. 2018.

Ute Römer. Aspekte des Neuen Musiktheaters und Strategien seiner Vermittlung. Wissner, Augsburg, 1996.

Vera J. D. Does Verb Use Affects Mood and Happiness? Florida: Florida State University, 2014.

Williams Ch. Being, Identity, and Truth. Oxford, 1992.

Sources

The Sound Lyrics. The 1975 Genius. Genius Media Group Inc. URL: <https://genius.com/The-1975-the-sound-lyrics>

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИТАЛЬЯНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О. Н. Григорьева, Ни Цзиншэн

Ключевые слова: заимствования, итальянизмы, гастрономическая лексика, этимология, художественный текст, лексико-семантическая группа.

Keywords: borrowings, Italianisms, gastronomic vocabulary, etymology, literary text, lexical-semantic group.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–09

З аимствования итальянского происхождения стали входить в русский язык приблизительно в конце XV в. Количество итальянизмов в начале этого процесса было незначительно, затем их становилось все больше. В настоящее время в русском языке насчитывается порядка 700 итальянизмов. Наиболее плодотворным в этом отношении был XVIII в. — эпоха Петра I. Заимствованные слова относились преимущественно к музыкальной терминологии, банковской сфере, искусству и области быта. На протяжении XX в. и в начале XXI в. расширялись контакты между двумя странами, возрастала популярность итальянской кухни, и в язык хлынули слова, называющие еду и напитки. Огромный приток итальянизмов в гастрономической сфере, вероятно, объясняется любовью русского народа к вкусу и красоте итальянских деликатесов, к очарованию Средиземноморья. Можно найти интересные факты о страсти русских писателей к итальянской кухне. А. С. Пушкин в стихотворении «Из письма Соболевскому» посоветовал своему другу блюдо из меню итальянского ресторана: *У Гальяни иль Кольони закажи себе в Твери с пармезаном макарони, да яишницу свари* (А. С. Пушкин, 1826)²³. С. Т. Аксаков вспомнил эпизод из жизни своего друга Н. В. Гоголя, судьба которого была связана с Италией: *Третьего числа, часа за два до обеда, вдруг прибегает к нам Гоголь (меня не было дома), вытаскивает из карманов макароны, сыр-пармезан и даже сливочное масло и просит, чтоб призвали повара и растолковали ему, как сварить макароны* (Аксаков, 1852).

²³ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

Целью данной статьи является описание гастрономических итальянизмов с точки зрения этимологии, семантики, а также стилистики, благодаря чему можно выявить особенности вхождения заимствованных слов из области гастрономии в русский язык на разных этапах его развития. Теоретико-методологической базой исследования послужили на работы М. Г. Блау, Т. А. Бобровой, Л. И. Здановича, Е. А. Костюкович, Л. П. Крысина, В. В. Похлёбкина, Н. М. Шанского и других ученых.

Наше исследование проводится в рамках социолингвистического, лингвокультурологического и функционально-стилистического направлений, то есть заимствование рассматривается не только как лингвистический, но и как экстралингвистический продукт языкового взаимодействия, изучаются функции, которые оно выполняет в художественных и рекламных текстах. Источниками, послужившими основной эмпирического материала, главным образом являются толковые словари и кулинарные справочники, в том числе «Толковый словарь иностранных слов» Л. П. Крысина и «Кулинарный словарь» В. В. Похлёбкина. Одним из важных источников выступает меню российских ресторанов с итальянской кухней, где часто встречается гастрономическая лексика итальянского происхождения.

При выяснении причин появления гастрономических итальянизмов в русском языке можно опираться на работу Л. П. Крысина, который указывает на общие причины заимствования иноязычных слов [Крысин, 2004, с. 190–196]:

1. Необходимость наименования новых предметов, новых понятий и т. п. Сюда можно отнести большинство гастрономических итальянизмов, обозначающих раньше незнакомые русским продукты или блюда, такие как *лазанья*, *пицца*, *тирамису* и др.

2. Стремление к различению близких по содержанию, но различных понятий. В нашем случае *сыр* — исконное русское слово, *моцарелла*, *пармезан* — заимствования из итальянского языка, обозначающие разные виды сыров родом из Италии.

3. Социально-психологические факторы. Иноязычные слова иногда воспринимаются носителями языка-рецептора как более престижные, авторитетные и красиво звучащие, чем исконные. Это часто проявляется при употреблении заимствований в коммерческой области. Например, существует сыроваренный завод под названием *Российский пармезан*, где заимствование *пармезан* указывает на собственный русский продукт вместо итальянского, причём намеренно вызывает у покупателей ассоциацию не просто с сыром, но с сыром вкусным, качественным. Эта тенденция усилилась в связи с введенными санкциями, когда рос-

сийские производители начали активно создавать продукты по итальянским рецептам.

Гастрономические символы Италии — макаронны и пицца — сегодня являются обычными блюдами на столе россиян. Но время появления соответствующих слов в русском языке различно. Русское слово *макаронны* происходит от итальянского *maccheroni*. Существуют разные версии появления продукта и его названия. Одна из них гласит о том, что в XVI в. недалеко от Неаполя находилась таверна, где предлагалась разновидная лапша. Однажды владелец этой таверны заметил, что его дочь, играя, делала длинные тонкие трубочки из теста, затем развешивала их на верёвке для белья. Отсюда пришло кулинарное вдохновение к отцу. Он сварил эти сушеные трубочки и подал их своим гостям со специальным соусом. Блюдом восхитились все посетители, и с тех пор таверна пользовалась популярностью среди неаполитанцев, потом была открыта первая фабрика по производству такого продукта, который называли *макаронны* в честь его создателя Марко Арони. Другая версия связана с каким-то неизвестным кардиналом, который впервые попробовал пасту и воскликнул с восторгом: *Ma caroni!* «Как это мило!»²⁴. Лингвисты считают, что слово *макаронны* пришло в русский язык следующим образом: фр. *macaroni* < итальянское *maccarone* — первонач. 'пирог с сыром' — < греч. *makaria* 'варево из ячменной муки' [Крысин, 2004]. Есть и другое мнение, что первоисточником слова является глагол *maccare* «мять, месить», происхождение которого не определяется²⁵. Несмотря на то, что история происхождения *макарон* остаётся туманной, макаронные изделия, как и их обозначение — слово *maccarone*, прочно закрепились в Италии, затем широко распространились по всему миру, в том числе в России.

Слово *макаронны* вошло в употребление в русский язык в XVIII в., когда в России появились макаронные изделия благодаря Петру I, который набрал зарубежных мастеров для производства судов. Среди них был итальянец Фернандо, который сам являлся любителем макарон и их знатоком. Он выдал секрет их изготовления русскому предпринимателю, тот оценил выгоду нового продукта и начал вести их производство (в тот момент макаронны стоили в 5 или 6 раз дороже обычной муки)²⁶. Советский писатель В. С. Пиккуль в историческом романе «Фаворит» предла-

²⁴ История появления макаронных изделий. Мифы и легенды. URL: <https://macaronomania.ru/mify-legendy>

²⁵ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com>

²⁶ История появления макаронных изделий. Макароны в России. URL: <https://macaronomania.ru/makarony-v-rossii>

гает свою версию, которая связана с князем Потёмкиным. Чтобы избавить народ от голода и решить вопрос хранения хлеба, тот придумал один способ и рассказал о нем своему секретарю Василию Рубану: *«На юге страны потребно заводить макаронные фабрики. Чем в амбарах хлебу париться или на водку его переводить, так лучше пусть хлебушко в макаронах сохраняется»* (Пикуль, 1982). Когда Рубан усомнился, примет ли население такой иноземный продукт, князь решительно подтвердил свою позицию:

Вот увидишь, пройдёт срок — и станут на Руси говорить: «Что за жизнь, если макарон нету? Ко всему человек привыкает, привыкнем и мы к макаронам...» (Пикуль, 1982). И тогда из Италии вывезли мастеров «макаронного искусства». В 1797 г. в Одессе открылась первая макаронная фабрика. Русский народ не только сразу привык к новому экзотическому продукту, но даже влюбился в него. Как известно, одним из поклонников итальянских макарон был Гоголь. В Италии он сам бегал на кухню и учился готовить макаронки по итальянским правилам — *макаронки аль-денте* (итальянское *al dente*), т. е. слегка недоваренные, не сырые, но и не разваренные или слишком мягкие. Об этом свидетельствует друг писателя Аксаков:

Когда подали макаронки, которые, по приказанию Гоголя, не были доварены, он сам принялся стряпать. <...> Нельзя было без смеха и удивления смотреть на Гоголя; он так от всей души занимался этим делом, как будто оно было его любимое ремесло, и я подумал, что если б судьба не сделала Гоголя великим поэтом, то он был бы непременно артистом-поваром (Аксаков, 1852).

Для Гоголя макаронки служили продуктом, который не только насыщает человека, удовлетворяет его физиологические потребности, но и функционирует как лекарство для утешения души. Когда он посетил своего друга, сказал ему: *Вы теперь сироты, и я привез макарон, сыру и масла, чтоб вас утешить* (Аксаков, 1852). Знакомая Гоголя также вспоминала, что он был в коротких сношениях с Виельгорским. Они часто собирались там, обедали, и Жуковский называл это «макаронными утехами» (Смирнова-Россет, 1877).

В современном русском языке существуют названия разных видов макаронных изделий, которые занимают особое место среди гастрономических итальянизмов. В уникальном кулинарном словаре В. В. Похлёбкина перечисляется 30 таких названий, одни из которых представляют хорошо знакомые русским людям слова *вермишель, макаронки, спагетти*, а другие являются менее известными — *букатини, каннелони, капеллини, лингвине, маккерончини, тальятелле* и др. [Похлёбкин, 2015,

с. 196–197]. Не стоит путать в русском языке термины *макаронные изделия*, *макароны* и *паста*, хотя иногда в бытовой жизни они не так строго различаются.

Следует отметить, что в итальянском языке как общее название макаронных изделий обычно употребляется слово *pasta*, а во многих других языках — слово *maccheroni*. На самом деле, именно итальянцы применяли название *macaroni* к любым видам пасты с XII до начала XIX в. «Выработав у всех терминологическую привычку к общему понятию «макароны», а заодно и к общему понятию «спагетти» не только в Италии, но и во всем мире, итальянцы вдруг резко переменяли употребление слова» [Костюкович, 2020, с. 281]. Последние 200 лет слово *pasta* используется в общем значении, а *maccheroni* — в значении более узком и территориальном. В современном русском языке под термином *паста* понимается общее название всех макаронных изделий, а также название любого блюда из таких изделий, изготовленных по рецептам итальянской кухни. Причём в узусе принято, что *макаронные изделия* — «сухая, сырая» паста. А слово *макароны* имеет более узкое значение — один из видов макаронных изделий, имеющих форму трубок [Похлёбкин, 2015, с. 196]. Как мы видим, слово *макароны* вошло в русский язык раньше, чем *паста*, причем последнее слово развило более широкое и обобщенное значение, чем первое. Полагаем, что понятие «паста» в русской культуре было представлено именно в образе макарон. Более того, при усвоении на русской почве *макароны* — само слово вместе с реалией — достаточно часто теряет свою принадлежность к итальянской еде и не имеет никакого экзотического колорита. Как известно, макароны присутствуют на повседневном столе россиян, а *макароны по-флотски* — блюдо, которое приобрело свою известность во время Великой Отечественной войны, оно является классическим русским, или советским.

Интересно, что в теории литературы используется термин *макаронизм* (ит. *maccherone*) — иностранное слово или выражение, которое употребляется в речи без изменения особенностей формы и произношения первоначально с целью шутки [Крысин, 1998]. Основателем этого приёма считается древнеримский поэт Авзоний (IV в. н.э.), который ввел греческие слова в латынь [Костюкович, 2020, с. 243]. Термин *макаронизм* восходит к названию блюда *макароны*. Слова или выражения из разных языков в одном тексте — как будто приготовленные макаронны: их добавляют в тарелку с различными соусами и измельченными сырами и всё перемешивают. Есть и так называемая *макароническая поэзия* (ит. *poesia maccheronica* < *maccheronea*) — вид шуточной поэзии, в которой смешиваются слова и формы из разных языков. Слово *maccheronea*

употребляется с 1543 г. и восходит к поэме Микеле ди Бартоломео дельи Одази «Макаронеа» (1488) [Костюкович, 2020, с. 243]. Ярким примером *макаронической поэзии* в русской литературе служат сатирические стихи П. И. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу, дан л'этранже», где поэт намеренно смешивает русские слова с французскими, чтобы посмеяться над слепым преклонением части русских аристократов перед всем французским: «Вздумалось моей кузине бедную меня, малад / проводить жюска Кронштадт» (Мятлев, 1840). Слова *малад* и *жюска* являются французскими варваризмами, которые обозначают «больна» и «до».

На русской почве от слова *макароны* образовались слова *макаронина* (разговорное.) — одна трубочка макарон; *макаронник* (разговорное) — пренебрежительное название итальянца.

Обратим внимание на другой типичный гастрономический итальянизм *пицца* (ит. *pizza*). Это вид итальянского быстро выпекаемого открытого пирога, для которого характерно повышенное содержание дрожжей. Все продукты, идущие в начинку пиццы, режутся маленькими, одинаковыми по размеру кусочками, маслины освобождаются от косточек [Похлёбкин, 2015, с. 290]. Название этого блюда происходит либо от греческого *plax* «плоский», либо от латинского *pinsere* «измельчать» [Костюкович, 2020, с. 483]. Первая итальянская пицца, появление которой связано с ввозом томатов в Европу, была изобретена в 1522 г. в Неаполе. В XVII в. появилось слово *пиццайоло* (ит. *pizzaiolo*), которым стали называть пекарей, готовящих пиццу для итальянских горожан и крестьян. Классическая пицца (круглой формы, с красным томатным соусом и измельченным сыром), хорошо знакомая людям сегодня, появилась в конце XIX в. в Италии. В 1889 г. мастер Раффаэле Эспозито в Неаполе создал пиццу из томатов, моцареллы и базилика в цвете итальянского флага для того, чтобы выразить признательность итальянской королеве Маргарите Савойской, которой пицца очень понравилась. Пицца, приготовленная по этому рецепту, называется «*Маргаритой*» в честь королевы [Костюкович, 2020, с. 483].

В начале XX в. пицца была привезена в США итальянскими эмигрантами. В 1905 г. в Нью-Йорке открылась первая итальянская пиццерия, затем пиццерии начал появляться в Северной Европе. Так пицца стала популярной за границами Италии. Сегодня она считается не только важной частью итальянской гастрономической культуры, но и выдающимся представителем американской и даже мировой кулинарии. Несмотря на большую роль США в распространении пиццы по миру, именно Италия остаётся её признанной родиной [Костюкович, 2020, с. 483].

Прибытие пиццы в Москву считается признаком перемен в перестроечные годы. В 1988 г. в Москву приехала автомобильная пиццерия — фургон *Astro Pizza*, первый американский фастфуд в СССР, который позволял москвичам попробовать американскую пиццу. Фургон ездил по городу и каждый день останавливался в разных местах, но чаще всего можно было найти его на улице Горького (Тверской) или возле МГУ. Хотя экзотическое блюдо немедленно захватило жителей Москвы, через полгода фургон уехал, и попытка *Astro Pizza* создать сеть ресторанов в СССР не удалась, так как тогда страна была ещё не готова для такого бизнеса²⁷. Западные сетевые пиццерии приходят в Россию в 1990 г., когда открываются два первых ресторана *Пицца Хат* в Москве. Чтобы привлечь к себе больше внимания и завоевать любовь москвичей, этот ресторан определяет свою пиццу как еду свободы и не отказывается придать ей какой-то политический смысл с оттенком иронии. В ролике рекламы американского фастфуда *Пицца Хат*, снятом в 1997 г., появляется первый и единственный президент СССР Михаил Горбачёв: он идёт по Красной площади с внучкой, потом заходит в пиццерию и заказывает пиццу. Вдруг его замечает российская семья за соседним столиком и начинает ругаться:

Из-за него у нас в экономике бардак! — сердится отец. — *Благодаря ему у нас новая возможность!* — возражает сын. — *Это из-за него у нас политическая нестабильность!* — *Благодаря ему у нас свобода!* — *Полный хаос!* — *Перспективы!* — *Политическая нестабильность!* Наконец спор прекращает бабушка: — *Да благодаря ему у нас есть Пицца Хат!*». Ролик заканчивается тем, что все кричат хором: «*За Горбачёва!*» и съедают по кусочку пиццы в честь бывшего президента. Хотя этот ролик является немного смешным и нелепым на нынешний взгляд, он отражает то, как появление пиццы в России изменило гастрономические предпочтения и образ жизни людей во время перестройки и после развала СССР.

В 1993 г., через три года после открытия первой американской пиццерии в России, к москвичам приходит пицца на итальянский лад, которую можно пробовать в ресторане сети *Патио Пицца* (в 2004 г. все её рестораны изменили название на *IL Патио*). Новая пиццерия в центре Москвы сразу набирает популярность у публики благодаря не только разнообразию выбора пиццы:

Из великого множества пицц в ассортименте Patio Pizza представлено достаточное количество наименований этого национального итальянского блюда — пятнадцать; здесь вы увидите, например, пиццы

---

²⁷ Настоящая американская пицца в Москве 1988 года // Meduza. URL: <https://meduza.io>

под названием «Наполетана», «Капрезе», «Капричосо», «Кальцоне», «Фунги» (Коммерсантъ, 12.08.1993), но и своему уникальному итальянскому колориту. Об интерьере и атмосфере ресторана пишет ресторанный критик Дарья Цивина:

Достаточно войти в просторный зал с потрескивающей печкой, деревянным потолком и маленькой огороженной беседкой, чтобы почувствовать неодолимую симпатию к итальянской кухне. А выйдя на застекленную террасу, пронизанную светом, и увидев шумящие зеленые деревья за окнами, понимаешь, как же опять хочется в солнечную Венецию или на итальянский берег Адриатического моря (Коммерсантъ, 21.08.1993).

Шеф ресторана prepares пиццу на открытой кухне и замешивает тесто вручную, что очень любят наблюдать посетители: *Мэтр из Венесуэлы сам месит, подбрасывая в воздух, особое тесто и раскатывает миллиметровые белоснежные лепешки, а его помощники отправляют круглые пиццы в деревянную печь, польхающую жарким огнем и пахнущую смолистым дымом (Коммерсантъ, 21.08.1993).*

Кроме *Пиццы Хат* и *IL Патио*, сегодня в России встречается достаточно много пиццерий по-американски или по-итальянски, таких как «Додо Пицца», «Доминос Пицца», «Папа Джонс», «Пицца Паоло», которые уже становятся частью жизни местных жителей.

Как блюдо развивает новые гастрономические привычки россиян, так и само слово *пицца* обогащает запас русской лексики. Наряду со словом *пицца* в русский язык вошли такие итальянизмы, как *пиццерия* — ресторан или кафе, где подают пиццу; *пиццайоло* — мастер по приготовлению пиццы.

Словами *макарона* и *пицца*, конечно, не исчерпываются гастрономические итальянизмы в русском языке. Словари иностранных слов и кулинарные справочники позволяют выделить ряд заимствований, относящихся к разным лексико-семантическим группам:

1. Названия продуктов, к которым относятся сыры — *горгонзола*, *маскарпоне*, *моцарелла*, *пармезан*, *рикотта*; макаронные изделия — *макарон*, *ровиоли*, *спагетти*; хлебобулочная и кондитерские изделия — *бискотти*, *брускетта*, *панна-котта*, *тирамису*, *фокачча*; мясные продукты — *мортаделла*, *прошутто*, *салями*; приправы и соусы — *банья кауда* (чесночный соус), *пассата* (томатный соус), *цедра* (пряность).

2. Названия напитков, в числе которых алкогольные напитки — *амаретто*, *граппа*, *кампари*, *кьянти*, *мартини*; кофе — *американо*, *капучино*, *латте*, *ристретто*, *эспрессо*.

3. Названия блюд, среди которых *бризоль*, *карначчо*, *пицца*, *полента*, *ризотто*, *капрезе* и др.

Следует отметить, что некоторые из таких слов являются неоднозначными, например, слова *лазанья*, *спагетти* обозначают не только макаронные изделия, но и сделанные из этих изделий блюда.

Гастрономическая лексика в основном соотносится с наименованиями пищи. Такие названия имеют сложную семантику, которая может указывать на особенности самой еды (вкус, внешний вид, цвет, ингредиенты для приготовления), содержать метафоры и даже передавать дополнительную информацию о еде (о месте производства продуктов, создателях рецептов, истории развития блюд). Однако для гастрономической лексики иноязычного происхождения такие тонкости в наименованиях часто не воспринимаются носителями русского языка в силу того, что они не знают язык-источник. Чтобы раскрыть неявную информацию внутри значения гастрономических итальянизмов, можно выяснить особенности семантики этих слов в первоисточнике. Например, есть названия, которые указывают на ингредиенты для приготовления или сырьё для производства. Например, *цедра* происходит от итальянского слова *cedra*, восходящего к латинскому слову *citrus* «лимон», и называет пряность, сделанную из верхнего слоя именно лимонной корки [Боброва, Шанский, 2004]. Слово *гранна* — от итальянского *grappa*, являющегося аббревиатурой *grappolo d'uva* «гроздь винограда» и обозначающего итальянскую виноградную водку [Зданович, 2001]. *Ламме* — упрощённое выражение *кофе ламме* (ит. *caffè latte*). В итальянском языке *latte* обозначает только молоко — важную составляющую этого кофейного напитка, а в русском языке слово *ламме* уже широко употребляется для обозначения самого напитка [Зданович, 2001].

Некоторые названия указывают на определённые признаки продуктов или напитков: *амаро* — заимствованное из итальянского языка слова *amaro* «горький», которым называется итальянский травяной ликёр с горьким вкусом. Одним из сортов этого алкогольного напитка является *амаретто* (ит. *amaretto* «горьковатый») — амаро, настоянный на миндале или абрикосовых косточках [Зданович, 2001]. Кроме вкуса, некоторые гастрономические итальянизмы также говорят о внешнем виде продуктов. Среди них названия разнообразных макаронных изделий: *вермишель* (ит. *vermicelli* «червячки»), *капеллини* (ит. *capellini* «тонкий волосок»), *конкилье* (ит. *conchiglie* «ракушки»), *лингуине* (ит. *linguine* «язычки»), *лумаке* (ит. *lumache* «улитка»), *орекьетте* (ит. *orecchiette* «ушки»), *спагетти* (ит. *spaghetti* «веревочка»), *фарфалле* (итал. *farfalle* «бабоч-

ки»). Все эти номинации соответствуют форме изделий, в них проявляется богатое воображение итальянского народа.

Существуют названия, которые рассказывают о способах приготовления блюд или производства продуктов: *моцарелла* (ит. *mozzarella*) — молодой сыр итальянского происхождения. Название происходит от глагола *mozzare* «отрубить», который указывает на определённые движения рук: когда делают этот сыр вручную, отрывают от сырной массы шарики нужного размера. Сегодня на заводах эта процедура выполняется при помощи специального оборудования с отверстиями. *Эспрессо* (ит. *espresso*) — вид кофе, название которого в итальянском языке означает «выдавленный». Это как раз выявляет суть метода приготовления такого напитка — путём прохождения горячей воды под давлением через фильтр с молотым кофе. *Бискотто* (ит. *biscotto*) — итальянское кондитерское изделие, которое представляет собой сухое печенье с характерной длиной и изогнутой формой. Слово во множественном числе *biscottini* — общее название печенья в Италии. Это название происходит от средневекового латинского слова *biscoctus* «дважды выпеченное печенье»: сначала его запекают до готовности, потом разрезают на ломтики и снова запекают. Затем итальянцы стали использовать слово *бискотти* для наименования любого печенья, приготовленного таким образом.

В современном русском языке встречается также ряд гастрономических итальянизмов, производных от имени собственного. В европейских странах было модным называть блюда и напитки в честь изобретателей новых рецептов или какого-то знаменитого человека. Многие из таких наименований, в том числе те, что обозначают спиртные напитки родом из Италии, приходили в Россию и становились популярными. Например, *кампари* — горький ликёр красного цвета на основе ароматических трав и фруктов, который называется так по имени его создатели — миланского винодела Гаспара Кампари в XIX в. [Блау, 2010]. *Мартини* — итальянский вермут, названный по имени производящей его компании *Martini & Rossi* в Турине, которая была основана итальянским бизнесменом Алессандро Мартини [Блау, 2010]. *Чинзано* — вермут, производимый с 1757 г. в Италии и названный по фамилии семьи виноделов [Блау, 2010]. Кроме того, есть гастрономическая лексика итальянского происхождения, названная по топонимам. Многие из таких слов прежде всего относятся к названиям сыров: *азиаго* — сыр из коровьего молока, производимый в итальянском городе Азиаго, провинции Виченца [Блау, 2010]. *Таледжо* — полумягкий итальянский сыр с кожурой, названный в честь местности Таледжо. *Пармезан* — твердый итальянский сыр, который получил своё оригинальное название *Parmigiano Reggiano* в итальянском городе Парма.

янском языке по наименованию провинций Пармы и Реджо-нель-Эмилии, где этот сыр производят. Слово *пармезан* является французским вариантом названия этого сыра. *Горгонзола* — итальянский сыр, история которого связана с крупным рогатым скотом. Во время миграции животные отдыхали у деревни Гогонзола около итальянского города Бергамо, потом молоко коров употребили для производства сыра *Stracchino di Gorgonzola* (в переводе с ломбардского диалекта означает «скот деревни Горгонзолы») [Зданович, 2001].

В современном русском языке гастрономические итальянизмы активно употребляются в разных типах текстов, особенно в художественных, где происходит адаптация этих слов. Опираясь на материал из Национального корпуса русского языка²⁸, можно заметить, что некоторые гастрономические термины итальянского происхождения когда-то писались с большой буквы или писались в кавычках, а в новейших текстах уже фигурируют как нарицательные существительные: *Я приглашаю вас отведать отличнейшей «Граппа» из моих подвалов* (Ростовский. Русский синдикат. 2000); *И пока официант с сифоном разбавлял «кампари» / а македонский оркестр несносно бил в барабаны / пока озеро вечерело, сгущалась Греция...* (Рейн, 1998); *Она допила свой «мартини», поднялась с кресла и налила себе еще* (Володарский, 1997); *Возьмешь курицу — холодная, вода — тоже, а колбаса «салями» — хорошо* (Бронтман. Дневники и письма. 1932–1942). Сравните с более поздними текстами: *Ей протянули стакан с прозрачной жидкостью, Мария осторожно понюхала — граппа* (Марина Бувайло, 2012); *Там фигурировало не менее дюжины «фирменных» бутылок джина и кампари* (Аксенов, 2007); *Ольга достала из холодильника мартини и налила себя полный бокал* (Сухов, 2007); *Папа понимал, что Маринка слопала полбатона колбасы салями и пачку печенья* (Маша Трауб, 2012). Главной причиной изменения в написании слов служит то, что заимствованные названия вместе с иноземными реалиями постепенно принимаются носителями русского языка.

Гастрономические итальянизмы могут участвовать в создании метафорических образов в поэтических текстах, далеких от итальянской реальности. Например: *А вагоны бегут — бегут вагоны / рельсы глотают, как макароны* (Лавров, 1929). *Всех на трезубец нанижет сова / как макароны на вилку* (Соснора, 1963). Интересно, что названия итальянской еды, как отмечает Н. М. Азарова, в контекстах конца XX — начала XXI в. являются знаком демократической принадлежности, но этот знак может

²⁸ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new>

изменяться в современной поэзии на противоположный [Азарова, 2013, с. 370]. Например, *равиоли* выступает как продукт, противопоставленный советским пельменям, им придаётся негативный оттенок:

Галадриэль в юности клал кирпичи / потом занялся мелкой торговлей / освоил язык, особенно птичий / открыл цех по выпуску raviолей / дочь говорит ты гадость капиталист (Гольдин, 2007).

Нужно отметить, что в текстах меню русских ресторанов достаточно распространены такие итальянизмы, как *американо*, *минестроне*, *ризотто*, *тирамису* и другие, они реже встречаются в художественных текстах, но активно используются в повседневной речи.

Как мы видим, при вхождении гастрономических итальянизмов в русский язык значение этих слов почти не изменяется, то есть совпадает с их значением в языке-источнике, хотя в процессе освоения некоторые слова иногда приобретают русский оттенок, например *макаронны по-флотски*. Это, возможно, объясняется тем, что итальянская кухня хорошо адаптирована к русской гастрономической культуре. Эти слова функционируют в разных сферах жизни и продолжают осваиваться носителями русского языка. Изучение таких слов имеет большое значение, так как в них отражаются не только вкусовые пристрастия, но и культурное своеобразие, национальная ментальность итальянского и русского народа и в то же время их близость.

Библиографический список

Азарова Н. М. Тема итальянской кулинарии в русском художественном тексте // Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе. М., 2013.

Блау М. Г. Судьба эпонимов. 300 историй происхождения слов. М., 2010. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=117134&p>

Костюкович Е. А. Еда: итальянское счастье. М., 2020.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М., 2004.

Словари

Боброва Т. А., Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2004.

Зданович Л. И. Кулинарный словарь. М., 2001.

Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М., 1998.

Кулинарный словарь. URL: <https://dic.academic.ru>

Похлёбкин В. В. Кулинарный словарь. М., 2015.

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com>

Источники

- Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952.
- Гольдин П. Галадриэль в юности кляла кирпичи... // Воздух. 2007. № 2. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru>
- Лавров Л. А. Хитрость // Из трёх книг. Стихи. М., 1966.
- Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. А., 1969.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new>
- Пикуль В. С. Фаворит: в 2 т. М., 1993.
- Пушкин А. С. Из письма к Соболевскому. Соч. в 3 тт. СПб., 1997.
- Смирнова-Россет А. О. Воспоминания о Н. В. Гоголе // Дневник. Воспоминания. М., 1989.
- Соснора В. А. 12 сов // Стихотворения. СПб., 2011.

References

- Azarova N. M. *Tema ital'janskoj kulinarii v rusском hudozhestvennom tekste*. [The theme of Italian cooking in the Russian literary text]. In: *Dialog kul'tur: "Ital'janskij tekst" v rusской literature i "rusский tekst" v ital'janskoj literature*. [Dialogue of Cultures: "Italian text" in Russian literature and "Russian text" in Italian literature]. Moscow, 2013.
- Blau M. G. *Sud'ba jeponimov. 300 istorij proishozhdenija slov*. [The fate of eponyms. 300 stories of the origin of words]. Moscow, 2010. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=117134&p>
- Kostjukovich E. A. *Eda: ital'janskoe schast'e*. [Food: Italian happiness]. Moscow, 2020.
- Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe*. [Russian word, your own and someone else's]. Moscow, 2004.

Dictionaries

- Bobrova T. A., Shanskij N. M. *Shkol'nyj jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Proishozhdenie slov*. [School etymological dictionary of the Russian language. The origin of words]. Moscow, 2004.
- Zdanovich L. I. *Kulinaryj slovar'*. [Culinary Dictionary]. Moscow, 2001.
- Krysin L. P. *Tolkovyj slovar' inostrannyh slov*. [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, 1998.
- Kulinaryj slovar'*. [Culinary Dictionary]. URL: <https://dic.academic.ru>
- Pohljobjkin V. V. *Kulinaryj slovar'*. [Culinary Dictionary]. Moscow, 2015.
- Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com>

List of sources

Aksakov S. T. *Istorija moego znakomstva s Gogolem*. [The story of my acquaintance with Gogol]. In: *N. V. Gogol' v vospominanijah sovremennikov*. [N. V. Gogol in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, 1952.

Goł'din P. *Galadrijel' v junosti klal kirpichi...* [Galadriel used to lay bricks in his youth...]. In: *Vozduh*. [Air], 2007. No. 2.

Kommersant. [Kommersant]. URL: <https://www.kommersant.ru>

Lavrov L. A. *Hitrost'*. [The trick]. In: *Iz trjoh knjig. Stihi*. [From three books. Poems]. Moscow, 1966.

Mjatlev I. P. *Stihotvorenija. Sensacii i zamechanija gospozhi Kurdjukovoj*. [Poems. Sensations and remarks of Mrs. Kurdyukova]. Leningrad, 1969.

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/new>

Pikul' V. S. *Favorit*. [Favorite]. In 2 volumes. Moscow, 1993.

Pushkin A. S. *Iz pis'ma k Sobolevskomu*. [From a letter to Sobolevsky]. In: *Sochinenija v trjoh tomah*. [Essays in three volumes]. St. Petersburg, 1997.

Smirnova-Rosset A. O. *Vospominanija o N. V. Gogole*. [Memories of N. V. Gogol]. In: *Dnevnik. Vospominanija*. [Diary. Memories]. Moscow, 1989.

Sosnora V. A. *12 sov*. [12 owls]. In: *Stihotvorenija*. [Poems]. St. Petersburg, 2011.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ПЕРЕВОДА

И. Н. Дьяченко, Т. Н. Малиновская

Ключевые слова: эмоциональная доминанта, доминантный смысл, речевая деятельность, перевод, мотив, эмоции.

Keywords: emotional dominance, dominant meaning, speech activity, translation, motive, emotions.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–10

На современном этапе одной из актуальных тенденций лингвистической науки является признание потребности выхода в область психических процессов индивида и сферу экстралингвистики. Исследователи современных подходов к процессам восприятия и понимания текста подчеркивают необходимость расширения рамок лингвистики в поисках того, что, собственно, лежит в основе понимания текста. Ученые разрабатывают возможные подходы к структурированию процессов восприятия и понимания текста, выявляют факторы, способствующие пониманию, связанные так или иначе с вариативностью интерпретации текста как продукта речевой деятельности индивида. Моделирование смыслового восприятия текста производится с различных позиций и находится в непосредственной связи с решением большого количества вопросов теоретического и практического характера.

По мнению Ю.А. Сорокина, понятие «экстралингвистические факторы», которое, несомненно, влияет на процесс смыслового восприятия текста реципиентом, до сих пор относится к числу недостаточно определенных. Указанное понятие «может быть определено лишь метафорически: экстралингвистические факторы — это броуново движение частиц мысли, дела и логоса, взвесь мысли и дела в Слове» [Сорокин, 1998, с. 33].

В процессе восприятия смысла текста определяющим является «межтекстовая компетентность» реципиента, поскольку любой текст воспринимается в рамках читательского опыта. Именно «межтекстовые читательские фреймы», по утверждению У. Эко, являются способом перекодирования воспринимаемого текста, и он (текст) способствует в свою очередь расширению глобального «интертекстуального фрейма». Различием фреймов у реципиентов объясняются различные варианты интерпретации одного и того же текста [Есо, 1984]. Именно поэтому при каж-

дом прочтения одного и того же художественного текста возможно открытие все новых смыслов его содержания, в том числе эмотивных.

Современная наука подчеркивает взаимопроникающий характер аффективных и когнитивных процессов буквально на самых ранних этапах жизни человека и самое главное — мотивирующую роль эмоций в любом виде его деятельности. По мнению многих исследователей, эмотивный компонент присутствует в любом высказывании [Stevenson, 1974], поскольку даже элементарное сообщение о каком-либо факте обязательно меняет что-либо в психическом состоянии реципиента. Общечеловеческое выражение эмоций являет собой психолингвистическую закономерность. Однако не существует специальных языковых правил, которые могли бы одинаково управлять выражением эмоций абсолютно всех индивидов. По утверждению В. И. Шаховского, «опираясь на тезис о единстве рационального и эмоционального в мышлении и сознании, мы с неизбежностью должны прийти к выводу о том, что любое слово не только теоретически, но и практически является эмоционально окрашенным. Яркость этой окраски может быть различной в зависимости от эмоционального состояния человека, но в процессе речепроизводства она всегда присутствует в ядерной или периферийной части семного поля слова, «высвечиваясь» с большей или меньшей интенсивностью» [Шаховский, 1998, с. 68]. Смысл текста в процессе его восприятия реципиентом распредмечивается и структурирует варианты интерпретации индивида, которые обладают когнитивно-эмотивным разнообразием.

Перевод является определенным видом речевой деятельности, поскольку деятельность переводчика в целом и ее конечный результат являются собственно результатом смысловой перцепции текста и его оценки. Так, в основе деятельности переводчика располагаются универсальные механизмы речепорождения и речевосприятия. Между исходным текстом и текстом перевода возможны именно отношения гомокультурности, а именно определенное соответствие между объектами, когда одно из них есть модель другого.

Художественные тексты играют важную роль в процессе осознания индивидом эмоциональных состояний. Указанные тексты содержат информацию о национальном самосознании, репрезентируют определенного рода реалии и представления в области эмоций, чувств, оценок. В любом художественном тексте присутствует различное число доминантных эмоций, которые динамически развиваются в каждом конкретном контексте. Эмоции встроены в структуру сознания соответственно и продуцента, и реципиента текста. Так, когниция и эмоции присутствуют неотделимо как в процессе речепорождения, так и при интерпрета-

ции речевого произведения. Когнитивисты подчеркивают, что «в основе аффекта и познания лежат одни и те же механизмы, а переменные, которые принято рассматривать как различающие эти области..., на самом деле связаны с обоими, точнее — со способом переработки информации [Мягкова, 1990, с. 124]. В этой связи вполне объясним возрастающий интерес ученых к исследованию эмоционально-мотивационной сферы сознания и ее воздействия на процессы речевой деятельности индивида [Буряков, 2015; Коростова, 2015; Топка, 2018].

В рамках психолингвистической парадигмы эмоциональность текста трактуется как репрезентация в тексте ведущего мотива речевой деятельности человека, единственным представителем которого соответственно на уровне психического отражения являются эмоции. «Эмоция — это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [Изард, 1980, с. 27]. Эмоциональные процессы мотивируют разнообразные виды деятельности индивида и участвуют в процессах смыслообразования. По природе континуальное мыслительное содержание трансформируется в дискретные единицы языка, репрезентируя смысловую доминанту в структуре текста. Проведенные А. В. Кинцель исследования позволяют «говорить об эмоциональности как необходимой, обязательной, сущностной характеристике текста... об эмоциональном компоненте доминантного смысла, который регулирует восприятие текста» [Кинцель, 2000, с. 37]. Исследователь подчеркивает, что репрезентировать эмоциональный личностный смысл могут любые лексемы текста. Эмоция как понятие психологическое, будучи репрезентированной языковыми единицами языка, обуславливает эмоциональность как текстовую характеристику, которая в свою очередь является психолингвистической категорией. Таким образом, исследователь признает наличие эмоциональной доминанты в любом тексте, убедительно доказывая это серией экспериментов. Указанная доминантная эмоция в различных текстах может быть реализована по-разному в зависимости от специфики мотива речевой деятельности. Подобное понимание эмоциональности обуславливает трактовку текста как деятельности, направленной на порождение и восприятие личностных смыслов. Вышеназванные исследования выявили, что эмоциональные и смысловые структуры текста репрезентируются совокупностью одних и тех же языковых средств, что верифицирует единую эмоционально-смысловую структуру текста. Л. С. Выготский подчеркивал: «...кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» [Выготский, 1996, с. 13].

Особенно важную роль эмоциональность играет применительно к художественному тексту, поскольку здесь эмоции автора представляются важными не сами по себе, а в отношении того, что они фиксируют доминантные смыслы, которые лежат в основе понимания текста.

Понятие эмоциональной доминанты художественного текста наиболее последовательно представлено в трудах В. А. Пищальниковой, где экспериментально верифицируется положение о том, что эмоции «до известного момента являются единственным смыслообразующим центром художественного произведения» [Пищальникова, 1999, с. 104]. Эмоция как компонент концепта может актуализироваться в зависимости от вида деятельности индивида, структурируя смыслы. В художественном тексте эмоциональный компонент концепта является тем фактором, который акцентирует его смыслы и определяет характер его восприятия и понимания. Эмоции автора художественного текста представляются особенно важными, поскольку, будучи репрезентированными в тексте, они фиксируют его доминантные смыслы. В структуре текста эмоции выражаются языковыми единицами, которые репрезентируют его смысловую структуру.

Реципиент интерпретирует представленные в структуре художественного текста эмоции на основании своей концептуальной системы. При этом ведущая эмоция художественного текста перцептируется реципиентом как его эмоциональная доминанта, а соответственно производные эмоции как модификация доминантной. Поскольку эмоциональная доминанта является фактором, который направляет восприятие текста реципиентом в определенное системой эмоций русло, все вышесказанное становится актуальным для переводческого процесса. Перевод как один из видов речемыслительной деятельности с неизбежностью подчиняется общим законам психической деятельности и также регулируется эмоциями. По утверждению Н. А. Галеевой, «перевод... сам является речевой деятельностью по заданной в оригинале программе, ... определяющей способы дальнейшей деятельности переводчика с исходным текстом и построение текста перевода, максимально близкого содержательной программе тексту оригинала» [Галеева, 1997, с. 18]. В рамках представленного подхода переводчик является активным субъектом деятельности, связанной с интерпретацией концептуальной системы автора, представленной в тексте оригинала. В. П. Белянин подчеркивает, что «наиболее адекватно текст воспринимается теми читателями, тезаурус и эмоциональная структура личности которых совпадают с авторскими» [Белянин, 1988, с. 107]. При этом под тезаурусом ученый понимает систему знаний о мире или описываемом объекте, т. е. концепту-

альную систему индивида. Уровень восприятия текста на иностранном языке зависит от близости концептуальных систем и эмоционально-волевых структур автора и переводчика, а также уровня владения языками. Наличие сходных эмоционально-смысловых структур в сознании производящего и воспринимающего речевое произведение существенно повышает уровень восприятия текста реципиентом. Таким образом, восприятие смысла речевого произведения основано прежде всего на базе общих психологических паттернов. Воспринятый текст предоставляет реципиенту возможность начать собственный процесс смыслопорождения на основе воспринятой информации.

С целью верификации регулятивного характера эмоций в переводческой деятельности нами проанализирован поэтический текст исполнителя Walter de la Mare «Silver» и его перевод на русский язык «Серебряное», выполненный профессиональным переводчиком. Выбор поэтического текста обусловлен тем, что в поэзии эмоциональный компонент актуализируется с наибольшей интенсивностью. Тексты исследованы с применением методики выявления доминантных смыслов, разработанной В. А. Пищальниковой, и элементов компонентного анализа.

В стихотворении Walter de la Mare «Silver» актуализируется эмоция умиротворенности и мистической таинственности. Повествуемые события происходят в ночное время суток: «*the moon walks the night*» (*night*: the dark part of each 24-hour period, when the sun cannot be seen) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 700). Все мистические явления случаются, как правило, ночью, когда яркий солнечный свет сменяется лунным. В исследуемом поэтическом тексте лунный свет заливают представленный поэтом пейзаж: «*walks... in her silver shoon*» (*silver*: 2. Of the colour of silver) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 979). Свет этот, очень яркий, серебристый и одновременно холодный, интенсивно освещает описываемый автором природный ландшафт (*silver fruit, silver trees, water gleam, silver stream*), присутствующих в тексте животных (*the dog, doves, mouse, fish*), а также разного характера хозяйственные постройки (*silvery thatch, casements, kennel*). Абсолютно все упомянутые в тексте животные присутствуют в сонном состоянии (*sleep*: natural resting state of unconsciousness of the body) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 989). Состояние сна подчеркнуто акцентируется как бессознательное, когда все органические процессы у живых существ находятся в состоянии заторможенности. Представленные субъекты присутствуют без малейшего движения (*the dog sleeps like a log; moveless fish*). Глубокий сон собаки актуали-

зируется с помощью метафоры *sleeps like a log* (*log*: a thick unshaped piece of wood from a tree) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 616). Метафорическое сравнение *like a log* акцентирует бессознательность и неподвижность живого существа (собаки), погруженной в глубочайший сон, выразительно репрезентируя сравнение ее с неодушевленным предметом (бревном), которое изначально по своей природе в принципе не может проявлять никаких признаков активности. Доминантная эмоция покоя и отсутствия активности репрезентируется также на лексическом уровне при описании перемещения луны ночью: «*slowly, silently, now the moon walks...*» (*silence*: absence of sound, complete quiet) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 978); (*slow*: not moving, acting or happening quickly; having less than a usual or average speed) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 992). Лексемы *slowly* (медленно), *silently* (тихо, бесшумно) имеют в своей семной структуре актуализированный общий компонент, а именно сему отсутствия, низкой интенсивности какого-либо признака. Луна, передвигающаяся тихо и беззвучно, плавно и незаметно заливает все предметы и явления серебристым светом, в результате чего и все присутствующие животные, и предметы, и природные явления приобретают характерный признак ночного лунного света — серебряный: у спящей собаки серебряные лапы (*paws of silver*), сон голубки характеризуется как *silver-feathered*, буквально в «серебряных перьях». Единственным живым существом, не погруженным в состояние глубокого сна, представляется полевая мышка, которая активно занимается своими делами (возможно, поисками еды). Но активную мышку лунный свет также наделил мистическими, таинственными чертами, у нее по тексту произведения серебряные коготки и отливающие серебром зрачки. Таким образом, эмоционально-смысловая доминанта спокойствия, умиротворения, медлительности и неподвижности находится в диссонансе с лексическими единицами, репрезентирующими активные действия мышки (*mouse goes scampering by*), которая достаточно проворно перемещается в ночи, нарушая своими действиями замершее природное спокойствие. На рисунке 1 изображена эмоционально-смысловая доминанта поэтического текста «Silver».

Доминантная эмоция спокойствия и умиротворения является амбивалентной, поскольку коррелирует с производной эмоцией подвижности и активности. Эмоции текста фиксируют его доминантные смыслы, являясь важным компонентом структуры этих самых смыслов. На рисунке 2 представлен доминантный личностный смысл анализируемого поэтического текста с его лексическими репрезентантами.

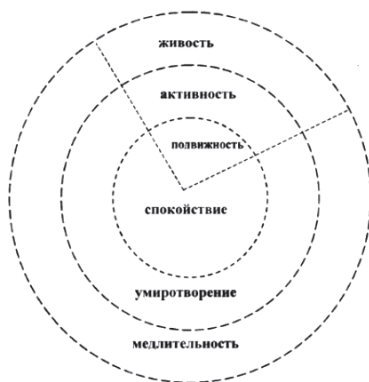

Рис. 1. Эмоционально-смысловая доминанта поэтического текста «Silver»

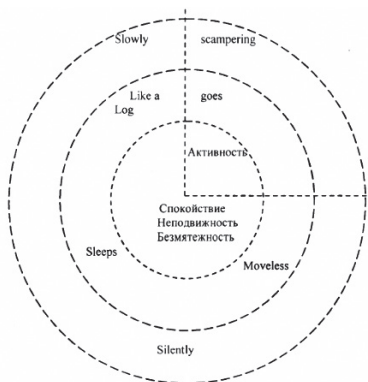

Рис. 2. Доминантный личностный смысл поэтического текста «Silver»

Текст перевода «Серебряное» представлен на русском языке профессиональным переводчиком Г. Симанович.

Уже в первых строках переводного текста нивелируется актуализация спокойного и безмятежного перемещения луны (в тексте перевода представлена лексема «*месяц*»), напротив, во вторичном тексте репрезентируется ритмичность, последовательность, повторяемость представленных действий «*месяц... ходит и ходит*». На наш взгляд, подобная переводческая замена не совсем обоснована, поскольку в исходном тексте перемещение луны репрезентировано лексемой *walks* (*гулять, прогуливаться, прохаживаться*), которая не содержит признака повторяемости, а наоборот, подчеркивает плавный, спокойный, медлительный характер перемещения природного объекта. Выбор переводчиком указанного эквивалента, возможно, обусловлен видовременной формой Simple Present, использованной в тексте оригинала (*walks, pees, sees...*). Лексеме оригинального текста *moon* в русском языке соответствует два варианта: «*луна*» и «*месяц*». Выбор в тексте перевода вышеназванной лексемы «*месяц*» обусловлен, вероятно, прежде всего тем фактом, что для большинства носителей русского языка представленные варианты являются по своей сути взаимозаменяемыми. Согласно данным «Русского ассоциативного словаря (1994) лексема «*месяц*» является одной из наиболее частотных реакций на стимул «*луна*» и, соответственно, наоборот. Вместе с тем сопоставление рассматриваемых ассоциативных рядов отчетливо демонстрирует, что наиболее частотными реакциями на стимул «*луна*» являются следующие: жел-

тая, полная, месяц, ночь, блестит, тишина, светлая, темно, светит, небо, яркая, печальная, холодная; на стимул «месяц» в словаре представлены реакции: *серебряный, гулять, ясный, выплыл, луна, серебристый, день, светит, яркий, небо, ночь, желтый*. Информация, представленная в ассоциативном словаре, убедительно показывает, что именно с месяцем у носителей русского языка ассоциируются лексемы «*серебристый, серебряный, гулять, выплыл*», необходимые для адекватного восприятия доминантного смысла анализируемого поэтического текста. Луна, согласно данным ассоциативного словаря, в первую очередь желтая по своей цветовой гамме. Этот факт противодействует использованию указанной лексики в тексте перевода. Описываемые в поэтическом тексте действия происходят ночью, которая характеризуется как «*непроглядная*» (о тьме, мраке: *непроходимый*) (Ожегов, 1993, с. 421). В тексте актуализируется признак темноты, подчеркивается мрак описываемого времени суток, невозможность что-либо рассмотреть. Но с появлением серебряного месяца картина меняется «... *чуть он задержит серебряный взгляд*» (*серебряный*: 2. Блестяще-белый, цвета серебра. *Свет луны; взгляд*: 1. Направленность зрения) (Ожегов, 1993, с. 738). Лексическая единица *взгляд* передает лексемы оригинального текста *peers and sees* (*выглядывает и смотрит*). Метафора переводного текста *серебряный взгляд* образована способом ассоциативного переноса по цвету (серебра). Общеизвестно, что метафора как стилистический прием является одним из наиболее продуктивных способов смыслопорождения. Как и любой другой знак, так или иначе связанный с каким-либо компонентом концепта, метафора способна в целом актуализировать его структуру. «*Серебряный взгляд*» — это ледяной, мертвенный взгляд, под этим взглядом все описываемое в тексте становится серебряным, безжизненным (*сад серебрится; серебрится в лучах занавеска; пес в серебре; серебряноперьевая шубка; в серебре коготки; серебром отливают зрачки; рыба горит чешуей серебристой*). Стоит отметить, что помимо лексики *серебряный* в тексте перевода также встречаются слова *серебристый, серебрится* (*серебристый*: 1. Цвета серебра, отливающий серебром, с серебряным оттенком, отливом; *серебриться*: 1. Становиться серебристым. 2. О серебряном, серебристом: виднеться) (Ожегов, 1993, с. 737).

Лексема *серебристый* актуализирует гораздо большую интенсивность, активное мерцание цвета, его яркость (что-либо с отливом) в сопоставлении с лексемой *серебряный* (цвета серебра), фиксирующей признак предмета. В тексте оригинала указанные оттенки значения отсутствуют. В тексте перевода используется авторский окказионализм «се-

ребряноперьевая» шубка, который передает лексему оригинала *silver-feathered* весьма искусно. Однако в исходном тексте *silver-feathered* используется для характеристики сна птиц (*in a silver-feathered sleep*), тогда как в переводе происходит конкретизация (*сон о серебряноперевой шубке*). Признаком *серебряный* наделяется уже не процесс сна в целом, а отдельное видение о шубке.

Строка оригинала *Silver fruit upon silver trees* (буквально «серебряные фрукты на серебряных деревьях») передается как «Сад серебрится и вишни горят» также путем конкретизации: в тексте оригинала говорится о фруктах на деревьях, о саде, в тексте перевода фруктовые деревья заменены переводчиком на вишни, конкретные деревья. Однако словосочетание «вишни горят» привносит диссонанс в эмоционально-смысловую структуру анализируемого текста, поскольку никоим образом не соотносится с цветом серебра. Данные ассоциативного словаря свидетельствуют о том, что реакции на стимул «гореть» представлены следующими языковыми единицами: *топливо, огонь, пламя, пыл*. Огонь прежде всего ассоциируется с ярко-красным, алым цветом, светом пожара (Русский ассоциативный словарь, 1994, с. 102]. Темно-красный, бордовый цвет вишни диссонирует с серебристым, безжизненным цветом как противоположный — горячий, несущий в себе движение, активность и жизнь. В переводе указанной строки присутствует также генерализация: фраза *Silver fruit* передана переводчиком «сад серебрится». При этом сочетание лексем *Silver fruit* (буквально *серебряные фрукты*) текста оригинала представляет признак предмета, в то время как в тексте перевода актуализируется действие, активность, репрезентированные глаголом «серебрится».

В последней строке текста перевода «Рыба горит чешуей серебристой» еще более акцентировано противопоставление активности, жизненной энергии и мертвого бледного цвета: горит, но не традиционным ярким, красным, живым светом, а холодным, мертвым, спокойным, безжизненным. В исходном тексте указанная амбивалентность цвета отсутствует «*moveless fish in the water*».

Строка исходного текста «... *the casements catch her beams*» (буквально «окна ловят ее лучи») передается в переводе «жмурятся окна от лунного блеска», что дополнительно актуализирует яркость, ослепительность света луны. При этом лексема *her* текста оригинала свидетельствует о том, что автор репрезентирует луну как живое существо. Это дополнительно коррелирует с метафорой переводного текста «жмурятся окна», где окна также приобретают признаки живого организма. Глубокая безмятежность и спокойная погруженность в сон актуализируются лексемами

безмятежно, неподвижна: «*пес безмятежно ... спит и не знает; неподвижна в протоке*». Таким образом, указанный компонент смысла текста оригинала в переводе сохраняется. Так, эмоционально-смысловая доминанта поэтического текста «Silver» репрезентирована в переводном тексте «Серебряное» с определенными изменениями. На рисунках 3 и 4 наглядно изображены фиксированная в тексте перевода доминантная эмоция и его доминантный личностный смысл.

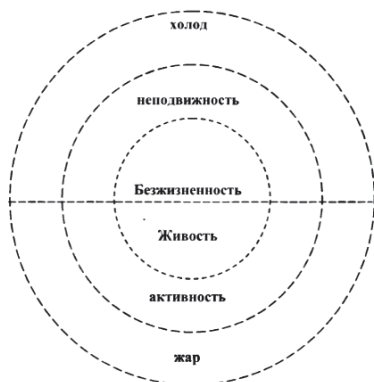

Рис. 3. Доминантная эмоция в переводном тексте «Серебряное»

Рис. 4. Доминантный личностный смысл в переводе «Серебряное»

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что доминантная эмоция текста оригинала фиксируется переводчиком во вторичном тексте, но при этом дополнительно актуализируется ее амбивалентный характер. Производная эмоция активности, живости, движения в переводе приобретает интенсивный характер в результате цветового противопоставления. Вместе с этим в структуре концепта переводного текста компонент активности акцентируется по сравнению с доминантным смыслом текста оригинала. При этом репрезентация доминантных личностных смыслов производится сходными лексемами: *sleeps* — *спит, снится сон*; *moveless* — *неподвижна* и т. п.

Восприятие и понимание речевого произведения активно регулируется и направляется его эмоционально-смысловой доминантой. Исследования выявляют регулятивный характер эмоций также применительно к текстам перевода. Реципиент-переводчик не только воспринимает доминантную эмоцию текста оригинала, репрезентированную его лексическими единицами, но успешно реконструирует ее в рамках вторичного текста. В случае воссоздания эмоционально-смысловой доминан-

ты исходного текста в переводном его содержание будет адекватным смыслу оригинала.

Библиографический список

Буряков М. А. О влиянии этноспецифического фактора на выбор языковых средств выражения эмоциональных состояний // Филология и человек. 2015. № 3.

Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.

Галеева Н. А. Основы деятельностной теории перевода. Тверь, 1997.

Изард К. Е. Эмоции человека. М., 1980.

Кинцель А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 2000.

Коростова С. В. К вопросу об эмотивности и эмоциогенности русского художественного текста // Филология и человек. 2015. № 3.

Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.

Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул, 1999.

Сорокин Ю. А. Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск, 1998.

Топка Л. В. Эмоциональная нестабильность: единицы вербализации // Филология и человек. 2018. № 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/5086>

Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.

Eco U. The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington, 1984.

Stevenson Ch. Some Pragmatic Aspects of Meaning. Readings in Semantics. Illinois, 1974.

Источники

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М., 1994.

English verse in Russian Translation. XXth Century. Moscow, 1984.

Longman Dictionary of Contemporary English. Moscow, 1992.

References

Buryakov M. A. *O vliyanií etnospetsificheskogo faktora na izbor yazykovykh sredstv vyrazheniya emotsionalnykh sostoyaniy* [On Ethnospecific Factor's

Influence on the Language Means Choice of Emotional Conditions Expression]. In: *Filologia i chelovek*. [Philology & Human]. 2015. No. 3.

Belyanin V. P. *Psicholingvisticheskie aspekty hudozhestvennogo teksta*. [Psycholinguistic Aspects of Creative Work]. Moscow, 1986.

Galeeva N. L. *Osnovy deyatel'nostnoy teorii perevoda*. [Basics of Translation Theory]. Tver, 1997.

Izard K. E. *Emotsii cheloveka*. [Emotions of Man]. Moscow, 1980.

Kintsel A. V. *Psicholingvisticheskoe issledovanie emotsionalno-smyslovoy dominanty kak tekstoobrazuyushchego faktora*. [Psycholinguistic Research of Emotional Meaning Dominance as Text Making Factor]. Barnaul, 2000.

Korostova S. V. *K voprosu ob emotivnosti i emotsiogenosti russkogo hudozhestvennogo teksta*. [On Emotiveness and Emotiogenesis of Russian Creative Text] *Filologia i chelovek* [Philology and Man]. 2015. No. 3.

Myagkova E. Yu. *Emotsionalnaya nagruzka slova: opyt psicholingvisticheskogo issledovaniya*. [Emotional Sense of Word: Psycholinguistic Research]. Voronezh, 1990.

Pishchalnikova V. A. *Psichopoetika*. [Psychopoetics]. Barnaul, 1999.

Sorokin Yu. A. *Vvedenie v etnopsicholingvistiku*. [Introduction into Ethnopsycholinguistics]. Ulyanovsk, 1998.

Topka L. V. *Emotsionalnaya nestabilnost: edinitsy verbalizatsii*. [Emotional No Stability: Means of Verbalization]. In: *Filologia i chelovek*. [Philology & Human]. 2018. No. 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/5086>

Shahovsky V. I., Sorokin Yu. A., Tomasheva I. V. *Tekst i ego kognitivno-emotivnye metamorfozy (mezhkulturnoe ponimanie i lingvoekologia)*. [Text and its Cognitive-emotive Metamorphoses (Cross-cultural Understanding and Linguaeology)]. Volgograd, 1998.

Eco U. *The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington, 1984.

Stevenson Ch. *Some Pragmatic Aspects of Meaning. Readings in Semantics*. Illinois, 1974.

List of sources

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar russkogo yazyka*. [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, 1993.

Russkiy assotsiativnyy slovar'. [Russian associative dictionary]: Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov et al. Moscow, 1994.

English verse in Russian Translation. XXth Century. Moscow, 1984.

Longman Dictionary of Contemporary English. Moscow, 1992.

ОБРАЗ МОРСКОЙ ДЕВЫ В ПОЭЗИИ К. Д. БАЛЬМОНТА

Г. М. Маматов

Ключевые слова: К. Бальмонт, образ морской девы, лирика, поэтическая философия, мифопоэтика.

Keywords: K. Balmont, image of sea maiden, lyric, poetical philosophy, mythopoetic.

DOI 10.14258/filichel(2022)1-11

Введение

Вопросам мифопоэтики в поэзии К. Д. Бальмонта посвящено немало научных работ. Данная тема особенно полно разработана в отношении его «природной» поэтики. Важным вопросом в этом контексте остаются мифы о водной стихии. В литературоведении уже исследована акватическая символика в ранней лирике К. Д. Бальмонта [Проскурина, 2016, с. 116–122], точные наблюдения за маринистическими образами сделаны в диссертации В. Бурдина [Бурдин, 1998], монографиях Н. Молчановой и П. Куприяновского [Куприяновский, Молчанова, 2001], О. Ханзена-Лёве [Ханзен-Лёве, 2003]. В этих трудах затронуты проблемы мифопоэтики, но уделено недостаточно внимания хрестоматийному в культуре образу морской девы, весьма распространённому в художественной картине мира символиста. Комплексных работ о морских девах, появляющихся в 23-х стихотворениях Бальмонта, не существует, что обуславливает актуальность данной статьи. Морская дева возникает у поэта в различных образах, связанных со славянским и балтийским фольклором, что типично для поэта, обращавшегося к языческим культам разных народов (см. [Цыкунова, 2005]).

Образ морской девы в любовной лирике

Морская дева играет важную роль в любовной лирике символиста, особенно в ранних произведениях из сборников «В безбрежности», «Под северным небом» и «Тишина», где частый образ русалки связывается с типичными для раннего Бальмонта декадентскими мотивами смерти и любви. В этих стихотворениях русалка представляет собой вариацию *femme fatale*. У поэта очевидна типичная связь русалки с миром мертвых, используются характерные для фольклора мотивы смеха, со-

блзнения путника, пения, щекотки и утопления. А. Афанасьев пишет, что русалки в фольклоре «любят качаться по вечерам на гибких ветвях деревьев, так же неистово хохочут, так же зашекочивают насмерть и увлекают в омуты неосторожных путников, завидя которых — манят к себе ласковым голосом» [Афанасьев, 1869, с. 44]. Очевидно влияние баллад «Русалка» А. С. Пушкина и «Русалка» и «Морская царевна» М. Ю. Лермонтова, где возникают аналогичные мотивы²⁹. Но в отличие от фольклора и поэзии XIX в. у символиста значимость приобретают темы глубины, равнодушия и холодности русалки, которая «страсти не подвластна». Она возникает как роковая дева, убивающая ради веселья и наслаждения смертью:

Наш взгляд глубок и чист, как у ребенка.

Мы ищем Красоты и мир для нас красив,

Когда, безумца погубив,

Смеемся весело и звонко

(1895) (Бальмонт, Русалки, 2011, с. 49)

Морская сущность русалки порождает её сказочную красоту и в то же время бездушие и холод: «В зеленых глазах у нее глубина — холодна» (Она, как русалка, 1897).

Но если в ранних текстах русалка — коварная красавица, в которой соединены Эрос и Танатос, то в любовной лирике из книги «Будем как Солнце» этот образ появляется лишь в миниатюре «Морская душа» (1903), где дева, вышедшая из моря, закликает путников. Но в этом случае она несчастна, ибо не может разделить свою любовь с мужчиной, которого ей предстоит убить (*Бледная, влюблённая колдунья*). В других миниатюрах книги («Нереида», «Русалка», «Я ласкал её долго...») всё ограничивается эротическими мотивами, о чём пишет В. Шапошникова [Шапошникова, 2008, с. 33].

Особое место в данном контексте занимает стихотворение «Вандины» (1912) из книги «Зарево зорь». В миниатюре повторяется тема рокового влечения, но в связи с германским фольклором. Здесь Бальмонт следует идеалам ранней лирики. Девы-ундины водят хороводы, привлекающая прекрасным голосом скитальцев, которых уводят на дно озёр. В отличие от других морских дев из поэзии предэмигрантского периода («Водная панна», «Русалка», «Русалочка»), ундины имеют черты внешности русалок из ранней декадентской поэзии (бледное голое тело, глубокие глаза) и несут смерть. Финал текста созвучен стихотворениям первых сборников:

²⁹ О связи стихотворений Бальмонта с данными балладами пишут П. Куприяновский и Н. Молчанова [Куприяновский, Молчанова, 2001, с. 140].

*В лёгкой пляске потоните,
Свет узнайте соучастья,
Вовлекитесь в хороводы,
Хорошо на дне озёр.*

(Бальмонт, 1912, с. 46)

Морская дева в фольклорных стилизациях

Образ морской девы возникает в текстах, насыщенных фольклорной символикой. Первым примером можно назвать образ русалки в восьмой части поэмы «Забытая колокольня» (1897), наполненной готической мотивикой. В миниатюре русалка совершает детоубийство (*Родного ребёнка зарыла*). Сохраняются закреплённые за ней в фольклоре мотивы смерти и смеха. Важна связь этого страшного образа с апокалиптическими мотивами. Её превращение в «окаменевшее изваяние» и иссушение моря (*Когда глубина обмелеет*) — проекция Страшного Суда:

*То будет в последние дни,
Когда мы простимся с Мадонной.*

(Бальмонт, 2011, с. 110)

Это единственный случай, когда образ русалки соотносится с эсхатологическими мотивами, что созвучно декадентской направленности ранней лирики Бальмонта. В зрелом творчестве он обращается к образам славянского и балтийского фольклора.

Наиболее традиционным в данном контексте можно назвать стихотворение «Садко» (1906), где поэт следует тексту былины, а его герой, новгородский купец, попав к водному царю, выбирает в жёны царевну Чернаву. Но в отличие от первоисточника здесь эксплицируются эротические мотивы:

*И Садко забылся в красоте морской,
И жену он обнял левою ногой.*

(Бальмонт, 2011, с. 518)

Рассмотрим стихотворение «Царица Балтийских вод» (1910), представляющее собой лирическое переложение литовской легенды о морской владычице Юрате, влюбившейся в рыбака Цаститиса, за что боггромовержец Перкунас разрушил янтарный дворец царицы, которую приковал к его руинам, а её возлюбленного поразил молнией. В тексте Бальмонта изменён финал: героиня прикована к скале напротив мёртвого тела Цаститиса, что делает сюжет легенды в стихотворении более трагичным:

*И на милого мертвого вечно она
В глубине бледноводной Балтийского моря
Смотрит, смотрит, любовью горя.*

*Оттого-то в час бури нам слышатся крики,
И по взморью, за бурей, какие-то лики
Нам бросают куски янтаря*

(Бальмонт, 1931, с. 81)

Более сложный образ — Берегиня в одноимённой миниатюре (1906), где она представлена богиней, дарующей жизнь в смерти. В лужицком фольклоре берегини были злыми духами, жившими в горах, на земле и в воде: «Древнейшее значение слова брег (берег) есть гора; а потому название берегиня могло употребляться в смысле ореады, горыни <...> и вместе с тем служить для обозначения водяных дев, блуждающих по берегам рек и потоков» [Афанасьев, 1869, с. 44]. В стихотворении Берегиня наделена чертами морской богини (*Это водные прибрежные богини*) и лебедя, обитателя воздушной стихии (*Лебедь белая, ведунья старых дней*). Божественная сущность позволяет Берегине дать вечную жизнь Витязю Потоку после превращения его в камень:

*И взмахнув крылами белыми над ним,
Обернула камнем витязя немым.
Спит Поток, застыл виденьем белоснежным,
Над затоном, над мерцаньем вод прибрежным.
В невеликом отдалении от него
Лебедь Белая, и всё кругом мертво.
Но не мертвенно-мертво, а в смерти живо: —
Веще спит она, и в сне навек красива.*

(Бальмонт, 2011, с. 550)

Особое место занимает стихотворение «Семика» (1907), посвящённое Русалиям:

*Семицкая неделя — зелёная, русальная,
Часы Зелёных Святков, во всём году единые,
В душе тоскует сказка, влюблённая, печальная,
И быстро разрешится в те ночи воробьиные.*

(Бальмонт, 2011, с. 708)

Русалки в этой миниатюре лишь упомянуты (*Русалки защекочут вас, Русалки захохочут вас*). Поэту важно показать различные ритуалы (бросание трав в реку, завивание берёзы, похороны кукушки) для тщательного описания картины сакрального обряда, посвящённого задабриванию русалок (см.: [Пропп, 1963]). Финальная строфа актуализирует важную для фольклора тему инициации:

*Войдёшь в реку, забудешься, утонешь ты в воде,
Уйдёшь от вод, и сон уйдет, и нет его нигде.
О, девушка, войди в хрусталь, но в воды травку кинь,*

Спасёт тебя одна трава, печаль, печаль, полынь.

(Бальмонт, 2011, с. 708)

Девушка должна пройти реку (загробное царство) ради духовного очищения. Тему инициации усиливает время праздника, который традиционно проходил в весенне-летний период, что символизировало обновление природы и молодость.

Образ морской девы и философия К. Бальмонта

Многие фольклорные стихотворения отражают философские взгляды поэта, его понимание солнца как всемирного созидającego начала, что связано с авторской концепцией прекрасного. В сказке «Морская пани» (1906) царевич Горошек крадёт деву моря, символизирующую хрупкую природу красоты и равновесия во вселенной, её похищение оборачивается лишением мира чудесного солнечного начала:

И бледнеет, и чахнет в томленьи бессонном

И как Пани Морская — так Солнце вдали,

Раньше было оно на лазури червонным,

Побледнело, грустит, все цветы отцвели.

(Бальмонт, 2011, с. 548)

Связь с солнцем очевидна и в «Марии Моревне» (1906), героиня которой обладает золотой лучезарностью: «*Ты мир золотишь светоносностью взгляда*».

В данном случае следует обратиться к солярной мифологии в творчестве Бальмонта. В трактате «Солнечная сила», ставшем прозаической прелюдией ко второму изданию книги «Будем как Солнце», поэт выстраивает собственную концепцию мироздания и красоты, как единства лунного («Серебряный чертог») и солнечного («Золотой чертог») начал: «*между Солнечным светом и Лунным — различие по существу, разнствоование качественное, противопоставление двух начал, несродных и несоизмеримых, но создающих в двойственности одну поэму. Это — Огонь и Влага, Мужеское и Женское. В их вражеском и несоразмерном соприкосновении, во встрече нетворческой и неблагословенной, возникает пожар или потоп. Встреча же дружеская Мужского и Женского, соприкосновение священное Огня и Влагги, создаёт, через Поэму Любви, Поэму Жертвы, благословенное вознесение жертвы Верховным Силам, не устающим нами петь, через нас достигать, нашими зрачками гореть, всё живое и мёртвое, или кажущееся мёртвым, слагать в высокую Миртовую Драму*» (Бальмонт, 1918, с. 17). Это единство солнечного и лунного начал являет всемирную гармонию, выражая идеал поэта, его космогоническую концепцию, по которой Вселенная возможна лишь как синтез противоположных элементов природы и бытия.

В книге «Будем как Солнце» данные мысли нашли отражение в ряде стихотворений («Белый пожар», «Гимн огню», «Воздушный храм»). Но особенно ярко эти идеи воплотились в восьмичастном стихотворении «С морского дна» (1903). Главная героиня — бледная дева, живущая на морском дне с сёстрами, среди которых она чувствует себя чужой (*Я с вами, но я не такая, как вы*) и желает вырваться из своего мира, изменив свою стихийную сущность, потому она отправляется в пещеру к духу-теургу, имеющему инфернальное и божественное начала: «*Колдун? Колдунья? Зверь? Химера? / Владыка жизни? Гений вод?*» (Бальмонт, 2011, с. 190). После встречи с духом она проходит обряд инициации, в ходе которого переживает несколько превращений. Её переход в иное состояние оборачивается символической смертью:

*И целый день, бурунами носима
По плоскости стекла,
Она была меж волн, как призрак дыма,
Бездушна и бела.*

(Бальмонт, 2011, с. 191)

Происходит вертикальное путешествие от абсолютного низа (морское дно) к абсолютному верху (небеса) через поверхность моря (промежуточное пространство между мирами живых и мёртвых), на берег (мир живых) и вознесение. Этот путь знаменует духовное перерождение и слияние с высшим разумом, символизируемым Солнцем:

*Но прежде чем в безвестность глянешь,
Ты будешь в образе другом.
Не бледной девой ты предстанешь,
А торжествующим цветком.
И нежно женственной богиней.
С душою, полной глубины,
Простишься с водною пустыней,
Достигнув уровня волны.
И после таинств лунной ночи,
На этой вкрадчивой волне,
Ты широко раскроешь очи,
Увидев Солнце в вышине.*

(Бальмонт, 2011, с. 190)

Главная идея произведения — преобразование хаоса в гармонию, обретение целостности. В символической смерти-перерождении высвечивается тема начала новой жизни благодаря мотиву весны (*Весной, в новолунье, в прозрачный тот час*). Центральные символы интерпретируются следующим образом: морское дно — тёмная, пустая сущность жизни;

морская дева — метущаяся душа, желающая обрести истинный смысл бытия; солнце — божественная сила, преобразующая внутренний мир героини. С одной стороны, это светило лишает деву физического зренья, но с другой стороны, оно дарует ей второе рождение и прозрение. Героиня переживает несколько превращений: вначале это морская дева, живущая на дне; затем цветок, символизирующий хрупкость и чистоту; а после встречи с солнцем и символической смерти, — провидец:

*И ночи себя предавая,
Расцветиший цветок на волне,
Она засветилась, живая,
Она возродилась вдвойне.
И утро на небо вступило,
Ей было так странно-тепло.
И Солнце её ослепило,
И Солнце ей очи сожгло.*

(Бальмонт, 2011, с. 190)

О. Ханзен-Лёве интерпретирует мотив ослепления от солнечных лучей у Бальмонта как озарение, открывающее идеальный космический мир [Ханзен-Лёве, 2003, с. 813]. В финале стихотворения героиня проносит фразу, в которой тема озарения очевидна:

*«Я видела Солнце» — сказала она. —
«Что после, не всё ли равно?»*

(Бальмонт, 2011, с. 191)

Стремление к Космосу, обретение силы Солнца тождественно достижению внеэмпирического трансцендентного идеала.

Выводы

Образ морской девы в поэзии К.Д. Бальмонта неоднозначен. В любовной лирике раннего периода он представляется негативным, близким декадентским идеям поэта. Морская дева воплощает идеал женской красоты, существующий между миром людей и загробным царством, символизируемым пучиной. Это *femme fatale*, хладнокровно обольщающая мужчин своим пением и красотой и губящая их. Данный образ меняется в зрелой поэтике, где декадентские темы уступили место фольклорным мотивам. Возникают лирические пересказы былин, сказок и легенд («Садко», «Царица Балтийских вод», «Мария Моревна»), поэтические описания народных обрядов («Семик»). В других произведениях морская дева имеет божественное начало и способна даровать жизнь в смерти («Берегиня»). Но в большинстве текстов морская дева — носитель солярной энергии, возникающая как символ истинной гармонии и красоты, что вписывается в контекст философии Бальмонта. В стихо-

творении «С морского дна» центральное место занимает тема обретения целостности бытия, истинной духовной красоты и гармонии. Потеря физического зрения лирической героиней дарует ей зрение внутреннее, позволяющее соединиться с запредельной сферой инобытия. В вознесении морской девы показано возвышение над сущим, обретение целостности, создающей гармонию, что выражает философско-эстетические идеалы старшего символиста.

Библиографический список

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1869. Т. 3.

Бурдин В. В. Мифологическое начало в поэзии К. Д. Бальмонта 1890-х-1900-х годов: дис... канд. филол. наук. Иваново, 1998.

Куприяновский П. В. Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-russkie-agrarnye-prazdniki/smert-i-smeh.htm>.

Проскурина В. Л. Маринистические образы в ранней лирике К. Д. Бальмонта // Учёные записки Орловского государственного университета. 2016. № 1.

Ханзен-Леве О. А. Русский символизм: система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. СПб., 2003.

Цыкунова Г. В. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Шапошникова В. В. Русалочий мотив в книге К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце» // Солнечная пряжа. Шуя. 2008. № 2.

Список источников

Бальмонт К. Д. Зарево зорь. М., 1912.

Бальмонт К. Д. Будем как Солнце. М., 1918.

Бальмонт К. Д. Северное сияние. Стихи о Литве и Руси. Париж, 1931.

Бальмонт К. Д. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2011.

References

Afanašev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu*. [The Poetic Outlook on Nature by the Slavs], in 3 vols. Moscow, 1869. Vol. 3.

Burdin V.V. *Mifologicheskoe nachalo v poezii K.D. Bal'monta 1890-h-1900-h godov*. [Mythological beginning in poetry by K. D. Balmont of 1890–1900s]. Thesis of Philol. Cand.Diss. Ivanovo, 1998.

Kupriyanovskij P.V. Molchanova N.A. *Poet Konstantin Bal'mont. Biografiya. Tvorchestvo. Sud'ba*. [Poet Konstantin Balmont. Biography. Creativity. Life]. Ivanovo, 2001.

Propp V.Ya. *Russkie agrarnye prazdniki*. [Russian agrarian feasts] Leningrad, 1963. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-russkie-agrarnye-prazdniki/smert-i-smeh.htm>.

Proskurina V.L. *Marinisticheskie obrazy v rannej lirike K.D. Bal'monta*. [Marine images in early lyric by K. D. Balmont]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific notes of Orel State University]. 2016. No.1.

Hanzen-Leve O.A. *Russkij simvolizm: sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskij simvolizm nachala veka*. [Russian symbolism: a system of poetic motives. Mythopoetic symbolism of the turn of the century]. St. Petersburg, 2003.

Cykunova G.V. *Religioznye i filosofskie idei, motivy, obrazy v hudozhestvennom mire K.D. Bal'monta*. [Religious and philosophical ideas, motives, images in the artistic world of K. D. Balmont]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2005.

Shaposhnikova V.V. *Rusalochij motiv v knige K.D. Bal'monta "Budem kak Solnce"*. [The plot of mermaid in the book "Let's be like the Sun!"]. In: *Solnechnaya pryazha*. [Solar yarn]. Shuya. 2008. No. 2.

List of sources

Bal'mont K.D. *Zarevo zor'*. [Glow of dawn]. Moscow, 1912.

Bal'mont K.D. *Budem kak Solnce*. [Let's be like the Sun]. Moscow, 1918.

Bal'mont K.D. *Severnoe siyanie. Stihi o Litve i Rusi*. [Northern Lights. Poems about Lithuania and Russia]. Paris. 1931.

Bal'mont K.D. *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome*. [Complete set of poetry and prose in one volume]. Moscow, 2011.

ИДЕЙНАЯ СТРУКТУРА РАССКАЗА В. М. ШУКШИНА «ВНУТРЕННЕЕ СОДЕРЖАНИЕ»

А. И. Куляпин

Ключевые слова: поэтика, структура, мотивы, символы, роль, маска.
Keywords: poetics, structure, motives, symbols, role, mask.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–12

Рассказ «Внутреннее содержание» (1967) далеко не рядовое для Шукшина произведение. Ключевая для рассказа сцена — показ мод в сельском клубе с демонстрацией пляжного ансамбля — перенесена в текст из первого полнометражного фильма Шукшина «Живет такой парень» (1964). С другой стороны, многие мотивы и символы рассказа «Внутреннее содержание» войдут в итоговое произведение писателя — повесть-сказку «До третьих петухов». Очевидно, что в этом рассказе сконцентрированы темы и проблемы, занимавшие писателя и режиссера на протяжении всей творческой жизни. Причем рассказ «Внутреннее содержание» связан не только с художественными произведениями Шукшина, но также с его эпистолярным и публицистическими выступлениями.

В середине шестидесятых годов Шукшин болезненно отреагировал на критику в свой адрес на страницах журнала «Октябрь». Статья «Бой „за доброту“» (1965) Ларисы Крячко была посвящена главным образом фильму «Живет такой парень», но попутно рецензентка высказалась и о шукшинском рассказе «Степка» (1964), усомнившись в доброте героя, сбежавшего из тюрьмы за три месяца до освобождения: «Простите Степку. А если он кого-нибудь пырнет ножом? И это прощать?» [Крячко, 1965, с. 180]. Шукшин написал Л. Крячко письмо, в котором он своего героя защищает, но делает это весьма двусмысленно: «*То ли у Вас богатая меховая шуба, что Вы так боитесь, что Вас какой-нибудь Степка «пырнет ножом» в подьезде, то ли это сделано для красивого слова — Степка, которого надо опасаться»* (Шукшин, 1981, с. 47). Л. Крячко сомневается в необходимости «прощать Степке» его прегрешения. Шукшин приписывает ей совсем другие мысли и чувства. По Шукшину выходит — у обладательницы богатой шубы есть основание страшиться, и можно даже подумать, что она чем-то заслужила, чтобы ее «пырнули». Не буквально, конечно, но символически так оно и есть. Если учесть, что «шуба стано-

вится в текстах Шукшина знаком, характеризующим социальный статус, имущественное положение персонажа и даже его моральный облик» [Куляпин, 2006, с. 140], то Лариса Крячко не зря боится шукшинских «Степок». Данное письмо правомерно отнести к разряду тех посланий, которые составляют, по выражению Д. В. Марьина, «концептуальный эскорт» творчества писателя [Марьин, 2010, с. 109].

В. Коробов выделил целую группу произведений второй половины шестидесятых годов, в которых Шукшин словно бы «отвечает прошлым и будущим критикам»: «...не только <...> лучшие страницы шукшинской публицистики были как бы разбужены „ругательной“ критикой. В 1966-1967 гг. написаны такие рассказы, как „Космос, нервная система и шмат сала“, „Ваня, ты как здесь?..“ „Внутреннее содержание“, „Два письма“, „В профиль и анфас“, „Думы“, „Как помирал старик“, повесть „Там, вдали“. Каждое из этих произведений, кроме всего прочего, еще и своего рода „ответ“ прошлым и будущим критикам, упрекающим Шукшина в апологии „самобытности“ и „противопоставлений“. Иные из этих произведений, как общей нервной системой, прочно соединены с публицистикой этих лет» [Коробов, 2009, с. 226].

В рассказе «Внутреннее содержание» главный герой от смущения перед городскими манекенщицами ведет себя достаточно странно:

Сергей <...> усмехнулся. Вытащил из кармана складной нож, раскрыл его и стал пробовать большим пальцем — как проверяют: острый или нет.

Девушка с длинными тонкими пальцами громко засмеялась.

— Вы что, резать нас пришли? — спросила она. <...>

Сергей покраснел, вытер лезвие ножа о штанину.

— Можно и зарезать, — брякнул он и покраснел еще больше

(Шукшин. Внутреннее содержание, 1992, с. 303).

Остроту ножа проверяют до использования, вытирают его после использования. И хотя Сергей Винокуров, разумеется, не собирался никого резать, его жесты выстраиваются в целую интермедию с сюжетом, вошедшим в основные мотивы заочной полемики 1965 г. между Шукшиным и Л. Крячко: здесь и притворный страх утонченной горожанки, и едва скрываемая враждебность ее оппонента.

Программная статья «Вопросы самому себе», написанная в том же году, что и рассказ «Внутреннее содержание», поднимает болезненный для Шукшина вопрос о влиянии городской, мещанской по сути, культуры на сельскую. «Духовная потребность в деревне никогда не была меньше, ниже, чем в городе», — утверждает писатель (Шукшин. Вопросы самому себе, 1981, с. 12). Однако «сельская культура создается в городе»

(с. 14). И проблема заключается в том, что город канализирует в деревню разного рода «культурный суррогат» (с. 13). Как верно подмечено А. Разуваловой: «Мещанство, подменяющее овладение культурой усвоением стандартов „культурности“, для Шукшина неприятное, но естественное следствие современной городской цивилизации („в деревне нет мещанства“)» [Разувалова, 2017, с. 263].

В рассказе «Внутреннее содержание» городской Дом моделей привозит для демонстрации в село Красный Яр также далеко не лучшие образцы современной моды. Это видно из снисходительных комментариев ведущей показ *пожилой неинтересной женщины*: «*Это вечернее строгое платье. <...> Фасон его довольно простой, но, как видите, платье производит впечатление...; Это платье на каждый день. Оно очень удобное и недорогое. Его можно надеть и вечером...*» (Шукшин. Внутреннее содержание, 1992, с. 300, 301).

Между тем для столь высокомерного отношения к деревенской публике нет абсолютно никаких оснований. На сельскую молодежь, вопреки утверждению городского модельера, впечатление производит вовсе не эффектная красота *«отливающего серебром белого платья»*. Зритель покоряет девушка, в *«другом платье»*:

Она тоже прошла по сцене мелкими шажками, повернулась... Да с таким изяществом повернулась, что в зале одобрительно загудели (с. 300). *Другое платье* совсем неброское, оно для повседневной носки: *удобное и недорогое* (с. 301). Восхищает изящество человека — не костюма.

Рассказ «Внутреннее содержание» прекрасный пример, доказывающий «факт значительно большей информативности художественного текста по сравнению с нехудожественным» [Лотман, 1970, с. 43]. В рассказе легко обнаружить все идеи, что Шукшин отстаивал в статьях, но идейная структура этого текста намного сложнее. В нем появляется та неоднозначность, «которая усиливает его информационную ценность» [Смирнов, 2009, с. 137–138].

Рассказ построен на принципе удвоения: два брата, две девушки, два парня, две спички, два фокуса и, самое главное, два представления.

Шоу, устроенное городскими модельерами, невыразительно. Почти механически, отрабатывают свои роли «неинтересная» ведущая, безымянные манекенщицы и музыканты:

Девушка в платье все ходила и ходила, поворачивалась, улыбалась в зал... Музыканты играли. Особенно старался ударник: подкидывал палочки, пристукивал ногой. Аккордеонист тоже пристукивал ногой. И гитарист тоже пристукивал ногой (с. 300).

Лишь два ярких эпизода прерывают череду заученных жестов и фальшивых улыбок — изящный поворот «*молоденькой, стройненькой*» девушки и снятое платье «*полненькой*». Артистизм первой справедливо встречен одобрительным гулом зала, а вот аплодисменты в адрес второй манекенщицы, которые инициировал завклубом Николай Дегтярев, явно неуместны.

Зеркально по отношению к шоу городских профессионалов разворачивается мини-спектакль, срежиссированный и разыгранный сельским шофером Сергеем Винокуровым. Для того чтобы показать фокус с двумя спичками, ему нужно спрятать одну из них в каемку носового платка, а сделать это можно только отлучившись из горницы. Уход должен выглядеть естественно, поэтому в Прологе своего моноспектакля Сергей, подыгрывая зрительским ожиданиям, надевает маску деревенского простака:

Сергей поискал в кармане платок, не нашел, спросил у брата. Тот тоже поискал и тоже не нашел.

— Нету.

Маленькая девушка приснула в ладошку.

Сергей посмотрел на нее, улыбнулся доброй своей, застенчивой улыбкой, сказал просто:

— Сейчас принесу (с. 305).

Далее Сергею удастся умело пробудить интерес к фокусу не только брата, который «*не ожидал от него такой прыти*», но и скучающих горожанок: «*Девушки тоже заинтересовались*» (с. 305). Полностью завладев вниманием зрителей, Сергей искусно поддерживает напряжение. Обнаружив, что сломанная спичка цела, все удивляются. Повторная демонстрация фокуса вызывает уже настоящий восторг:

Опять завернули спичку, ломали ее в платке втроем, и опять, когда Сергей развернул платок, спичка была целая. Полненькая девушка взвизгнула и захлопала в ладоши (с. 306).

Шукшин подчеркивает серийность действий: «*опять завернули*», «*опять спичка была целая*». Та же серийность наблюдалась во время дефиле: «*ударник пристукивал ногой*», «*аккордеонист тоже пристукивал ногой*», «*и гитарист тоже пристукивал ногой*». Однако если показ мод вылился в монотонную повторяемость одинаковых жестов и улыбок, то фокус иллюзиониста-самоучки при повторной демонстрации выглядит еще эффектнее. В ладоши хлопают та самая полненькая девушка, которая получила незаслуженные аплодисменты лишь за то, что без всякого смущения сняла на сцене платье. Удивление, восторг, улыбки, смех гостей братьев Винокуровых непритворны. Здесь не нужен распоря-

дитель, который подобно «*прохиндею*» Николаю Дегтяреву дирижировал бы аплодисментами.

Шукшин нередко наделяет своих героев собственным синтетическим дарованием писателя, сценариста, режиссера и актера. Самый колоритный персонаж из этого ряда — Бронька Пупков («Миль пардон, мадам!», 1968). Он «умело выстраивает мизансцену, профессионально использует слово, мимику, жест, мастерски манипулирует эмоциями зрителей» [Куляпин, 2009, с. 10]. Бредовую историю о покушении на Гитлера Бронька рассказывает с таким мастерством, что слушатели, прекрасно осознавая весь абсурд происходящего, готовы, пусть на мгновение, поверить ему. Роль Сергея Винокурова, конечно, намного проще, но и его артистизм впечатляет.

Представление обрывается в кульминационной точке: «*Вошли молодые ребята, двое. С гитарой. И сразу забыт был фокус со спичкой, и забыты были братья Винокуровы*». «*Длинная тонкая девушка*» встречает пришедших возгласом: «*Наши!*» (с. 306). Это значит, что братьев Винокуровых горожанки маркировали как «не наших».

Сергея Винокурова затмил городской парень, исполнив будто бы только что услышанную песню.

Один из пришедших сказал, что слышал сейчас на улице такую песню:

Ой, милка моя,

Шевелилка моя;

Сама ходит шевелит,

Мне пошшупать не велит.

Парень пропел песню «по-деревенски» (с. 306).

Фривольная частушка, даже если герой рассказа действительно впервые услышал ее на улице села Красный Яр (что более чем сомнительно), вовсе не предназначена для внутреннего употребления. Между городом и деревней происходит взаимообмен «культурными суррогатами».

В «Романе без вранья» А. Мариенгофа С. Есенин уверяет, что совсем не его поэзия была интересна петербургской интеллектуальной элите:

...таскали меня недели три по салонам — похабные частушки распевать под тальянку. Для виду спервоначалу стишки попросят. Прочту два-три — в кулак прячут позевотину, а вот похабщину хоть всю ночь зажаривай... Ух, уж и ненавижу я всех этих Сологубов с Гиппиусихами! (Мариенгоф, 2000, с. 21).

Ситуация не изменилась и полвека спустя. Шукшинский Иван из сказки «До третьих петухов» частушкой «Эх, милка моя...» должен по замыслу Мудреца развеселить Алку Несмеяну и ее компанию.

Шукшину все это знакомо не понаслышке. В миниатюре «Куплеты» из цикла «Выдуманные рассказы» он вспоминал: *«Как я ходил к бабке Шукшихе (года 4 было) и пел матерные частушки — чтоб покормили»* (Шукшин, Куплеты. 2014, с. 60).

Характерно, что в рассказе «Внутреннее содержание» непристойная частушка вызывает смех только у «городских»: *«Городские засмеялись. Иван тоже засмеялся — умничал»* (Шукшин. Внутреннее содержание, 1992, с. 306). Уехавший из деревни и работающий на шахте Иван, радуется, на стороне «городских». Грубая стилизация деревенского говора (*«поишупать»*) выражает подлинное, пренебрежительное отношение городских культуртрегеров к селу. Почувствовав это пренебрежение, Сергей под благовидным предлогом немедленно уходит:

Сергей встал и сказал:

— До свиданья. Пойду машину гляну — чево-то стрелять начала (с. 306).

Нескромная частушка «рифмуется» с раздеванием полненькой девушки во время показа мод. Включение городскими модельерами в дефиле этого заведомо провокационного элемента выдает стремление к навязыванию той самой мещанской псевдокультуры, о которой Шукшин писал в статье «Вопросы самому себе». Юные студенты из шукшинского рассказа «Медик Володя» (1972), окунувшись в городскую среду, готовы *«поглупеть во имя современных раскованных отношений»* (Шукшин, 1993, с. 184). Перед тем же выбором оказываются герои «Внутреннего содержания». Иван, научившийся в городе смотреть *«на все свысока»* (Шукшин, 1992, с. 301), охотно поддерживает злую насмешку над якобы низким культурным уровнем сельских жителей. Но и Сергей, для которого вначале цинизм горожан был неприемлем, в конце концов тоже поддается искушению: *Из окон горницы слышался смех, гитарный перебор — там было весело.*

Сергею понравились эти красивые, беззаботные люди. Самому до боли захотелось быть красивым и веселым. Но он не умел (с. 306).

Старший брат Иван, замечает С. М. Козлова, *«„мечтает“, пытается приобщиться к легкой жизни „моделек“»* [Козлова, 2007, с. 56]. С этим нельзя не согласиться, однако стоит добавить, что и младший мечтает о том же. Более того, он в какой-то мере последовательнее брата. Отправляясь к девушкам-манекенщицам, Сергей *«нашел в сундуке новую рубашку, надел»* (Шукшин, 1992, с. 302), т. е. — на демонстрацию мод в клубе герой отвечает своего рода контрдемонстрацией. Закономерно, что итоговая мысль Сергея, вынесенная им из общения с городской молодежью, также об одежде: *«Шляпу, что ли, купить, ядрена мать!»* (Шукшин, 1992, с.

307). Как многие шукшинские герои конца шестидесятых — начала семидесятых, он решает примерить на себя «маску современного свободного человека «на уровне»» [Московкина, 2017, с. 44].

Шляпа в художественном мире Шукшина наделяется особой семантикой. Понятие «интеллигентность» в статье «Монолог на лестнице» (1968) Шукшин раскрывает при помощи двух фразеологизмов:

Конечно же, дело не в шляпе. Но если судить таким судом, очень многим надо «встать и снять шляпу». Оттого-то мне и дорог деревенский уклад жизни, что там редко-редко кто сдуру напялит на себя личину интеллигентного человека. Это ведь очень противный обман. <...> Наверно, оттого и живет в народе известная настороженность к «шляпе». Как-то так повелось у нас, что надо еще иметь право надеть эту самую злополучную шляпу.

(Шукшин. Монолог на лестнице, 1981, с. 32).

Смысл идиомы «дело в шляпе» — «все в порядке, все хорошо (об удачном завершении чего-либо)» (Фразеологический словарь, 2004, т. 1, с. 322). «Снимать (снять) шляпу» — значит «выражать свое почтение, уважение кому-либо» (Фразеологический словарь, 2004, т. 2, с. 388). Шукшин доказывает, что «дело не в шляпе» — и в прямом, и в переносном смысле:

Это вранье, если нахватался человек «разных слов», научился недовольно морщить лоб на выставках, целовать ручки женщинам, купил шляпу, галстук, пижаму, съездил пару раз за рубеж — и уже интеллигент

(Шукшин. Монолог на лестнице, 1981, с. 38).

Таким псевдоинтеллигентам не грех «снять шляпу», проявить уважение к носителям подлинной культуры.

Для Сергея Винокурова, напротив, дело как раз в шляпе: достаточно сменить имидж и цель достигнута — «ты таким образом приобщился к современному образу жизни» (с. 33).

По наблюдению О. В. Тевс, к началу семидесятых годов в таких рассказах Шукшина, как «Хмырь» (1971), «Штрихи к портрету» (1973), «Ночью в бойлерной» (1974), «... шляпа приобретает черты симулякра — „знака без отношения к референту”. Владелец шляпы все более обезличивается: утрачивает имя собственное» [Тевс, 2006, с. 139]. Герой рассказа «Внутреннее содержание» делает первый шаг в этом направлении. Он пока имя собственное не утратил, но столь симпатичные ему горожане сплошь безымянные. Манекенщицы различаются только особенностями фигуры — «стройненькая», «полненькая», «маленькая», «тонкая» и т. п. Привыкший судить «обо всем легко и скоро» Иван Винокуров, тем не менее, безусловно, прав, утверждая, что у городских девушек нет внутреннего содержания: «У них же внешность одна, а нутра на пятак

нету. <...> А главное, у них внутреннего содержания нету» (Шукшин, 1992, с. 301, 302). Личное знакомство с моделями лишь подтвердило точность диагноза Ивана. «Я ж те говорил: одна внешность», — подытоживает он в заключительном разговоре с братом (с. 307).

Внешность, как известно, обманчива. Фокус Сергея Винокурова построен на подмене сломанной спички целой. В рассказе все и всё приоткрывается не тем, что оно есть на самом деле. «Большой прохиндей и лодырь» Николай Дегтярев поднимает статус учреждения, которым руководит, «упорно называя» его ДК (Домом культуры) (Шукшин, 1992, с. 300). Однако к истинной культуре ни деятельность завклубом, ни шоу горожан никакого касательства, конечно же, не имеет.

Библиографический список

Козлова С. М. Внутреннее содержание // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007. Т. 3. Интерпретация художественных произведений В. М. Шукшина. Публицистика В. М. Шукшина.

Крячко Л. Бой «за доброту» // Октябрь. 1965. № 3.

Коробов В. И. Василий Шукшин: Вещее слово. М., 2009.

Куяпин А. И. Шуба // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2006. Т. 2. Эстетика и поэтика прозы В. М. Шукшина. Мотивы и символы творчества В. М. Шукшина. Диалог культур.

Куяпин А. И. Oral history: идейная структура рассказа В. М. Шукшина «Миль пардон, мадам!» // Филология и человек. 2009. № 2.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.

Марьин Д. В. Эпистолярное творчество В. М. Шукшина // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4.

Московкина Е. А. «Русский человек на rendez-vous»: конфликт мужского и женского в рассказах В. М. Шукшина // Филология и человек. 2017. № 3.

Разувалова А. Культурный суррогат // Воспоминания о Шукшине. М., 2017.

Смирнов И. П. Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб., 2009.

Тевс О. В. Шляпа // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2006. Т. 2. Эстетика и поэтика прозы В. М. Шукшина. Мотивы и символы творчества В. М. Шукшина. Диалог культур.

Источники

- Мариенгоф А. Б. Бессмертная трилогия. М., 2000.
- Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. М., 2004.
- Шукшин В. М. Вопросы самому себе. М., 1981.
- Шукшин В. М. Внутреннее содержание // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М., 1992.
- Шукшин В. М. Медик Володя // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М., 1993.
- Шукшин В. М. Выдуманные рассказы // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Барнаул, 2014.

References

- Kozlova S. M. *Vnutrenneye sodержaniye*. [Internal Content]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar' — spravochnik*. [Creativity of V. M. Shukshin: an encyclopedic dictionary-reference. Barnaul, 2007. Vol. 3.
- Kryachko L. *Boy "za dobrotu"*. [Fight "for kindness"]. In: *Oktyabr'*. [October]. 1965. No. 3.
- Korobov V. I. *Vasily Shukshin: Veshcheye slovo*. [Vasily Shukshin: A prophetic word]. Moscow, 2009.
- Kulyapin A. I. *Shuba*. [Fur coat]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar' — spravochnik*. [Creativity of V. M. Shukshin: an encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, 2006. Vol. 2.
- Kulyapin A. I. *Oral history: ideynaya struktura rasskaza V. M. Shukshina "Mi! pardon, madam!"* [Oral history: the ideological structure of V. M. Shukshin's story «Miles sorry, madam!»]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2009. No. 2.
- Lotman YU. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta*. [The structure of a literary text]. Moscow, 1970.
- Mar'in D. V. *Epistoloyarnoye tvorchestvo V. M. Shukshina*. [Epistolary creativity of V. M. Shukshin]. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. [Siberian Philological Journal]. 2010. No. 4.
- Moskovkina Ye. A. *"Russkiy chelovek na rendez-vous": konflikt muzhskogo i zhenskogo v rasskazakh V. M. Shukshina*. ["The Russian man on rendez-vous": the conflict of male and female in the stories of V. M. Shukshin]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2017. No. 3.
- Razuvalova A. *Kul'turnyy surrogat*. [Cultural surrogate]. In: *Vospominaniya o Shukshine*. [Memories of Shukshin]. Moscow, 2017.

Smirnov I. P. *Videoryad. Istoricheskaya semantika kino*. [Video sequence. Historical semantics of cinema]. St. Petersburg, 2009.

Tevs O. V. *Shlyapa*. [Hat]. In: *Tvorchestvo V.M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar' — spravochnik*. [Creativity of V. M. Shukshin: an encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, 2006. Vol. 2.

List of sources

Mariyengof A. B. «*Bessmertnaya trilogiya*». [“The Immortal Trilogy”]. Moscow, 2000.

Shukshin V. M. *Voprosy samomu sebe*. [Questions to yourself]. Moscow, 1981.

Shukshin V. M. *Vnutrenneye sodержaniye*. [Internal Content]. In: *Shukshin V.M. Sobraniye sochineniy*. [Collected works:]. Moscow, 1992. Vol. 2.

Shukshin V. M. *Medik Volodya*. [Medic Volodya]. In: *Shukshin V.M. Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. Moscow, 1993. Vol. 3.

Shukshin V. M. *Vydumannyye rasskazy*. [Fictional stories]. In: *Shukshin V.M. Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. Barnaul, 2014. Vol. 9.

Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language]. In 2 vols. Moscow, 2004.

МЕЖДУ СОВРЕМЕННОСТЬЮ И МИФОМ: РОМАН АЛЕКСЕЯ ВАРЛАМОВА «КУПОЛ»

И. Б. Ничипоров

Ключевые слова: современный русский роман, мифопоэтика, автобиографический дискурс, утопия, городской текст.

Keywords: modern Russian novel, mythopoetics, autobiographical discourse, utopia, urban text.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–13

Роман А. Н. Варламова «Купол» (1999) в общем контексте творчества писателя оказался на пересечении мифопоэтического изображения потаенных глубин русской истории, прерванных траекторий ее движения («Затонувший ковчег», 1997; «Мысленный волк», 2014) и биографического дискурса, представляющего «героя времени» на фоне переломной эпохи («Здравствуй, князь!», 1992; «Купавна», 2000; «Лох», 2003 [Ничипоров, 2021]; «Душа моя Павел», 2018).

В экспозиции романа запечатлен оваянный мистическим чувством «провинциальный топос» [Счастливецова, 2007], развивающийся у Варламова от «Затонувшего ковчег» и иных ранних произведений. Через авторское наблюдение о том, насколько «бедны поезда на Савеловской дороге»³⁰, просматривается едва ли не былинная бесконечность «глухих тверских и новгородских лесов», покрывающих «пыльную провинциальную Русь-Россию». Символической сердцевиной «печального и странно-го края» выступает городок Чагодай, с его нехитрой топографией, «мирной и тихой» историей, в прошлом — с «благодетными, размягченными сонным течением лесной жизни командирами», с вековой инерцией «исправно платить... дань» и безропотно «служить той власти, что на дворе стояла». Условный, но и являющий первоосновы национальной жизни малый город, его природный космос, мистика, а также восходящая к детскому бессознательному мифология задают координаты и эмоциональный фон автобиографии центрального героя, который «вот в таком городе... и родился»: Чагодай «красив был, как детская мечта о белом облаке, на котором прокатиться можно, обволакивал негой и ласкал, и в Чагодае его любили, ждали и гордились своей ма-

³⁰ Текст романа «Купол» приводится по электронному ресурсу: Варламов А. Купол. URL: <https://azbyka.ru/fiction/kupol-aleksej-varlamov/>.

ленькой тайной. В этот туман высыпал на улицы весь город, бродили люди, наталкивались друг на друга и радовались, влюбленные шептали нежные слова, и дети ели туман, как мороженое».

В судьбе Никиты Мясоедова Чагодай образует тугой узел биографических переплетений, служит источником многослойного родового опыта, детских травм и определяет ритмы его драматичных расставаний и возвращений на малую родину, мучительное амплуа неизбывного чужака — «провинциала» в Москве и «москвича» в Чагодае [Касаткина, 1999]. Его отец — выпускник журфака МГУ, из-за любовной драмы осевший в чагодайской газете «Лесной городок», поневоле женившийся здесь на почтальонше, — *«вносил смуту в устойчивую чагодайскую жизнь»*, передал сыну импульс отталкивания от косной среды, от дпящейся со школьных лет череды унижений, от педагогических приемов 45-летней учительницы Золюшко, ставившей учеников в угол со снятыми штанами и тиранившей их за произвольный выбор цвета флажков на рисунке *«к годовщине Великого Октября»*.

Противовес иррациональности местного существования случайно открывается юному герою в увлечении математикой, которое приводит его на всесоюзную олимпиаду, а затем и в интернат при МГУ. Излюбленные у Варламова жанровые черты романа воспитания проступают в истории взросления Никиты в *«благословенном математическом монастыре»*, предваренной сухим отцовским напутствием *«вырваться»* из провинции. Отголоски прошлых надрывов от *«Золюшкина заклятья»* сказались и в несостоявшейся близости с Ниночкой Кругловой в физкультурном зале (*«не смог снять перед девочкой штаны»*), и в его одиноких скитаниях по Москве с безотчетным стремлением постичь нескончаемые лабиринты пространств, когда он *«часами шел пешком по пустынным улицам вдоль однообразных кирпичных домов, заборов, строительных площадок и фабричных корпусов, смиряя ходьбой разгоряченное тело и впечатлительный ум... Дрожал над асфальтом воздух, дули холодные ветры, и ложился на крыши и дороги снег, я переходил длинные мосты над железнодорожными путями и вглядывался в названия конечных станций электричек, запоминал номера автобусов и троллейбусов и словно пытался обнять расползающийся, хаотичный город с его виадуками, каналами, шлюзами, парками, заводами, реками, прудами, церквями, стадионами и трубами теплоцентралей... чувствовал себя в этом нагромождении лесным зверьком, который попал в лабиринт и не может его покинуть»*.

Вхождение в пестрый и подвижный университетский мир, не становившийся у Варламова предметом теплого, хотя и избыточного

нелицеприятными подробностями живописания («Здравствуй, князь!», «Лох», «Душа моя Павел»), занятия в семинаре у незаурядного интеллектуала-чудака Евсея Наумовича Горбунка, который *«вместо теорем... разбирал токкаты Баха... учил искать соответствия между математикой и музыкой»*, рождают в герое ощущение пребывания *«у самой границы познаваемого мира»*, подталкивают *«долговязого, большеногого, большерукого, нескладного подростка»* к напряженному самоосмыслению, осознанию того, что *«между мной и миром внешним лежало непреодолимое пространство»*, а математика обладает скрытой мистичностью, вручает *«ключ к некоей тайне, которую я призван разгадать»*.

Приобщение к общежитской среде, молодежной контркультуре позднесоветской поры, зачарованность *«рысьими глазами лихой девицы»* — *«незнакомки»* Алены из *«нелепого стеклянного здания»* гуманитарного корпуса, которая при проезде кортежа Ярузельского *«сунула мехматовскому лопуху злополучную эмблему польских смутьянов»*, — заражают героя азартом протестного движения, увлекают беспорядочным поиском новых поведенческих сценариев. Он *«принялся читать слепые самиздатовские распечатки, встречаться с такими же ушибленными людьми»*, *«сжег позорную красную книжицу члена ВЛКСМ»*, под гитару стал играть Галича... Его неминуемое изгнание из Москвы, вынужденный уход с выпускного курса мехмата и возвращение в *«чагодайское племя»* на тряском поезде складываются в развернутое метафорическое противопоставление тревожного самоощущения личности — коллективной инертности на *«перегонах»* между историческими эпохами:

Я глядел на темную лесную стену, мимо которой неожиданно прибавивший ход поезд несся, как в бездну, громыхая на стыках рельс и раскачиваясь из стороны в сторону, так что казалось, еще одно колебание — и его сорвет с полотна. Люди спали, никто не подозревал об опасности — только неведомый машинист вел состав назло всему через тьму, ветер и дождь. И мне подумалось, что этот поезд и есть раскачивающаяся на стыках страна — несущаяся Бог знает куда, может быть, уже и не по рельсам, а через топи и болота, и один машинист видит освещенный яркой фарой путь. Но вдруг стало страшно, что машинист заболел, сошел с ума, напился или нет там машиниста. Мчится по безлюдной блестящей дороге поезд без рулевого, разгоняется на рельсах под уклон — и никто в громадной, безмятежной, навешейся, напившейся до отвала и наворовавшейся жалкого добра стране этого не знает.

Блуждания *«талантливого математика со сломанной судьбой»* между Москвой и Чагодаем художественно осмыслены Варламовым и в конкретно-исторической определенности, и с выходами к профети-

ческим обобщениям о перспективах национальной жизни. Усвоенный героем интеллигентский комплекс *«приезжего», «тати», нераскаившегося блудного сына, «постороннего»* в родном городе побуждает его отрешаться от безотрадных реалий семейной и городской жизни, *«глядеть в раскинувшееся от края до края звездное небо... философствовать и размышлять о свете далеких звезд»*. Недоучившийся университетский математик, ставший чагодайским грузчиком на картонажной фабрике, томится *«одиночеством и ничтожеством»* бытия, взирает на нынешнее *«золушкино благополучное доживание»* и безжалостно расценивает его как *«старость нацистского преступника»*. С обостренной, вопреки природному дальтонизму, зоркостью он улавливает необратимые деформации отца, в котором *«все интеллигентское... стерлось»*, которому земельный участок с помидорами, что *«своей кровью выращивал»*, затмил *«белый свет и то упорство, с которым он лазил в горы и противостоял чагодайской рутине»*, а в итоге стал причиной его нелепой гибели. Диагностируя свои спутанные состояния неблагонадежной *«поднадзорности», расхлябанности, затянувшейся инфантильности,* Никита прозревает, как впреддверии надвигающихся общественных перемен парадоксально сблизилась *«стратегии»* начальника милиции Морозкина и, казалось, не имевшего оснований для симпатий к атеистическому государству местного священника отца Алексея. Грезя о *«подмораживании»* России и выстраивании *«обороны»* от окружающего мира, *«невидимо управлял кум чагодайской жизнью»*, был полновластным хозяином *«лесного рая»*, а батюшка-картежник *«только когда речь заходила о католиках... принимался ругать папу римского с такой искренней и пронзительной ненавистью, что это казалось смешным»*. Напитавшемуся воздухом столичного вольнодумства герою приоткрывается подоплека чагодайских страхов и агрессии, ему *«в Алексеевой ненависти... чудилось нечто ущербное — этакое сознание своей неполноценности, как если бы чагодайский поп уразумевал, что, будь он подданным не рабской московской патриархии, а железного папы Войтылы, не пришлось бы ему заискивать перед властью»*.

Яркому, мятежному Эросу московской *«черноглазой блондинки»* Алены, принявшей католичество диссидентки, противостоит в Чагодае молчаливое очарование 17-летней Инны, обреченной на одиночество и тоску сотрудницы городской библиотеки, с которой герой прогуливался *«вдоль сумеречной Чагодайки»*, имел неловкую близость в *«пахнущем восточном церковном домике»* и жил *«нерасписанным»*, вяло подумывая о том, *«не правильнее ли было постричься в монахи»*.

Тяга к «перемене мест», надежда *«стряхнуть с себя неудачное прошлое»* обусловили новое появление героя Варламова в *«изгнавшей»* его некогда Москве, где осенью на рынках *«торговали чагодайскими опятами и клюквой»*. В изменившихся политических условиях стремительное превращение в *«общественного человека»*, вступление в *«писательский союз»* оборачиваются для него навязанной ролью *«жертвы тоталитарного режима»*, конъюнктурным предложением баллотироваться в депутаты от Чагодая. Неготовность разменять Чагодай как значительную внутреннюю тему на сиюминутные столичные выгоды, выставить родной городок *«на показ и поругание»*, *«стать маленьким моисеем с берегов пошехонского Нила и возглавить шествие своего племени через пустыню»* — обрекают его на *«вычеркивание»* из *«тайного списка»*, ограниченность кругом частного существования, когда он *«снова сделался свободен и никому не нужен»*.

Живя в недолговечном *«полуформальном, полуфактическом браке»* с Аленой вначале на Чистых прудах в соседстве с *«татарами-дворниками»*, затем в *«однокомнатной квартире за кольцевой дорогой с видом на гигантское кладбище и крематорий»*, работая водителем у торгующих на рынке вьетнамцев, инструктором в автошколе, ведя уединенную жизнь *«в темной комнате»*, — Никита Мясоедов *«в эпоху угрюмых времен»* ощущает себя *«лишним»* *«тридцатилетним человеком без образования»*, тщетно мечтающим *«открыть свое дело»*, создать с Аленой *«творческую семью, несущую бремя опрятной бедности»*. Минувшие времена, освоенные некогда пространства замещают ему малопонятную современность, в его сновидениях и воображении причудливо перекликались *«чагодайские пригорки, московские улицы, женские лица, голоса, вокзалы, берега больших рек, мансарда перед убранном черным полем, дачные места под Москвой, забитые битком аудитории университетов и пединститутов, дворцы культуры и клубы, квартира на Тверской, штаб народной партии, большие сибирские города, писательские дома творчества, костры на берегу моря, вино и маленький теплый Тбилиси»*.

Выпадение из исторического времени и отвержение предложенных им социальных масок, дистанцирование от среды — чагодайской и московской — оставляют герою Варламова удел скептического созерцателя того, как *«мимо равнодушно катились события»*, служившие в его представлении лишь *«пестрой и аляповатой ширмой, за которой вымирала страна»*.

Кульминацией романного действия, переводящей его из эмпирического в мифологическое измерение, становится получение Никитой

из «агонизирующего российского города» Чагодая приглашения прибыть на юбилей в честь «тысячи лет со дня своего основания».

И предстоящий юбилей, и путь в Чагодай предстают в произведении на грани яви и творческого вымысла, как «посмертное путешествие души» в страну утопического «золотого века», в мир личного и всечеловеческого детства. В сопровождении загадочных собеседников, спутников, двойников 35-летний герой, словно сбрасывая прежние обличия своего «я», совершает это самозабвенное паломничество на машине без прав, документов, со свинченными номерами в то время, как «шелестело по стране имя лесного городка, который... растворился и исчез». Отходя от принципов реалистического письма в область условных форм, автор в призме онейрических восприятий персонажа рисует Чагодай как «пропавший» «в сильном тумане» город, который «отрезало от мира, как отколовшуюся льдину, и понесло неведомо куда». Атомизированное прежде существование местных обывателей оказалось теперь заключенным в непроницаемую «куполообразную сферу», а сам Купол — это «наглухо задраенное сооружение», вступающее в сакральные ассоциации с «ветхозаветным облаком, из которого Господь говорил с Моисеем», — образует «таинственную зону», сверхличное силовое поле, понуждающее всех выходцев из Чагодая «вернуться на историческую родину» и огражденное от внешнего мира «ключей проволокой» и «часовыми».

Город «в воронке», на который «упал туман», где «долгий чагодайский день ушел за горизонт» и «все обесцветилось», выведен Варламовым в качестве мифопоэтического образа заповедного пространства, гротескового преломления прародины человечества, пребывающего, как увиденные героем безмолвная мать или Инна с детьми, в дорефлективном, оцепенело-бесстрастном состоянии. Как будто воплотившаяся возвышенная русская идея Инонии, Китежа, «Города за рекой, русского Израиля», Царства Божия на Земле отягощается охранительными морозкинскими чаяниями упрятать «под Купол» склонный к инакомыслию мир, а в мечтах отца Алексея «весь Чагодай должен был прийти в один большой собор и молиться, и утвердить превосходство его правильной веры над проклятыми латинянами».

Неоимперская и отчасти «руссоистская» утопия нового Чевенгура, актуализированная атмосферой постперестроечных разуверений («весь этот Чевенгур — только утонченная русская прелесть»), находит своего апологета в лице бывшего университетского наставника Никиты Евсея Горбунка, усматривающего в Куполе предотвращение «распада Земли», сдерживание «бунта ноосферы», спасительную «защиту от мира и бегство». Мир под Куполом делеет иллюзию сохранения неповрежденной

духовной жизни хотя бы у части человеческого рода, коль скоро чагодайцы «молились так уже тысячу лет» и, достигнув высоты святости и чудотворений, «*ходят теперь по воде, и им так удобнее*».

Перерастая в антиутопию [Федорова, 2012], изображение «подкупольной» реальности приобретает в произведении абсурдистские черты. Герой встречает здесь толстую девочку Светку Золюшко — то ли призрачную тень памятной ему жестокой «учителки», то ли ее ретроспективную проекцию — и вместо естественной для него раньше реакции отторжения впадает в бессмысленный хохот, внушенный царящим здесь искажением эмоциональных проявлений, ситуацией нелепого общения гонителей и их жертв: «*Я побежал за ней, но она вскочила на поверхность воды и оттуда, кривляясь, стала делать рожи. Ее глаза торжествовали. Я засмеялся, и Золюшко засмеялась в ответ — так мы хохотали, глядя друг на друга, разделенные временем, чудом и водой*».

«Автономные» от мира квазидуховность и социальное устройство Чагодая емко сфокусированы в метафоре «отцепленного вагона»: здесь «*жители впали в сон и накрылись одеялом, пока машинисты не решат, куда ехать поезду. Вот и спит Чагодай медведем в берлоге, гусеницей в коконе, чтобы дожидаться теплого ветра и весеннего дождя, проснуться и зазеленеть*».

Впрочем, автор, творчески чуждый жестким антиутопическим разоблачениям, придает мифу о Чагодае преимущественно скорбно-элегическое звучание. Его неприкаянный герой, пусть и содрогнулся от увиденного под Куполом, все же опечален тем, что здесь он, как и прежде, «*остался чужим, и на халяву Царство Небесное меня принять не смогло*». Ностальгически обозревая навсегда покидаемые места будто с высоты птичьего полета, он видит в них «*памятник моей колыбели — прожитой жизни и несостоявшейся любви*», концентрацию коллективной прапамяти, поэтому, по его мысли, Чагодай «*заслужил мемориал под пуленепробиваемым стеклом, который должен был сохраниться на Земле даже тогда, когда не останется на ней ничего, как стояли далеко отсюда посреди пустыни великие пирамиды, чтобы сотни или тысячи лет спустя, в новой эре или новом зоне уцелевшие и преобразенные люди разгадали секрет Купола, проникли под сырые своды, раскопали обломки чагодайской цивилизации и узнали о каждом, кто жил на этой Земле, и восплакали об их судьбе и судьбе человека, которого Чагодай не досчитался*». Совпавшая с его уходом гибель Чагодая от бомбардировки «*стайкой изящных остроклювых самолетов*», при которой «*небо светилось как во время фейерверка, и слышны были сухие раскаты в небесах*», — походит на безобидную сказочную бутафорию и оставляет ощущение оче-

редного погружения неотрефлексированного и неизжитого мифа о вождьденном Куполе в недра народного опыта.

В эпилоге исповедальное повествование достигает пика безысходности и обретает горькие провиденциальные черты. Одряхлевший герой «давно не живет в России», и, хотя ему удалось воссоединиться с удочеренной им когда-то маленькой девочкой, он прозябает в «приятном для бездомных эмигрантов», а его тоска по «далекой родине», «жальность к потерянной земле», «любовь, едва теплящаяся в холодном и пустом сердце дальтоника» оказываются особенно щемящими в условиях, когда Россия в который раз обернулась «затопленным ковчегом», «давно отозвала посольства, перекрыла границы и ушла из мира».

Итак, появившийся на исходе 1990-х гг. роман А. Варламова «Купол» парадоксальным образом контрастирует с социокультурными, политическими тенденциями той поры и, вопреки, как виделось тогда, серьезным демократическим трансформациям, предугадывает обратную направленность общественной жизни последующих десятилетий. Автобиографический дискурс произведения впитывает и подвергает нетривиальному осмыслению симптоматичные приметы позднесоветской поры и послеперестроечного десятилетия. Это университетская среда в диапазоне от аудиторий до общежитий и неформальных молодежных движений; Москва конца 80–90-х гг. со встрепенувшимся было гражданским обществом, но и цинизмом политических спекуляций, непомерно растущим влиянием рыночных отношений, кризисом интеллигентского самосознания; это и провинциальный мир, погибающий и выживающий в условиях социальных катаклизмов, исподволь вынашивающий утопические модели идеального мироустройства. Чересполосица жизненного пути варламовского интеллигента пролегает между пространственными и смысловыми полюсами современности, образы эмпирической действительности перетекают в мифологическую картину мира — с псевдорелигиозными изоляционистскими проектами Царства Божия на земле, всеобъемлющего Купола, сокрытого туманом Города, «ушедшей из мира» России.

Библиографический список

- Касаткина Т. Подростковый период // Новый мир. 1999. № 11.
- Ничипоров И. Б. «Стихийный философ» на границе эпох: роман А. Варламова «Лох» // Art logos: научный журнал. 2021. № 2.
- Счастливецва Ю. А. Проза Алексея Варламова 1980–1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007.

Федорова Т.А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2012.

Источник

Варламов А. Купол. URL: <https://azbyka.ru/fiction/kupol-aleksej-varlamov/>

References

Kasatkina T. *Podrozkovyy period*. [Teenage period]. In: *Novyy mir*. [New world]. 1999. No. 11.

Nichiporov I. B. “*Stikhiynny filosof*” *na granitse epoch: roman A. Varlamova “Lokh”*. [“Spontaneous Philosopher” on the border of epochs: A. Varlamov’s novel “Sucker”]. In: *Art logos. Nauchnyy zhurnal*. [Art logos. Science Magazine]. St. Petersburg 2021. No. 2.

Schatlivtseva Yu. A. *Proza Alekseya Varlamova 1980–1990-kh gg.: zhanrovo-stilevoe svoeobrazie*. [Alexey Varlamov’s prose of the 1980s — 1990s: genre-style originality]. Abstract of Filology. Cand. Diss. Magnitogorsk, 2007.

Fedorova T.A. *Poetika prozy Alekseya Varlamova*. [The poetics of Alexey Varlamov’s prose]. Abstract of Filology. Cand. Diss. Astrakhan, 2012.

A source

Varlamov A. *Kupol*. [Dome]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/kupol-aleksej-varlamov/>

КОНЦЕПТ «АЛТАЙ-КИЖИ/АЛТАЕЦ» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ³¹

Н. С. Гребенникова, Е. А. Тозыякова

Ключевые слова: концепт, «алтай-кижи/алтаец», национальная идентичность, алтайская литература, менталитет, образ Алтая.

Keywords: concept, “altai-kizhi/Altaiian”, national identity, Altaian literature, mentality, image of Altai.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–14

Литература народов Российской Федерации в условиях мультикультурного диалога характеризуется подъемом национального самосознания. Проблема национальной идентичности и путей ее формирования актуальна и для алтайской литературы.

Современная алтайская литература, как любая этническая литература, прошла сложный путь становления от фольклорных форм к современным самобытным произведениям, синтезирующим традиции устного народного творчества с поэтикой мировой литературы. Специфика алтайской литературы выражается в тесной связи этико-философской системы современных писателей и поэтов с мировоззрением предков. Для писателей-алтайцев порой сам процесс творчества направлен на обретение/восстановление/созидание своего внутреннего духовного баланса, через обращение к национальным культурным истокам.

Современная алтайская литература обладает широким спектром возможностей репрезентации этнонациональной ментальности. Этнокультурные элементы — органичная часть алтайской литературы. В произведениях писателей и поэтов Горного Алтая (Б. Бедюров, Б. Укачин, П. Самык, Г. Кондаков) национальное своеобразие выражается на всех уровнях поэтики: стилистическом и образном уровнях; особенностях поэтической техники, близкой фольклорным приемам; сюжетном уровне и т.д. Об использовании этнографических данных и элементов в произведениях алтайских писателей и поэтов писала этнограф Н. М. Шати-

---

³¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20–412–040005 p_a «Концепт «алтай-кижи»/«алтаец» в фольклоре и литературе Горного Алтая в контексте национальной идентичности».

нова, отмечая, что этот материал позволяет воссоздать художественными средствами жизнь и мировоззрение алтайцев [Шатинова, 1979, с. 51].

Алтайская литература тяготеет к осмыслению национальной идентичности, что дает материал для анализа того, как складывается в современных условиях «самообраз» этноса, каково представление этноса о себе, своей культурной и этнической специфичности, подвергающейся деформации под воздействием цивилизационных факторов. В центре нашего внимания исследование этноконцепта «алтай-кижи/алтаец», транслирующего в художественном дискурсе своеобразие алтайского национального самосознания. Наша задача — проследить, из каких компонентов оформляется этноконцепт и какие смыслы он репрезентирует в алтайской литературе.

Содержание этноконцепта составляет сложная совокупность смыслов, связанных, с одной стороны, с универсальной семантикой понятия «человек». С другой стороны, концепт «алтай-кижи/алтаец» в региональной литературе выступает как константа национального характера и менталитета. Специфические составляющие содержания концепта репрезентируют особенности национального самовосприятия и включают этнокультурные компоненты, связанные с традиционными ценностями и представлениями; духовными, культурными практиками алтайцев; ритуально-обрядовой деятельностью; историей народа; мифологией, фольклором; традиционной хозяйственной деятельностью; местами родовой памяти и предметами символического значения; алтайским языком; укладом жизни; природным ландшафтом и, в целом, с регионом Алтай.

В мифопоэтическом пространстве произведений Б. Укачина, П. Самыка, Б. Бедюрова, Г. Кондакова представлен симбиоз фольклорного, мифологического и этнографического начал, транслирующий особенности мироощущения алтайцев. Ключевым маркером региональной идентичности и компонентом концепта «алтай-кижи/алтаец», несомненно, является образ Алтая. Именно особое отношение к родной земле — Алтаю является ключевой характеристикой национальной ментальности.

Традиция сакрализации и восхваления своей земли, которая является защитницей и опорой, заложена еще в фольклорном сознании алтайцев. Подчеркнем, что сакральное является базовым компонентом этнической культуры и присутствует повсеместно, начиная от эпоса, разнообразных фольклорных жанров и религиозно-культовой практики до современной литературы и художественной культуры.

Для писателей и поэтов Горного Алтая характерна мифологизация образа родины, когда традиционная для мифологического мыш-

ления алтайцев сакрализация родной земли предоставляет возможность для создания современного мифа о причастности индивидуальной авторской национальной идентичности к родной культуре и истории своего народа.

В творчестве алтайских поэтов и писателей образ Алтая воплощает в себе архетип Дьер-Суу. Совокупность земли и воды Дьер-Суу являет собой извечность природы, стихии постоянного движения. Олицетворением вечности являются горы, будучи недвижимыми и неизменными, а вода же, напротив, передает вечную изменяемость природных процессов; ее стремительный и мощный поток служит реликтовым образом мифических рек, которых почитают на Алтае — Бия и Катунь. Дьер-Суу можно рассматривать как образ Родины-Матери в единстве ее пространственно-временных, культурно-этнических, духовных измерений.

Материнское начало в образе родной земли-воды Дьер-Суу ярко описано в алтайском фольклоре, когда земля-вода рождает великих богатырей, как, например, в эпосе «Когутэй» и «Кан-Алтын». Для каждого алтайца Родина — это богиня-мать Дьер-Суу, дарующая силу и защиту своему народу. Бронтой Бедюров в стихотворении «Песнь о Дьер-суу» описывает родину-Алтай как сакральное пространство абсолютной гармонии и чистоты духа:

*Воздухом, чистым, как этот,
Где мне еще дышать?
Землю, такую, как эта,
Где мне еще найти?*

(Бедюров, 1983, с. 26)

Поэтический дискурс Бедюрова насыщен национальными кодами. Через обращение к национальным традициям, фольклору, мифологии поэт создает особый поэтический мир, в котором сконцентрированы базовые составляющие алтайской идентичности: родина-Алтай, алтайский народ, родной язык, пантеон, история, культура и традиции алтайского народа:

*Это — с грудью гудящей, как колокол, вещей народ.
Прост и горек язык, уходящий корнями во тьму,
С небывалой судьбой, просквозившейся через двадцать столетий,
В нем — напев колыбельной и бешеный ветер,
Но по древности с духом никак не сравниться ему*

(Бедюров, 1983, с. 26)

Обобщенный образ своей земли в стихотворении «Песнь о Дьер-Суу» поэт осмысливает через связь Дьер-Суу с историей своего родного народа, придавая особый эффект величавости и эпичности этому образу:

*Ибо дух — это воздух, и небо, и вещей народ,
Это — мать земля, горделивая мать Алтая,
Это голос Дьер-Су, что извечно в народе живет,
Иногда затихая, но не затухая...*

(Бедюров, 1983, с. 26)

В сакральном хронотопе Дьер-Суу пребывают все предки, а также современники и будущие поколения алтайского народа. Дети Дьер-Суу — это все алтайцы, пространство Дьер-Суу — вечно, как вечен народ, здесь проживающий.

Мифологизацию образа родины мы видим практически во всех текстах алтайских классиков. В повести Бориса Укачина «Убить бы мне год» лейтмотивом звучит молитва родине-Алтаю:

Благослови нас, великий Алтай! <...> Эй, <...> благослови нас, великий Алтай! От имени своих несчастных и беспомощных детей обращаюсь к тебе, низко преклоняем колени, просим смиренно. Алтай, останови своих хищников! Освободи нас от приближающейся беды, от зла <...> побереги нас?! (Укачин, 1983, с. 27–28).

В повести Б. Укачина своя земля покровительствует в равной мере и человеку, и зверю. В традиционной картине мира алтайцев природа — мать всему на земле, поэтому люди и звери — братья. Даже охотясь на волков, алтаец в тексте Б. Укачина ощущает свое родство со зверем. Так об этом говорит в повести герой Борбок-Кара: «Ведь и у волка есть сердце, ведь и у волчицы есть боль, и жизнь есть и смерть!...» (Укачин, 1983, с. 73).

Традиционная на Алтае охота в мифопоэтическом пространстве повести Б. Укачина переосмысливается в новом ракурсе. Это уже не только промысел, но и братоубийственная война, в которой нет победителей, где все участники лишь пострадавшие: «Весною мы выслеживали волчиц, безжалостно разоряли логова, убивая волчат. Не оттого ли сейчас я все чаще стал болеть и мучиться? Может, это проклятья волков?...» (Укачин, 1983, с. 73). И эти слова заставляли мальчишек, которые символизируют в повести будущее поколение, задуматься над трагедией волка и человека: «Есть между ними какая-то связь и в то же время бездонная пропасть. Может быть, во всем этом отразились беды и тревоги времени?...» (Укачин, 1983, с. 73).

В идее неразрывной связи всего живого на земле проявляется этноэкологическое сознание, свойственное коренному народу Горного Алтая. Более того, на священной земле Алтая все пронизано особой энергией созидания. Носители традиционной культуры живут в тесной связи с живой природой, что регламентирует нормы поведения и взаимо-

отношения с ней. Природа одушевлялась, очеловечивалась: «*И эти деревья, и солнце имеют уши, балам. Все они понимают и слышат твой голос. У них есть глаза, уши, даже язык*», говорит в повести Б. Укачина «Убить бы мне голод» тетушка Кажакай (Укачин, 1983, с. 41).

Идею одушевленности природы находим и в поэзии Б. Укачина. Так, в цикле «Тайны родных камней» поэт в соответствии с древней мифопоэтической традицией одушевляет камни:

*Есть у них язык и разговор,
Камни, кто сказал, что вы безмолвны?*

(Укачин, 1987, с. 29)

Камни становятся для поэта олицетворением алтайцев:

*Камни верны краю своему,
В них характер моего народа.*

(Укачин, 1987, с. 29)

И эта метафора становится основополагающей в творчестве Б. Укачина; она не только определяет его отношения с этнокультурным прошлым, но и структурирует в целом мышление этнического человека. Поэт естественно общается с камнями, как с соплеменниками:

*Чай согрей. Отдохни и не спеши
Сам поешь и перед камнем поставь
Пиалу, поклонившись от души*

(Укачин, 1987, с. 29)

Камни — это окаменевшие богатыри («Легенда о Камне Кезер-Таш», «Легенда о Камне Кедюрге-Таш», «Легенда о Камне Батыр-Таш»). Другие сопоставляются с представителями животного мира: («Легенда о Камне-Змее», «Легенда о Камне-Мышке», «Легенда о Камне-Верблюде», «Легенда о Камне-Корове», «Легенда о Камне Учук-таш» (камень-жила), «Легенда о Камне-Медведе», «Легенда о Камне-Рыбе»). Эти камни, как и животные, которые с ними ассоциируются, являются сакральными для алтайцев, к некоторым из них возводят свое происхождение отдельные секи. Они покровительствуют алтайцу: исцеляют раны, оберегают скот от хворей (Учук-таш), защищают землю от бед и невзгод (Камень-Верблюд, Камень-Медведь), способствуют приплоду (Камень-Корова). Но камни выступают не только в роли оберегов, они могут и наказывать человека за определенные проступки («Легенда о Камне-Враге»); могут мстить («Легенда о Камне-Змее»); пить по капле кровь и высушивать плоть («Легенда о Камне-Пожирателе»).

У Камня Бургы-Таш (камень-зубило) своя «историческая» миссия; он донес до потомков письмен о «делах промчавшихся времен». В рисунках древних запечатлена вся история родного народа:

*Кем и как народ был покорен,
Как победу одержал в итоге»*

(Укачин, 1987, с. 102)

Так, в лирике Б. Укачина камни уподобляются народу Алтая: они рождаются, проживают свой жизненный цикл, умирают и снова возрождаются.

В итоге мифопоэтический дискурс Б. Укачина становится сгустком сакральной информации. Поэт высвобождает метафорический смысл образов, истоки которых лежат в глубокой архаике, в этнокультурных кодах, превращая их в устойчивые культурно-значимые символы. Камень обладает в поэзии Б. Укачина сакральной, мифологической и исторической семантикой: он концентрирует в себе и онтологическое, и космологическое начало, формируя цельную этническую картину мира.

В этот этномифозеологический комплекс алтайцев органично вписывается и почитание гор. Так, в стихотворении Паслея Самыка (Самыков Василий Тордоевич) «Молитва духу Алтая» горы выступают святыней для алтайцев:

*Мы, алтайцы, горам поклонялись...
Мы, алтайцы, молились горам*

(Самык, 2001/1989, с. 76)

С древних времен до современности горы охраняют землю и народ Алтая:

*Наши горы седые
Защитить нас сумели
От вражьих мечей и оков.*

(Самык, 2001/1989, с. 76)

В поэтическом дискурсе Паслея Самыка горы — хранители народной памяти, для лирического субъекта они ассоциируются с предками:

*Это наши отцы,
И они неприступны и горды,
Это наши спасители,
Боги, пришедшие к нам,
Молчаливы они —
С великаньими ликами горы,
И народ мой вовек
Благодарен и предан горам*

(Самык, 2001/1989, с. 76)

Аналогичное восприятие гор как защитников мы находим в стихотворении Б. Укачина «Страх»:

*Все по-прежнему там, в родных горах,
Там каждый камень — щит мне и опора:
На то они и есть — родные горы!..*

(Укачин, 1987, с. 67)

В ином аспекте трактуется образ горы в творчестве Георгия Кондакова. Гора приобретает в его поэзии сложную философско-символическую трактовку. Основной пространственный и ценностный ориентир, связанный с концептом горы, в творчестве Г. Кондакова — ее «высотность», «вершинность», которая становится ключевым образом во многих стихотворениях.

*Стремительно уходят горы ввысь,
В бездонном небе будто ищут что-то.*

(Кондаков, 1990/1959, с. 36)

Вершина горы символизирует духовный абсолют. Гора отождествляется с внутренней высотой духа. При этом она лишается своих материальных черт и становится воплощением идеи, источником художественного вдохновения, озарения, духовного обновления и преображения.

*К вам, молитва, горы. Станьте горы
Родиною духа моего.*

(Кондаков, 1990/1959, с. 36)

Основным лейтмотивом в трактовке образа горы становится состояние нравственного катарсиса в душе человека, преображения как следствие его причастия к тайнам мироздания через постижение духа горы.

Своя земля в эпосе и в поэзии — это идеальный локус, средоточие порядка и гармонии. Сакральным центром этой территории является гора-прародительница. Практически каждый алтайский сеок/род имел свою священную гору, на которой проходили ритуально-обрядовые действия. Для алтайского менталитета характерно восприятие горы как вариации идеи мирового древа. В традиционной картине мира алтайцев гора включает все элементы космоса, соединяя три мира алтайского мироздания: вершиной уходит в верхний мир, сама является центром среднего мира и основанием своим граничит с нижним миром.

Мировоззрение коренного народа Горного Алтая характеризуется космизмом. Алтайский космизм выступает смыслообразующим фактором в мифологии и эпосе, где понимание человека и его судьбы рассматривается в неразрывном единстве с космическими законами вселенной. Космизм как мировоззренческий феномен в полной мере отражается в литературных текстах. Так, в поэтическом дискурсе П. Самыка представлено характерное для алтайского менталитета стремление связать воедино понятия: человек — алтай-кижи/алтаец — история — Ал-

тай — земля — космос, которые в произведениях поэта представлены как взаимоотражающие феномены.

В стихотворении «В глубинах гор» лирический субъект сливается духовно и телесно с ландшафтом родины:

*Я здесь возник — в глубинах гор,
И грохот падающих рек
Теперь в крови моей навек <...>
Да, я возник в глубинах гор,
И грозный отблеск ледников
Упал на дно моих зрачков.*

(Гребенникова, 2004, с. 393)

Пространство родной земли наполнено звуками алтайского языка: «Слова родного языка // Как серебро гремят во рту»; история Алтая, история родного народа переплетаются с вечностью и обретают сакральный смысл для лирического субъекта: «Истории моей века // Пьянят, как тлеющий арчин» (Гребенникова, 2004, с. 393).

Так, в мире алтайской литературы образ Алтая мифологизируется, реализуя архетип Дьер-Суу. Родная земля в текстах алтайских поэтов и писателей предстает как модель малой Вселенной. Центром этого мира выступает алтай-кижи/алтаец, через него проходят духовные оси алтайского космоса. В текстах алтайских поэтов и писателей концептуализированный образ алтай-кижи/алтаец репрезентирует универсалию человек и одновременно транслирует национальную идентичность алтайских литераторов посредством обращения к основам родной культуры, историческому опыту и духовным практикам алтайцев. Включая в мир художественных произведений духовные и нравственные ценности, созданные предками, писатели и поэты (Б. Бедюров, Б. Укачин, П. Самык, Г. Кондаков) оказывают влияние на формирование национального самосознания алтайского народа в современных условиях быстроизменяющегося мира.

Библиографический список

Шатинова Н. Использование этнографического материала в произведениях алтайских писателей // Улагашевские чтения. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1979.

Источники

- Бедюров Б. Я. Твердыни Алтая: стихи: пер. с алт. М., 1983.
Гребенникова Н. С. Вселенная мифа. Горно-Алтайск, 2004.
Кондаков Г. В. Праздник росы. Горно-Алтайск, 1990.
Укачин Б. Повести. М., 1983.

- Укачин Б. У. Автопортрет: Стихотворения и поэмы. М., 1987.
Самык П. Созвездие любви: стихи и поэмы. Горно-Алтайск, 2001.

References

Shatinova N. *Ispol'zovanie etnograficheskogo materiala v proizvedeniyakh altayskikh pisateley*. [The use of ethnographic material in the works of Altai writers]. In: *Ulagashevskie chteniya*. [Ulagashev readings.]. Gorno-Altaysk, 1979. Iss. 1.

List of sources

- Bedyurov B. Ya. *Tverdiny Altaya: stikhi*. [Strongholds of Altai: poems]. Moscow, 1983.
Grebennikova N. S. *Vselennaya mifa*. [The Universe of Myth]. Gorno-Altaysk, 2004.
Kondakov G. V. *Prazdnik rosy*. [The Dew Festival]. Gorno-Altaysk, 1990.
Ukachin B. *Povesti*. [Stories]. Moscow, 1983.
Ukachin B. U. *Avtoportret: Stikhotvoreniya i poemy*. [Self-portrait: Poems and poems.]. Moscow, 1987.
Samyk P. *Sozvezdie lyubvi: stikhi i poemy*. [Constellation of love: poems and poems.]. Gorno-Altaysk, 2001.

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

ЛИТЕРАТУРА СИБИРИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: Литература Сибири, В. П. Трушкин, социокультурное пространство, Иркутский государственный университет (ИГУ).

Keywords: Literature of Siberia, V. P. Trushkin, socio-cultural space, Irkutsk State University (ISU).

DOI 10.14258/filichel(2022)1–15

В Иркутске 23–24 сентября 2021 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Литература Сибири в социокультурном пространстве», посвященная 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Прокопьевича Трушкина (1921–1995).

По общепризнанному мнению, В. П. Трушкина можно назвать «Ламарком сибирской литературы», а в его научных трудах предстала Сибирь от Урала до Тихого океана. В работе конференции приняли участие непосредственные ученики и коллеги профессора по Иркутскому университету, доктора филологических наук, литературоведы И. И. Плеханова, А. С. Собенников, С. Р. Смирнов, известные ученые-филологи из других сибирских вузов — Барнаула, Кемерово, Красноярска, Томска, Улан-Удэ, исследователи и знатоки сибирской литературы из Москвы и Санкт-Петербурга.

На пленарном заседании с интересом были встречены «Слово об учителе» (С. Р. Смирнов), а также глубокие проблемные доклады С. М. Козловой «„Тайжане“ В. Шишкова и „юдики“ В. Шукшина: к проблеме идентичности сибирского характера» (Барнаул), И. А. Айзиковой «Образ Сибири как трансграничного пространства в духовном журнале „Странник“» (Томск), И. И. Плехановой «О сибирской художественной ментальности и менталитете: эволюция оценок в контексте истории» (Иркутск). Оригинальное прочтение творчества томского прозаика В. Костина предложил А. С. Собенников (Санкт-Петербург).

Работа конференции проходила в шести секциях. В секции «Концептуальные образы сибирской прозы» с интересными докладами выступи-

ли Е. А. Папкина «Образ Беловодья в прозе писателей Сибири 1920-х гг.» (ИМЛИ РАН, Москва), Т. Л. Рыбальченко «Изменение семантики образа тайги в прозе В. Астафьева: сентиментальный, натурфилософский, социокультурный аспекты» (ТГУ, Томск), Н. С. Цветова «Круглая и теплая земля» в прозе В. Липатова» (Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, СПбГУ); разнообразная палитра сибирской литературы была представлена в выступлениях Т. А. Богумил «Алтайский текст в творчестве Виталия Бианки» (АлтГПУ, Барнаул), Г. С. Бадуевой «Тема катастрофы в прозе Бурятии 1990–2000-х гг.» (БГУ, Улан-Удэ), И. А. Ащеловой «Особенности образа Сибири в прозе В. М. Мазаева» (КРИПК-ПРО, Кемерово), Т. Б. Баларьевой «Своеобразие современного бурятского рассказа» (ИГУ, Иркутск), М. Л. Штуккерт «Природа, власть, судьба: доминанты сибирского пространства в „историческом фэнтези“ А. Иванова» (ИГУ, Иркутск).

В секции «Сибирь между Западом и Востоком: рецепция, критика, синтез» выступила Анна Скотницка (Ягеллонский университет, Краков, Польша). Ее доклад был посвящен книге польского писателя-филолога Михала Мильчарка, в которой центральное место занимает «сибирская тема».

Представители красноярской научной школы Р. А. Григоренко (СФУ), А. Ю. Горбенко, В. В. Чекушин (КГПУ им. Астафьева) обратились к разнообразным аспектам жизни и творческой деятельности Вл. М. Крутовского, Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Модели социокоммуникативного пространства в фольклоре Сибири (на материале сборников под редакцией Г. Н. Потанина) рассмотрела И. Ф. Гнюсова (ТГУ, Томск). С оригинальным и эмоциональным сообщением выступила Е. Б. Лурье (отдел Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля «Дом-музей Б. Л. Пастернака», Москва). Она рассказала о «сибирском следе» в Переделкине (на материале малоизвестных архивных источников). А. Е. Сокольников (ИГУ) проанализировал образы памятников А. Вампилову.

Секция «Сибирь в реальном и художественном пространстве» открывалась интересным докладом В. А. Суханова «Сюжет освоения Сибири в прозе В. Н. Макшеева» (ТГУ, Томск). Выступление касалось не только интерпретации собственно творчества В. Макшеева, но акцентировало проблему теоретической неясности некоторых терминов, формирующих понятийный аппарат описания региональных историко-литературных процессов.

Об особенностях преломления реального географического пространства в художественное говорил А. И. Куляпин (АлтГПУ, Барнаул). Ис-

следование касалось рассказа К. Паустовского «Правая рука», в котором художественное пространство Белокурихи моделируется по аналогии со сказочно-мифологическим, а не географическим. Позитивный полемический отклик получил доклад А. А. Митрофановой «Сборник "Ближний свет издалека" в свете теории русского национального стиля» (СПбГУ, Санкт-Петербург), в котором речь шла об актуализированном в новейших стилистических теориях понятии русского национального стиля, восходящего к работам В. В. Виноградова. Доклады Е. А. Макаровой (ТГУ, Томск) и А. П. Шинкаревой (ИГУ, Иркутск) были посвящены важной роли исследований В. П. Трушкина в формировании кардинального направления науки — литературного краеведения.

В. П. Трушкин заново открыл и вернул в литературу имя И. Гольдберга, творчеству которого посвятили свое исследование О. Ю. Юрьева и Е. А. Юрьева. О сибирском фронтире как «культурно-философском измерении» шла речь в докладе С. В. Мельниковой «Проблема сибирского фронтира в сочинениях православного духовенства XIX — начала XX века» (Иркутская областная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского, Иркутск). В контексте разговора о сибирской духовной литературе прозвучало интересное разыскание Н. В. Дуловой «Источники легенды о старце Фёдоре Кузьмиче» (ИГУ, Иркутск).

Секция «Этическая и педагогическая традиция сибирской литературы» объединила исследователей сибирской литературы и культуры из разных стран. Необычный взгляд на литературный Иркутск представил Тапмен Эрин Ши (Принстонский университет, США), каталогизировавший и описавший 95 лавочек набережной Иркутска, на которых нанесены цитаты. Доклад Сатьябхан Синх Раджпута (Хайдарабадский университет, Индия) касался нравственной проблематики творчества Валентина Распутина. Чжан Лэй (ИГУ, Иркутск) представила концептуальный обзор распутиноведения в Китае.

Бурятская культура и литература — важные составляющие социокультурного пространства Сибири. Своим опытом преподавания курса «Фольклор и литература Бурятии» у филологов-русистов поделилась И. В. Булгутова (БГУ, Улан-Удэ), а национально-художественные особенности бурятской литературы на уровне речевой характеристики персонажей рассматривались в докладе Т. Б. Тагаровой (ИГУ, Иркутск).

Живой отклик вызвало выступление Е. М. Горбуновой (ИГУ, Иркутск), посвященное изменению нравственного облика героя-подростка в сибирской детской литературе. Анализу хронотопа тыла в повести Г. Пакулова «Глубинка» посвящено исследование Н. Н. Подрезовой (ИГУ, Иркутск). Описывая персонажную систему произведения, автор прихо-

дит к заключению, что писатель даёт патриархальное видение этого исторического периода, идущее в разрез с устойчивой традицией матриархального изображения тыла в русской литературе.

Секция «Поэтический потенциал сибирской ментальности» открылась докладом Н. В. Налегач «Образ сибирской реки в поэзии Г. Юрова» (КемГУ, Кемерово), в котором река Томь предстает не просто лейтмотивом всего творчества кузбасского поэта, но миромоделирующим образом. Иркутскому андеграунду 60–70 гг. XX в. посвящено выступление И. В. Сесейкиной (СОШ № 15, Иркутск). В поле зрения исследователя оказались два имени неофициальной культурной жизни города — поэта В. П. Трофименко и художника С. В. Старикова, чьё творчество мало кому известно в наши дни. Автор опирался на неопубликованные материалы личного архива, демонстрация которых сформировала особую атмосферу заседания «поэтической» секции.

Внимание Н. М. Кузьмищевой (ИГУ, Иркутск) было сфокусировано на творчестве иркутского поэта Алёны Рычковой-Закаблуконской. Разговор о современной иркутской поэзии был продолжен докладом Е. В. Сумароковой «Образы города в современной иркутской поэзии» (ИГУ, Иркутск). Ее исследование посвящено описанию основных закономерностей «иркутского текста», сложившегося в поэтическом дискурсе XX в., а также семантическим аспектам образа города в новейшей иркутской поэзии. О. Н. Меркулова (ИГУ, Иркутск) в докладе «Лирический субъект в поэзии Екатерины Боярских» типологически соотнесла творчество современной иркутской поэтессы с традициями метафизической поэзии и сделала вывод о том, что лирический субъект Боярских открывает-познает себя и мир в двойственном состоянии сознания.

В секции «Пути и судьбы: Трушкин, Распутин, Вампилов» выступила В. Я. Иванова (ИГУ, Иркутск) с докладом, в котором рассматривалась роль В. П. Трушкина и Н. С. Тендитник в развитии литературного дара Валентина Распутина, в становлении его как писателя. Член Союза писателей России В. А. Семенова поделилась своими воспоминаниями об общении с В. П. Трушкиным во время ее работы литературным редактором Восточно-Сибирского книжного издательства (1970-е — начало 1990-х гг.). Д. С. Кузовлева и А. В. Казорина (ПИ ИГУ, Иркутск) рассмотрели художественное время и пространство в повести В. Распутина «Пожар». К типологическим параллелям между героем А. Вампилова и образом страдающего индивидуалиста в западноевропейской литературе XX в. обратилась Н. В. Шестакова (ИГУ, Иркутск). Сопоставлению «агрессивной» искренности в «Утиной охоте» А. Вампилова и ранней пьесе В. Гуркина «Зажигаю днём свечу...» был посвящен доклад

Ю. М. Брюхановой (ИГУ, Иркутск). Исток типологического родства героев Вампилова и Гуркина, по мнению докладчика, соотносится с понятием искренности, которое начало утрачивать свою исконную семантику и восприятие еще в 1960-е гг., а в 1970-е гг. данный процесс породил так называемую агрессивную искренность.

Завершил конференцию круглый стол «Филология и литература сегодня: взаимные ожидания». На его дискуссионном заседании выступили преподаватели Иркутского университета, поэты, прозаики, литературные критики, руководители писательских организаций города, выпускница ИГУ, дочь В. П. Трушкина Анна Васильевна (поэт, литературный критик, кандидат филологических наук).

О. Н. Меркулова, С. Р. Смирнов

РЕЗЮМЕ

Е. С. Смирнов. Субконцепты «отец» и «мать» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья. В статье рассматривается структура субконцептов «отец» и «мать», а также языковые средства репрезентации их понятийных, образных и ценностных слоёв. Исследуемые субконцепты входят в структуру лингвокультурного концепта «семья», который является одним из базовых в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья. Источниками исследования стали культуроносные устные тексты, записанные от коренных жителей Северного Приангарья (Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов Красноярского края). Актуальность работы обусловлена её включённостью в коммуникативно-дискурсивную парадигму современной лингвистики; недостаточной изучённостью содержания и структуры лингвокультурного концепта «семья» в региональной лингвокультуре; важным социокультурным значением исследования традиционной лингвокультуры Северного Приангарья. В ходе исследования было установлено, что наиболее ярко в проанализированных текстах эксплицируются понятийные и ценностные слои. В ценностных слоях субконцептов «отец» и «мать» превагирует положительная оценка. Результаты исследования расширяют эмпирическую базу психолингвокультурологии, лингвокультурологии, коммуникативной диалектологии и других смежных наук.

Eu. S. Smirnov. Subconcepts “Father” and “Mother” in the Traditional Linguistic Culture of the North Angara River Basin. The article is about the structure of subconcepts “father” and “mother”, as well as the linguistic means of representing their conceptual, figurative and value layers. Subconcepts under research are included in the structure of the linguistic cultural concept “family”, which is one of the basic concepts in the traditional linguistic culture of the North Angara river basin. The sources of the study are cultural oral texts recorded from residents of the North Angara river basin (Kezhemsky, Bogychansky and Motygin sky districts of Krasnoyarsk region). The topicality of the study is determined by some facts: it is conducted within communicative-discursive paradigm of modern linguistics; insufficient knowledge of the content and structure of the linguistic cultural concept “family” in the regional linguistic culture; sociocultural significance of the traditional linguistic culture research of the North Angara river basin. In the course of the study, it was found that the conceptual and value layers are most clearly explicated

in the analyzed texts. A positive assessment prevails in the value layers of the subconcepts “father” and “mother”. Results of the research broaden the empirical basis of psycholinguoculturological, linguoculturology and communicative dialectology and other related sciences.

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина. Лингвокогнитивная сущность родственных отношений в диалектной картине мира жителей Кубани (на примере микрополя «Кровные родственники») (часть 1). Первая часть статьи посвящена описанию лингвокогнитивной сущности отношений между кровными родственниками в диалектной картине мира жителей Кубани посредством выявления специфики коннотативного содержания репрезентантов микрополя «Кровные родственники». Исследование проведено в синхронно-диахроническом аспекте. В результате обнаружена динамика одних участков микрополя «Кровные родственники» и консервация других, а также то, что его этноспецифику составляет не сформированная в литературном языке бинарная оппозиция деда — внуки, основанная на приоритетности в сознании диалектоносителей оценки времени в казачьей системе координат. Выявлена двойственная природа отношений дедов и внуков в восприятии носителей кубанских говоров. Обнаружены диалектные номинации, не имеющие аналогов в лексико-фразеологической системе литературного языка и свидетельствующие о концептуализации соответствующих понятий в сознании жителей Кубани.

O. G. Borisova, L. Y. Kostina. Linguo-Cognitive Essence of Relations in Dialect World View of Kuban Region Inhabitants (Based on the Example of Blood Relatives Microfield) (Part 1). The first part of the article deals with the description of the linguo-cognitive essence of blood relatives' relations in the dialect world view of the Kuban region inhabitants through revealing some specific character of connotive content of Blood Relatives microfield representatives. The research is synchronous and diachronous, as well. As a result, it reflects the dynamics of some Blood Relatives microfield representatives and no development of others. Moreover, its ethnical identity consists of the grandparents: grandchildren binary opposition, which is absent in the literary language. It is based on priority ranking (formed in the mind of dialect carriers) of time assessment in Cossack reference system. It reveals the dual nature of relations between grandparents and grandchildren in the Kuban sub-dialect carriers' perception. And it discovers the dialect nominations which have no counterparts in the lexical-phraseological system of literary language and which demonstrate the conceptualization of corresponding notions in the mind of Kuban region inhabitants.

Е. Н. Скубиёва, Н. Н. Шпильная. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности. Статья посвящена проблеме моделирования диалогической языковой личности. Моделирование осуществлено с помощью гипотетико-дедуктивного метода. Авторами предпринята попытка решения сложившегося в современной лингвистике противоречия, которое заключается в том, что, с одной стороны, традиционные модели языковой личности реконструируют её как создателя монологического высказывания, а с другой — реальной единицей коммуникации признаётся диалогическое высказывание, поскольку коммуникация осуществляется в форме диалога. В статье описана четырёхуровневая модель диалогической языковой личности, состоящая из следующих уровней: поверхностного понимания речевого произведения для создания ответного текста, интерпретационного, модусного и интертекстуального уровней. Единицы описания названных структурных уровней проиллюстрированы на материале интернет-комментариев одной языковой личности к новостным статьям, опубликованным на сайте информагентства «Банкфакс».

E. N. Skubieva, N. N. Shpilnaya. Model of a Linguistic Personality as a Native Speaker of Dialogical Linguistic Ability. The article is devoted to the problem of modeling a dialogical linguistic personality. Modeling is conducted with the help of hypothetical-deductive method. The authors make an attempt to solve the contradiction that has developed in modern linguistics, which consists in the fact that, on the one hand, traditional models of a linguistic personality reconstruct that personality as a creator of a monologue statement, and on the other hand, a dialogue unity is recognized as a real unit of communication, since communication is carried out in the form of a dialogue. The article describes a four-level model of a dialogic linguistic personality, consisting of the following levels: superficial understanding of a speech work in order to create a response text, interpretive, modus and intertextual levels. The units of description of the mentioned above structural levels are illustrated by the Internet comments of one linguistic personality to news articles published on the website of the Bankfax news agency.

Е. А. Косых. Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации. Исторически сложившейся традицией, принятой в обществе, является акт дарения какого-либо артефакта одного человека/группы людей/организации/объединения другому человеку/группе и т.д. В традициях многих народов коммуникативная ситуация поздравления или дарения на память сопровождается подписью артефакта. В статье ставится проблема классификации инскрипта — дарственной

и/или памятной надписи с автографом как жанра письменной речи. Тексты инскриптов имеют специфические особенности в текстовом и жанровом отношении. Для классификации инскриптов, имеющих разнообразное структурно-семантическое текстовое выражение, предлагаются основания, определяются характерные черты адресанта, адресата, их социальные роли, уточняется обобщённая текстовая семантика инскриптов, приводятся примеры их носителей, содержащих такие надписи.

E. A. Kosykh. Inscription in the Speech Paradigm of Society: on the Issue of Inscription Classification. One of historically established traditions adopted in society is the act of presenting an artifact by a person / group of people / organization / association to another person / group, etc. In the traditions of many nations, the communicative act of congratulating a person or donating them a memorable thing is accompanied by signing (inscribing) the gift. The article deals with the issue of classifying inscriptions — a dedication and / or commemorative inscription with an autograph — as a specific genre of written speech. The texts of the inscriptions have specific features textwise and genrewise. The article provides grounds for classifying inscriptions that have a variety of structural and semantic textual expressions. In the article, the characteristic features of the giver, addressee, and their social roles are determined, the generalized textual semantics of the inscriptions is specified, examples of gifts carrying such inscriptions are given.

Г. А. Менщикова. Особенности языковых средств и речевых приемов манипулирования в американском политическом дискурсе (на примере предвыборных дебатов Д. Трампа и Д. Байдена). В статье на материале предвыборных речей Д. Трампа и Д. Байдена в ходе первых и последних политических дебатов в США в 2020 г. представлены результаты анализа приемов речевой манипуляции, выявлены сходства и различия речей, определены особенности их речевой организации. Результаты исследования позволяют утверждать, что участники американского политического дискурса организуют свою речь особым семантическим, стилистическим и семиотическим образом, что придает ей исключительно прагматический характер. В ходе исследования особое внимание уделено таким языковым средствам, как использование эмоционально-экспрессивных слов и конструкций с отрицательной оценкой, «навешивание ярлыков» и др., использование категорий «свой-чужой», «я-мы», цель которых — повлиять на сознание и поведение собеседника/аудитории с выгодой для говорящего.

Menshchikova G.A. The Peculiarities of Language Means and Speech Techniques of Manipulation in American Political Discourse (on the

Example of D. Trump and J. Biden Presidential Debates). Based on the material of the pre-election speeches of D. Trump and D. Biden during the first and last political debates in the United States in 2020, the article presents the results of the analysis of speech manipulation techniques, identifies similarities and differences in speeches, and identifies the features of their speech organization. The results of the study allow us to state that participants in American political discourse organize their speech in a special semantic, stylistic and semiotic way, which gives it an exclusively pragmatic character. In the course of the study, special attention is paid to such linguistic means as the use of emotionally expressive words and constructions with a negative assessment, "labeling", etc., the use of the categories "friend or foe", "I-we", the purpose of which is to influence the consciousness and behavior of the interlocutor/audience to the benefit of the speaker.

А. А. Соловьева, И. В. Тресорукова. Особенности функционирования субстантивной модели простого предложения во фразеологии новогреческого языка. В статье рассматриваются предикативные фразеологические единицы (ПФЕ) новогреческого языка, построенные по субстантивной модели простого предложения. Анализируются синтаксические и семантические характеристики данных ПФЕ, предлагается опыт их классификации. В качестве теоретической базы исследования использована функционально-коммуникативная теория, предлагающая комплексный подход к предложению как к единому целому, что позволяет оценить предложения с ПФЕ в совокупности их формы, значения и функции и сделать выводы об их месте в системе языка. В статье рассмотрено отношение ПФЕ новогреческого языка к действительности и доказан присущий большинству приведённых примеров антропоцентризм; проведен сравнительный анализ свободных конструкций и предложений с ПФЕ, отмечены как общие черты, так и некоторые существенные различия, доказывающие двойственность и асимметрию природы ФЕ на фоне их нефразеологических аналогов.

A. A. Soloveva, I. V. Tresorukova. Features of the Substantive Model of a Simple Sentence Functioning in Phraseology of the Modern Greek Language. The article describes Predicative Phraseological Units (PPhU) of the Modern Greek language, built according to the substantive model of a simple sentence. The authors analyze syntactic and semantic characteristics of the PPhU and propose their classification. Functional-communicative theory is used as a theoretical basis for the study. This theory offers a complex approach to the sentence as a unit, which allows one to evaluate sentences

with PPhU taken together their form, meaning and function and to draw conclusions about their place in the language system. The article studies the attitude of the PPhU of the Modern Greek language to reality and proves anthropocentrism which is inherent in most examples; make a comparative analysis of free constructions and sentences with PPhU and note both common features and some significant differences, proving the duality and asymmetry of the nature of PPhU comparing to their not phraseological analogues.

Н. В. Кожанова. Особенности функционирования аббревиатур в лексической группе наименований лиц по профессии в немецко-язычных реалиях. В статье рассматривается феномен «аббревиатура» с точки зрения функциональных особенностей ее использования в лексической группе наименований лиц по профессии. В данной статье термин «аббревиатура» используется как синоним слова-сокращения. Особое внимание уделяется инициальному типу сокращений, в котором наиболее частотными являются трехкомпонентные инициалы. В качестве эмпирического материала использованы аббревиации, представляющие собой инициальные сокращения и сокращения первого компонента композита, как собственно немецкие, так и заимствованные из английского языка. Итогом исследования является констатация важной роли использования аббревиатур в профессиональной деятельности в Германии. Правильное использование и понимание аббревиатур, прежде всего заимствованных, значительно облегчает профессиональную коммуникацию, особенно в условиях глобализации.

N. V. Kozhanova. Peculiarities of Abbreviation Functioning in the Lexical Group of Professional Denominations in German-Language Realities. The article considers the phenomenon of “abbreviation” from the point of view of the functional peculiarities of its use in the lexical group of professional denominations. It is pointed out that the notion of abbreviation does not have a clear-out definition and, as a result, a unified classification. In this article the term “abbreviation” is used as a synonym of the word shortening. A special attention is paid to the shortenings of the initial type, among which the most frequent are three-component initials. The initial shortenings and the shortening of the first component of composites, both German origin and borrowed from English, were used as empiric material. In conclusion, the important role of the use of abbreviations in professional activity in Germany is pointed out. The proper use and understanding of abbreviations, primarily the borrowed ones, makes the professional communication easier, especially in the context of globalization.

И. А. Широких. Эмоциональная составляющая категории времени и категории вида (на материале текстов англоязычных песен). В статье рассматриваются две из наиболее важных грамматических категорий английского языка: категория времени и категория вида. Автор предлагает толкование данных грамматических явлений в контексте теорий, изложенных зарубежными лингвистами. Теоретические положения сопровождаются примерами из текстов англоязычных песен группы «The 1975». При создании песни автор текста целенаправленно использует то или иное время, простой или длительный вид. Целью становится выражение и донесение до слушателя (или читателя) разнообразия эмоций, которые испытывает сам автор. Любое отклонение от грамматической нормы приводит к созданию и проявлению эмоциональной составляющей данной категории. Таким образом, настоящее исследование сочетает теоретические положения о двух грамматических категориях английского языка, которые до сих пор находятся в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов, и демонстрацию реализации категории времени и вида в текстах английских песен.

I. A. Shirokikh. Emotional Constituent of the Category of Tense and the Category of Aspect (Based on the Lyrics of English Songs). The article deals with two most important grammatical categories of the English language: the category of Tense and the category of Aspect. The author of the article offers theories about these grammatical categories, provided by foreign linguists. The theoretical aspects are proved with the examples from English songs, performed by the band *The 1975*. While writing lyrics, the author of the songs uses this or that Tense, Simple or Continuous Aspect, having a definite idea in his mind. It is the emotions he wants to present to the audience that determine the author's choice. Any deviation from grammar norms creates some emotional effect, realization of emotional constituent of a definite grammatical category. Thus, the research combines theoretical background of the category of Tense and the category of Aspect, still debated by Russian and foreign linguists, as well as presentation of the two categories realization in the English song lyrics.

О. Н. Григорьева, Ни Цзиншэн. Гастрономические итальянизмы в современном русском языке (синхронический и диахронический аспекты). В статье рассматривается гастрономическая лексика итальянского происхождения в современном русском языке, выясняются лингвистические и социально-психологические факторы, определившие ее появление в разные исторические периоды. На основе толковых словарей и кулинарных справочников выделяются три лексико-семантические

группы: названия продуктов, напитков и блюд, рассматривается этимология входящих в них лексических единиц, дается история их происхождения, приводится культурологический комментарий для уточнения значений данных слов. Интерес представляют гастрономические итальянизмы, производные от имени собственного. Особое внимание уделено словам *макароны* и *пицца*. Как показывает исследование, гастрономические итальянизмы активно употребляются в языке русской художественной литературы и современной рекламы. Изучение функций, выполняемых этими словами в текстах разной стилистической направленности, позволяет лучше понять механизм адаптации таких слов в современном русском языке.

O. Grigorieva, Ni Jingsheng. Gastronomic Italianisms in Modern Russian Language (Synchronic and Diachronic Aspects). The article examines the gastronomic vocabulary of Italian origin in the modern Russian language, clears out the linguistic, social and psychological factors that determined its introduction in different historical periods. Three lexical-semantic groups are distinguished basing on definition dictionaries and cookery-books: the names of food-stuffs, drinks and dishes, the etymology of the lexical units included in them is considered, the history of their origin is given, and a cultural commentary is provided in order to clarify the meaning of these words. Gastronomic Italianisms derived from proper names are of great interest. Special attention is paid to the words *pasta* and *pizza*. As the study shows, gastronomic Italianisms are actively used in the language of Russian fiction and modern advertising. The study of the functions performed by these words in texts of different stylistic slant allows us to better understand the mechanism of adaptation of such words in the modern Russian language.

И. Н. Дьяченко, Т. Н. Малиновская. Эмоциональная доминанта как структурообразующий фактор перевода. Статья посвящена выявлению роли факторов, способствующих восприятию и пониманию речевого произведения. Наименее изученными среди них являются экстралингвистические факторы, что обуславливает актуальность принятого в статье исследования. Наука подчеркивает взаимовлияние аффективных и когнитивных процессов индивида. Эмоции выполняют мотивирующую функцию во всех видах деятельности человека. Перевод также является одним из видов речевой деятельности, подчиняется общим законам психической деятельности и регулируется эмоциями. Уровень перцепции иноязычного текста находится в прямой зависимости от сходства эмоционально-волевых структур и концептуальных систем авторов текстов оригинала и перевода. В тексте эмоции репрезентиру-

ются языковыми единицами, которые актуализируют также его смыслы. Эмоции автора художественного текста являются чрезвычайно важными. Ведущая эмоция представляет его эмоциональную доминанту, в то время как производные эмоции репрезентируют модификации доминантной.

I. N. Dyachenko, T. N. Malinovskaya. Emotional Dominance as a Structural Factor of the Translation. The article discusses the role of some factors that regulate the perception and understanding of the text. Extralinguistic factors are considered less-studied which makes the analysis presented in the article quite relevant. Modern science actualizes the interconnection of affective and cognitive processes of a person. Emotions play an important role in all types of man's activity. Translation is one of the types of speech activity and is influenced by the general rules of psychic activity. Besides, translation is regulated by emotions. The level of a foreign text perception depends on the nearness of the emotional and the conceptual systems of the original and the translation text authors. Emotions are presented in the text by language units. They also actualize its meanings. The emotions of the fiction text author are of the paramount importance. The leading emotion builds its emotional dominance while the dependent emotions represent the emotional dominance modification.

Г. М. Маматов. Образ морской деви в поэзии К. Д. Бальмонта. В статье на материале 23 стихотворений представлено комплексное исследование образа морской деви в лирике К. Д. Бальмонта. В ходе работы были сделаны следующие выводы: образ морской деви оказывается частотным в любовной и эротической лирике поэта и связан с декадентскими мотивами; ряд текстов пронизан образностью славянского фольклора, важно и то, что некоторые стихотворения являются поэтически «переложениями» известных былин и легенд из русского, польского и литовского фольклора. Но большая часть стихотворений с фольклорной символикой коррелирует с эстетическими взглядами самого поэта и связывается с солнечным культам и пониманием солнца как вселенского созидającego начала и бальмонтговской концепцией красоты и гармонии, как синтеза разнородных природных стихий. Развитие образа морской деви в лирике Бальмонта выражает эволюцию авторского мировоззрения от типичных для декадентства эротических и мортальных мотивов до поэтического воплощения собственных эстетических воззрений на природу красоты и целостности мироздания.

G. M. Mamatov. The Image of Sea Maid in the Poetry of K. D. Balmont. The article is a complex case study of 23 poems presenting the image of the sea maid in lyric poetry of K. D. Balmont. The following conclusions has been

made in the course of the works: the image of the sea maid tends to be frequent in love and erotic lyrics and is linked with decadence motives; many texts are permeated with characters of Slavic folklore, besides, it is important that some poems are poetical “renditions” of famous epic songs and legends from Russian, Polish and Lithuanian folklore. Still most of the poems with folklore symbolism answer aesthetic views of the poet himself and are linked to his solar cult and his understanding of the sun as a universal creative principle, and to Balmont’s conception of beauty and harmony as a synthesis of opposed nature elements. The image of the sea maid is multifaceted in Balmont’s poetry, its development expresses the evolution of author’s worldview from typical decadence erotic and mortal motives aesthetic understanding of the nature of beauty and integrity of the world.

А. И. Куляпин. Идейная структура рассказа В. М. Шукшина «Внутреннее содержание». Рассказ «Внутреннее содержание» связан не только с художественными произведениями писателя, но также с его эпистолярным и публицистическими выступлениями. Программная статья «Вопросы самому себе», написанная в том же году, что и рассказ «Внутреннее содержание», поднимает болезненный для Шукшина вопрос о влиянии городской, мещанской по сути, культуры на сельскую. Проблема, по его мнению, заключается в том, что город канализирует в деревню разного рода «культурный суррогат». В рассказе «Внутреннее содержание» городские модельеры включают в дефиле заведомо провокационный элемент — демонстрацию пляжного ансамбля. Они стремятся навязать селу мещанскую псевдокультуру во имя утверждения современных раскованных отношений. Как многие шукшинские персонажи конца шестидесятых — начала семидесятых годов, главный герой рассказа «Внутреннее содержание», для которого вначале цинизм горожан был неприемлем, в конце концов все же поддается искушению.

A. I. Kulyapin. The Ideological Structure of V.M. Shukshin’s Short Story “Inscape”. The story “Inscape” discussed in this article is associated both with the writer’s works of fiction and with his epistolary and publicist speeches. The programmatic article “Questions to myself”, written in the same year as the story “Inscape”, raises a sensitive for Shukshin issue of the influence of urban, virtually philistine culture on the rural one. To his mind the problem is that the city drains various kinds of “cultural surrogate” into the village. The story “Inscape” goes about urban fashion designers who include a deliberately provocative element in the fashion show — a demonstration of a beach outfit. They seek to impose a philistine pseudo-culture on the village in the name of establishing modern uninhibited relations. Like many Shukshin’s characters

of the late sixties and early seventies, the main character of the story “Inscape”, for whom the cynicism of the townspeople was unacceptable at first, eventually succumbs to temptation.

И. Б. Ничипоров. Между современностью и мифом: роман Алексея Варламова «Купол». Статья посвящена исследованию художественной картины мира в романе А. Варламова «Купол» (1999). Выясняется место данного произведения в творчестве писателя, соотношение исповедально-автобиографического дискурса с характерным для автора и центрального героя-интеллекта мифопоэтическим мышлением. Проанализировано изображение провинции и Москвы позднесоветского и «перестроечного» времени; разнородной университетской среды в диапазоне от аудитории до общежития и неформальных молодежных движений. Центральное место отведено изучению семантики и структуры городского топоса Чагодая, его конкретно-исторических и мифологических истоков и смыслов. Подробно рассмотрены утопические модели Купола, Царства Божия на земле в призме авторского изображения, обстоятельств биографии центрального персонажа, коллизий общественной жизни порубежного времени. Сделан вывод о пророческом звучании данного произведения, где художественно воссозданные реалии конца прошлого века послужили основанием для тревожных предчувствий о перспективах жизни страны на ближайшие десятилетия.

I. B. Nichiporov. Between Modernity and Myth: Alexey Varlamov's Novel “The Dome”. The article considers the artistic worldview in A. Varlamov's novel “The Dome” (1999). The author of the article clarifies the place of this novel in the writer's works, the balance of the confessional-autobiographical discourse with the mythopoetic thinking characteristic of the writer himself and the central character-the intellectual. The representation of the province and Moscow of the late Soviet and “perestroika” time is analyzed as well as the heterogeneous university environment ranging from the auditorium to the dormitory and informal youth movements. Special attention is given to the study of the semantics and structure of the urban topos of Chagodai, its specific historical and mythological origins and meanings. Utopian models of the Dome, the Kingdom of God on Earth are considered in detail from the perspective of the author's image, the life experience of the central character, public life collisions of the frontier time. Conclusions are drawn about the prophetic nature of this work, where the artistically recreated realities of the end of the previous century serve as the basis for anxious forebodings about the prospects for the the life in the country in the coming decades.

Н. С. Гребенникова, Е. А. Тозьякова **Концепт «алтай-кижи/алтаец» как отражение национальной идентичности в алтайской литературе.** Современная алтайская литература обладает широким спектром возможностей репрезентации этнонациональной ментальности в силу того, что этнокультурные элементы являются ее органичной частью. В статье исследуется этноконцепт «алтай-кижи/алтаец», через призму которого описывается специфика национальной идентичности коренного народа Горного Алтая. На материале творчества алтайских поэтов и писателей (Б. Бедюрова, Б. Укачина, П. Самыка, Г. Кондакова) прослеживается, из каких элементов оформляется этноконцепт и какие смыслы он репрезентирует в алтайской литературе. Содержание этноконцепта составляет сложная совокупность смыслов, связанных, с одной стороны, с универсальной семантикой понятия «человек», с другой — с константой национального характера и менталитета. В целом, в текстах алтайской литературы «алтай-кижи/алтаец» репрезентирует универсальное значение человека вообще и одновременно выступает как константа национального характера и менталитета.

N. S. Grebennikova, E. A. Tozyakova. The Concept of “Altai-Kizhi/Altaiian” as a Reflection of National Identity in the Altaian Literature. Modern Altaian literature has a wide range of possibilities for representing ethnic and national mentality due to the fact that ethno-cultural elements are its organic part. The article examines the ethno-concept “Altai-Kizhi/Altaiian”, through the prism of which the specifics of the national identity of the indigenous people of the Altai Mountains are described. Based on the creative work of the Altai poets and writers (B. Bedyurov, B. Ukachin, P. Samyk, G. Kondakov), the authors have traced from which elements the ethnoconcept is formed and what meanings it represents in the Altai literature. The content of the ethnoconcept is a complex set of meanings, connected, on the one hand, with the universal semantics of the concept of “man”, on the other hand, with the constant of the national character and mentality. In general, in the texts of the Altaian literature, “Altai-Kizhi/Altaiian” represents the universal meaning of a person in general and at the same time acts as a constant of the national character and mentality.

НАШИ АВТОРЫ

- БОРИСОВА**
Ольга
Геннадиевна — доктор филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар).
E — mail: leliastom@mail.ru
- ГРЕБЕННИКОВА**
Наталья
Степановна — кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: grebennikova_n@mail.ru
- ГРИГОРЬЕВА**
Ольга
Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: lonogrig@mail.ru
- ДЬЯЧЕНКО**
Ирина
Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: dyachenko.irinka@bk.ru
- КОЖАНОВА**
Наталья
Викторовна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: dsf46k@yandex.ru
- КОСТИНА**
Людмила
Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: patriot30@mail.ru
- КОСЫХ**
Елена
Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета, руководитель Консультационного Центра «Русский язык» (Барнаул).
E-mail: veko@mail.ru
- КУЛЯПИН**
Александр
Иванович — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru
- МАЛИНОВСКАЯ**
Татьяна
Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Барнаульского юридического института МВД России.
E-mail: vasilenko.76@mail.ru
- МАМАТОВ**
Глеб
Максимович — аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: zarra8@yandex.ru
- МЕНЩИКОВА**
Галина
Анатольевна — кандидат философских наук, доцент Барнаульского юридического института МВД России.
E-mail: alnic2901@rambler.ru

- МЕРКУЛОВА
Ольга
Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент Иркутского государственного университета.
E-mail: olzame@gmail.com
- Ни Цзиншэн** — аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: shengjingni@gmail.com
- НИЧИПОРОВ
Илья
Борисович** — доктор филологических наук, доцент; профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: il-boris@yandex.ru
- СКУБИЕВА
Елена
Николаевна** — старший преподаватель Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: nikoles_16@mail.ru
- СМИРНОВ
Евгений
Сергеевич** — старший преподаватель Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: ses9215@mail.ru
- СМИРНОВ
Сергей
Ростиславович** — доктор филологических наук, профессор Иркутского государственного университета.
E-mail: sssisu@yandex.ru
- СОЛОВЬЕВА
Алёна
Андреевна** — аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: alenasol94@yandex.ru
- ТОЗЫЯКОВА
Екатерина
Александровна** — кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: katyatoz@mail.ru
- ТРЕСУРУКОВА,
Ирина
Витальевна** — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
E-mail: itresir@mail.ru
- ШИРОКИХ
Ирина
Алексеевна** — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: shirokih.irina@mail.ru
- ШПИЛЬНАЯ
Надежда
Николаевна** — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: venata85@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 40 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 25 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т. д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т. п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т. п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллю-

стративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и. о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и. о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 1 • 2022

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843 в каталоге Почты России
Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 11.02.2022.

Дата выхода издания в свет ??.02.2022.

Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 11,4. Тираж 500 экз. Заказ № ???.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 6б